

LEKSISKAS
UN GRAMATISKAS
INOVĀCIJAS

P. Stučkas LVU
Angļu filoloģijas
katedra

ЛГУ им. П. Стучки
Кафедра английской
филологии

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра английской филологии

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1982

Latvijas PSR Augstākās un vidējās speciālās
izglītības ministrija
Ar Darba Sarkanā Karoga ordeni apbalvotā
Pētera Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Angļu filoloģijas katedra

LEKSISKAS UN GRAMATISKAS INOVĀCIJAS

Zinātnisko rakstu krājums

P. Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Rīga 1982

Leksiskas un gramatiskas inovācijas . - Rīga: P.Stučkas
LVU, 1982. - 168 lpp.

Rakstu krājuma autori apskata jaunas leksiskas un grama-
tiskas parādības latviešu, angļu un franču valodās.

Krājums paredzēts filologiem - mācību spēkiem, aspiran-
tiem un studentiem.

6 tabulas, 155 bibl. nos.

В статьях сборника авторы рассматривают новые языковые
явления, появившиеся в лексике и грамматике латышского, ан-
глийского и французского языков.

Сборник рассчитан на преподавателей-филологов, аспиран-
тов и студентов различных филологических специальностей.

Табл. 6, библи. 155 назв.

REDKOLĒGIJA:

Doc. L.Orlovska (atbildīgā redaktore), doc. A.Ahero,
doc. A.Bankavs, doc. J.Kārklīnš, doc. T.Korols

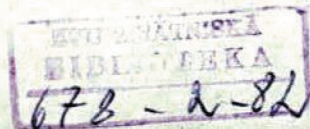
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доц. Л.Орловская (отв. редактор), доц. А.Ахеро,
доц. А.Банкав, доц. И.Карклиньш, доц. Т.Король

Publicēts saskaņā ar P.Stučkas LVU
Izdevniecības padomes lēmumu

L 70100-029u 30.82.4602000000
M 812(11)-82

© P.Stučkas Latvijas
Valsts universitāte,
1982

А.Я.Банкав

Рига

ГЛАГОЛЬНЫЕ ГАЛЛИЦИЗМЫ ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА

При изучении вопроса о пополнении словарного состава латышского языка за счет французского больше внимания уделяется описанию именных галлицизмов; в меньшей мере охарактеризованы глагольные галлицизмы, несмотря на то, что они занимают определенное место в словообразовательной и лексико-семантической системе.

При анализе словарей иностранных слов латышского языка разных лет издания [1] установлено, что удельный вес глагольных галлицизмов в начале XX века составляет примерно 15-16% от общего количества галлицизмов, а к 70-80 годам наблюдается тенденция к уменьшению их удельного веса /до 11%/.

По сравнению со всей заимствованной лексикой глагольные галлицизмы также имеют тенденцию к сокращению /примерно 1,7% к началу XX в. и около 1,2% к 70 г. XX в./ при трехкратном увеличении общего количества заимствований.

Год изд-я СИС	Общее к-во иностр. слов /по данным СИС/	Общее к-во галлицизмов	В том числе глагольных	
			В абс. ч.	В % отн.
1906	~ 4600	~ 500	75	15
1978	~19000	~2000	225	11,1

На протяжении исследуемого периода, т.е. с начала XX века до настоящего времени, глаголы французского происхождения подверглись довольно значительным изменениям, что

Чаще всего связано с процессом ассимиляции. Кроме того этот процесс проходит при активном содействии языков-посредников /т.е. немецкого и русского/, через которые галлицизмы и попали в латышский язык. Если к началу нашего века галлицизмы проникли через немецкий и русский языки, то в последнее время роль немецкого языка как языка-посредника значительно уменьшилась и можно предположить, что процесс заимствований новых галлицизмов в латышский язык через немецкий уже не является продуктивным.

Хотя общее количество глагольных галлицизмов за последние 70 лет возросло втрое, сам процесс вхождения исследуемых единиц был весьма сложным и противоречивым. Не все те галлицизмы, против которых выступали латышские языковеды, были устранены. Например, в 1924 году Е. Дравниек опротестовал употребление глаголов *angažēt*, *ekspluatēt*, предложив их заменить латышскими синонимами [2, с. II 2].

Встречки этим рекомендациям данные галлицизмы используются до сих пор, получив, однако, более узкую специализацию значений: глагол *ekspluatēt* употребляется основном в политической лексике, *angažēt* — в театральной. Вышла из употребления часть галлицизмов, которые обозначали различные действия, относящиеся к обиходной лексике (*bordēt* < нем. *bordieren* < фр. *border*; *brodēt* < нем. *brodieren* < фр. *broder*; *maltretēt* < нем. *malträtiert* < фр. *maltraiter*; *persiflēt* < нем. *persiflieren* < фр. *persifler*; *šikanēt* < нем. *schikanieren* < фр. *chicaner*; *tranšēt* < нем. *tran(s)chieren* < фр. *trancher*), к военной лексике (*alarmēt* < нем. *alarmieren* < фр. *alarmer*; *ataķēt* < нем. *attackieren*, русск. атаковать, *attaquer* и др.).

Чаще всего они были заменены другими глаголами *ataķēt* - *uzbrukt*; *persiflēt* - *izsmiet*, *izzobot*; *turnēt* - *griezties* и т.д. Замещению подверглись главным образом те глаголы, которые еще не вошли прочно в лексику латышского языка, и были только в одном из языков-посредников /в данном случае - в немецком/. Наличие же глагола французского происхождения в обоих языках-посредниках способствовало

его более прочному приспособлению к латышской глагольной системе и устранению вариантности /особенно глаголов с исходом на -ierēt: blañēt - blañierēt (нем. blamieren); bombardēt - bombardierēt (нем. bombardieren); frizēt - frizierēt (нем. frisieren); gravēt - gravierēt (нем. gravieren); garnēt - garnierēt (нем. garnieren); komandēt - komandierēt (нем. kommandieren); kontrolēt - kontrolierēt (нем. kontrollieren) и др./ Устранение вариантности содействовало сближению внешней формы глагольных галлицизмов со своими прототипами (ср. blāmer, bombarder, commander, contrôler, graver и др.).

Все глагольные галлицизмы подверглись в латышском языке акцентологической адаптации. Во французском языке ударение обычно падает на последний, а в латышском - на первый слог. Исход глагольных галлицизмов в латышском языке одинаков (-ēt) и соответствует французским глаголам первой группы (с окончанием на -er). В отдельных случаях глаголы второй (blanchir) и третьей группы (démentir, garnir, servir) в латышском имеют по аналогии исход слова на -ēt (blañēt, dementēt, servēt). Единственное исключение составляет глагол plānot "планировать", который еще в начале XX века имел регулярную форму planēt, но во избежание омонимии с глаголом planēt "разровнять", соотносимым с другим французским глаголом planer, суффикс -ē- был заменен суффиксом -o-. Как указано в Грамматике современного латышского языка [3, с.337], почти все иноязычные глаголы образованы с исходом на -ēt. К этой группе примыкают также иноязычный суффикс -iz-, к которому подсоединяется суффикс латышского языка -ē-, например, в галлицизмах: aktualizēt, demobilizēt, ekranizēt, militarizēt, mobilizēt, naturalizēt.

Небольшая часть глагольных галлицизмов может употребляться с приставками латышского языка no- (likvidēt, grimēt, riskēt); sa- (frizēt, kompromitēt); iz- (dekorēt) at- (šifrēt). В некоторых случаях приставка иноязычного происхождения de- может быть выделена как отдельный словообразовательный элемент /напр. в галлицизмах: debloķēt, demobilizēt, dešifrēt, dezorganizēt/, чаще всего она спаяна с основой: dementēt < démentir < de+mentir; detonēt < detonner < de+ton.

Некоторые глагольные галицизмы латышского языка имеют как личную, так и возвратную форму (*normalizēt-normalizēties; specializēt-specializēties; stabilizēt-stabilizēties*). Отдельные глаголы употребляются только в возвратной форме (*amizēties, kotēties, revanšēties*).

Сопоставительный анализ показывает также, что переходному глагольному галицизму в латышском языке соответствует переходной глагол французского языка, например: *dekorēt-décorer qch; manevrēt-manœuvrer qch; pastērizēt-pasteuriser qch*.

В отдельных случаях, под влиянием языков-посредников, некоторые галицизмы в латышском языке являются непереходными, а их французские прототипы - переходными, напр. *riskēt ar savu dzīvību - risquer sa vie* русск. рисковать жизнью, нем. *sein Leben riskieren*.

Большинство глагольных галицизмов латышского языка имеют соотносимое существительное: исчезновение из латышского языка за последние 70 лет ряда глаголов (*alarmēt, šantažēt, flanēt, persiflēt, plafonēt, šikanēt, maltretēt*), в части связано с тем, что вместе с этими глаголами вышло из употребления соответствующие существительные (*alarmē, persiflēja*). Только около 10 глаголов встречаются в глагольной форме (*anonsēt, kotēties, predominēt, reimbursēt*).

Некоторые глаголы образовались на почве языков-посредников, и по отношению к французским глаголам они являются псевдогалицизмами. К таким глаголам относятся *šantažēt* из русск. шантажировать, фр. *chantage*; *režisēt* из русск. режиссировать от основы заимств. имени существительного режиссер < фр. *régisseur*; *dežurēt* от русск. дежурить с фр. *de+jour*.

В течение XX века отдельные галицизмы подверглись семантическим изменениям. Редукция значений наблюдается у глагола *dressēt*. Ещё к 30 годам данный глагол имел два различных значения а/ дрессировать, напр. животных и б/ придать форму - термин кулинарии, что соответствовало значению глагола *dressieren* "Speise gefällig formen u. anrichten." В настоящее время в латышском языке сохранилось только первое значение с точным соответствием в обоих языках-посредниках (дрессировать, *dressieren*).

Фактический материал глагольных галлицизмов показывает, что исследуемые единицы укореняются в латышском языке, если они имеют аналоги либо в русском, либо в обоих языках-посредниках одновременно. В случае, если глагольные галлицизмы проникли в латышский язык через немецкий и отсутствуют в русском, то наблюдается тенденция либо к устранению данных единиц, либо к их стилистической дифференциации. В последнем случае эти слова нередко относятся к нелитературной разговорной лексике /напр.: *amizētics, blamētics, brodēt, panēt*/.

Под влиянием языков-посредников наблюдается частичное или полное изменение семантики глагольных галлицизмов латышского языка по отношению с соответствующими глаголами языка-источника, что приводит к образованию т.н. междуязычных аналогизмов, т.е. слов аналогичных или близких по звучанию и буквенному составу, но не совпадающих по значению [4, с. 437]. Будучи этимологически связаны, они в зависимости от степени различия смысловой структуры разделяются на две подгруппы:

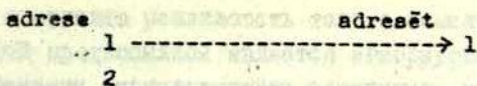
а/ абсолютные междуязычные аналогизмы /пары с полностью различными значениями/: *avansēt - avancer; montēt-monter; remontēt - remonter; preparēt - préparer*;

б/ частичные междуязычные аналогизмы /пары слов с некоторым ограничением или расширением объема понятия/: *maršēt "маршировать" - marcher "идти, шагать"; foršēt "ускорить; преодолеть, форсировать" - forcer "принуждать"*.

Систематизация глагольных галлицизмов по тематическим группам позволяет сделать вывод о сферах воздействия языка-источника через языки-посредники на заимствующий язык, о характере и областях употребления заимствованных глаголов, о количественном соотношении исконных и иноязычных глаголов, о специфике одной тематической группы по сравнению с другими тематическими группами. Фактический материал позволяет глагольные галлицизмы латышского языка распределить по следующим основным тематическим группам:

- общественно-политическая и административно-официальная лексика: dekretēt, demisionēt, dezavuēt, akreditēt, para-fēt, kolonizēt, naturalizēt, sabotēt, reprezentēt, so-cializēt, terorizēt, tiranizēt, reglamentēt;
- военная лексика: bombardēt, debloķēt, debordēt, defilēt, demaskēt, dezertēt, dislocēt, eāelonēt, forsēt, komandēt, kalibrēt, manevrēt, militarizēt, patrolēt, pilotēt, piketēt;
- научная и техническая лексика: apretēt, blanšēt, bron-zēt, filtrēt, frēzēt, niķelēt, titrēt, pasterizēt, tamponēt, (de)karbonizēt, trepanēt, veģetēt;
- коммерческая лексика: avizēt, ekonomēt, kreditēt, kooprēt, plānot, profitēt, patentēt, subsistēt, rambursēt;
- отвлеченная, книжная лексика: identificēt, konstatēt, favorizēt, modernizēt, vulgarizēt, žonglēt;
- обиходная лексика: interesēties, frizēt, kolekcionēt, mēģināt, marinēt, organizēt, riskēt, šokēt.

Вышеприведенная систематизация показывает, что наиболее широко глагольными галлицизмами представлена общественно-политическая, военная и научно-техническая лексика. Случаи, когда по своим значениям глагольные галлицизмы могут быть отнесены к различным тематическим группам, многочисленны, так как они обычно однозначны /около 80%/ и двузначны /14%/. Так, например. Словарь современного латышского литературного языка [5, с.527-528] указывает четыре различных значения у глагола *fikāēt*, соответствующих значениям существительного *fikācija* и связанных с различными сферами употребления /научная, техническая, общепотребительная/. Однако не каждое значение глагольного галлицизма соотносится со сходным значением соответствующего именного галлицизма. Чаще всего именной галлицизм имеет более развернутую семантическую структуру, чем глагольный галлицизм. Например, существительное *adrese* имеет в латышском языке два значения 1/ местожителство кого-л. или название места нахождения; 2/ письменное приветствие в красивом оформлении [5, с.41]. Соответствующий же глагол *adresēt* употребляется лишь в значении "послать по какому-н. адресу". Схематически это изображается следующим образом:

Аналогичная соотносимость наблюдается и у других галлицизмов (deklarēt, dekorēt, frāzēt и др.) и только в отдельных случаях глагольный галлицизм имеет более сложную семантическую структуру, нежели соответствующее существительное. Например, глагол aranzēt употребляется в значениях 1/ переложить музыкальное произведение для другого вида исполнения; 2/ готовить мизансцены /на репетициях театральных спектаклей/. Соответствующее имя существительное (aranžējums) обозначает результат, законченное действие первого значения глагола aranzēt [5, с.305].

Как следует из вышеизложенного, глагольные галлицизмы органически входят в лексическую и словообразовательную систему латышского языка. В ходе исторического развития они подверглись фонетическим, грамматическим, лексико-семантическим изменениям и пополняют интернациональный пласт лексики современного латышского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dravneeks J. Svešū vārdu grahmata. - Jelgava, 1906, 4.izd. - 297 lpp. Ozoliņš Ed. Svešvārdu vārdnīca. - R.:1934, 2.izd. - 351 lpp.; Svešvārdu vārdnīca. - R.: Liesma, 1978, 2.izd,pārstrād. un papild. - 771 lpp.
2. Dravnieks J. Raksti. - R.:1926, 1.sēj. - 192 lpp.
3. Mūsdienų latviešu literārās valodas gramatika. - R.: 1959, 1.sēj. - 830 lpp.
4. Немецко-русский и русско-немецкий словарь "ложных друзей переводчика"/ Сост. К.Г.М.Готлиб. - М.:Советская энциклопедия, 1972. - 448 с.
5. Latviešu literārās valodas vārdnīca. - R.:Zinātne, 1972, 1.sēj. - 518 lpp.

О.В.Буш
Рига

ДЕНОТАТИВНЫЕ И КОННОТАТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СЕМАНТИКЕ СЛЕНГИЗМОВ ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА

Чтобы судить о семантических явлениях, связанных с употреблением сленгизмов в устной речи (предметом данной статьи является семантика коммуникатора при устной форме общения), необходимо иметь представление о контексте и ситуации речевого акта. Объем имеющегося в распоряжении автора соответствующего материала не позволяет считать все выводы истиной в последней инстанции, однако главные закономерности вырисовываются довольно отчетливо.

К таким закономерностям относятся пропорции денотативных и коннотативных элементов значения в лексике сленга (под этим термином понимается вся одноязычная недиалектальная нелитературная лексика), т.е. соотношение между смысловым содержанием сленгизма и дополнительными компонентами его значения. Эти дополнительные компоненты или коннотативные семы являются обязательной принадлежностью сленгизмов, большую часть которых можно было бы назвать коннотативно полисемическими словами. Как и в случае смысловой полисемии, коннотативные семы сленгизма реализуются не все одновременно. В зависимости от функции сленгизма, а также от среды общения, в каждом частном употреблении на передний план выдвигаются один-два дополнительных компонента значения, иногда три, но возможно и такое употребление, при котором все коннотативные семы остаются за экраном и функционирует только денотативное значение сленгизма.

Этот последний случай не соответствует распространенному мнению об эмоциональной экспрессивности как необходимым признаке сленгизмов. Чтобы из семантического со-

держания сленгизма реализовать только смысловое ядро, необходимой предпосылкой является игнорирование требований кодификации, использование сленгизма, не осознавая несоответствие данного слова кодифицированной норме (в дальнейшем такое употребление названо неосознанным, а использование сленгизма, осознавая его несоответствие норме — осознанным употреблением).

Неосознанное употребление сленгизмов возможно в двух основных ситуациях. Во-первых, такое стилистически и эмоционально нейтральное (в восприятии говорящего) использование слов сленга характерно для среды, в которой слабо известны требования кодификации. Во-вторых, употребление сленгизма может быть неосознанным непосредственно в момент речевого акта, хотя в принципе несоответствие данного слова норме говорящему известно.

Ближе рассмотрим второй случай. Нелитературные слова, которые используются в этой ситуации, можно разделить на три основные группы. Первую группу составляют сленгизмы — "модные словечки". Это широко распространенные в языке, употребляемые часто и многими нелитературные слова, экспансия которых не связана с семантическими факторами или, во всяком случае, семантические факторы не являются главной причиной упомянутой экспансии. В латышском языке самым распространенным сленгизмом этой группы является *tot*, чуть менее популярен *biķi* и некоторые нелитературные формулы вежливости. "Модными словечками" можно считать также некоторые часто используемые прилагательные и наречия, например, *forši, feini*. Если мужчина 25—30 лет, ведя за руку через улицу трехлетнего ребенка, говорит ему: *fiksi, fiksi!*, то ясно, что в данном употреблении реализуется только денотативная сема. Чем активнее слова этой группы используются, тем меньше становится ассортимент их коннотативных сем, и, например, у упомянутого *tot* в устной форме общения очень редко может реализоваться дополнительный стилистический компонент значения, а эмоциональным "обертоном" это слово, по-видимому, вообще не обладает.

Вторую группу сленгизмов, которые часто используются неосознанно, составляют те нелитературные слова, литературный эквивалент которых в устной коммуникации используется реже соответствующего сленгизма или, по крайней мере, не намного чаще. Несколько примеров: *švaks, šibēris, širnis, trekteris*. При осознанном употреблении у этих сленгизмов могут реализоваться и эмоциональные коннотативные семы, однако экспрессивность этих слов невелика.

Третью группу сленгизмов, используемых неосознанно, составляют слова, которые не имеют синонимов в литературной лексике; В.Хомяков предлагает их назвать моносленгизмами или моноэлементами сленга (I, с.48; 2, с.10). Для латышского языка наиболее характерны такие моносленгизмы, денотативная часть семантики которых отличается от близкого по смысловому содержанию литературного слова относительно небольшим нюансом значения. Чаще всего это глаголы или прилагательные, например: *šmorēt, brudierēt, gaumerētis, cimperlīgs, cīrlīgs, fērlīgs*. Конечно, каждый моносленгизм можно употребить и осознанно, реализуя одновременно со смысловым содержанием и стилистическую коннотативную сему. Однако, как правило, главной для этих слов остается номинативная функция. Дополнительные эмоциональные компоненты значения, как и в предыдущем случае, обычно малоэкспрессивны.

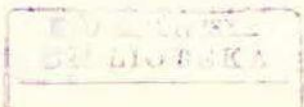
Номинативная функция сленгизмов значительно более характерна для т.н. малых языков. Это связано с тем, что большая часть используемых главным образом в этой функции сленгизмов являются нелитературными заимствованиями, а этот слой лексики значительно больше по объему в малых языках. Поэтому неудивительно, что многие лингвисты, изучающие сленг больших языков, не отмечают использование сленгизмов без дополнительных эмоциональных компонентов значения (особенно, если рассматриваются слова общего сленга).

Для экспрессивной реализации коннотативных сем чаще используются те сленгизмы, у которых имеются литератур-

ные синонимы. При осознанном употреблении такого сленгизма обычно реализуется как стилистическая, так и эмоциональные коннотативные семы, которые бывает связаны причинно-следственным отношением (3, с.109). У сленгизмов, образованных на базе латышской лексики, первичной часто является эмоциональная сема, в то время как у не-литературных заимствований первична почти всегда стилистическая сема.

Употребление сленгизмов, связанное с реализацией дополнительных эмоциональных компонентов значения, в лингвистике (особенно в англистике) достаточно известно и изучено. Отметим лишь одну характерную для данного случая семантическую особенность. Когда сленгизм употребляется с целью реализации эмоциональной коннотативной семы, с увеличением экспрессивности возрастает удельный вес этой семы в семантической структуре слова. При этом упомянутое возрастание определяется не только экспансией эмоциональной семы, но и одновременной редукцией коммуникативной значимости смыслового ядра. На то, что эмоциональная окраска может стать определяющим, главным в слове, указывала, в частности, И. Арнольд. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в вульгаризмах и ругательствах, где возможна реализация одних коннотативных сем при полной редукции денотативных.

В семантическом содержании сленгизмов денотативные и коннотативные элементы как бы не терпят друг друга. Чем экспрессивнее коннотативная сема, тем менее значимо номинативное содержание слова. Похожая тенденция, хотя и не столь наглядно, наблюдается и в литературной лексике. Вторая же сторона этой взаимосвязи кажется более характерной и типичной именно для сленга. Она заключается в том, что с увеличением значимости смыслового содержания сленгизма (в процессе устной коммуникации) идет на убыль реализация дополнительных компонентов значения этого слова. Взаимную нетерпимость денотативных и коннотативных элементов слова в литературной лексике можно наблюдать спорадически, в сленге же она становится правилом и доходит

до взаимного истребления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хомяков В.А. Три лекции о сленге. - Вологда, 1970. - 64 с.
2. Хомяков В.А. Структурно-семантические и социально-стилистические особенности английского экспрессивного просторечия. - Вологда, 1974. - 104 с.
3. Veidemane R. Latviešu valodas leksiskā sinonimija. - Rīga, 1970. - 192 lpp.

Н. Н. Данченко

Рига

НОВАТОРСТВО ДЖ. Г. БАЙРОНА В ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПОЭМЕ
"ДОН ЖУАН"

Ни в одном из произведений Дж. Г. Байрона /1788-1824/ употребление фразеологии не представляется столь ярким, самобытным и неожиданным, как в поэме "Дон Жуан". Фразеологический словарь "Дон Жуана" насчитывает 515 употреблений, из них 380 узуальных и 135 окказиональных, в среднем три фразеологические единицы /ФЕ/ на сто строк. Богатство фразеологии в "Дон Жуане", ее значимость в художественном строе поэмы, а также новаторство ее применения не могло не обратить на себя внимания исследователей творчества Байрона. Н. Я. Дьяконова, например, пишет о поэме "Дон Жуан": "Одним из стилистических нововведений Байрона является широкое использование в поэтическом языке более или менее устойчивых фразеологических сочетаний просторечия для того, чтобы их задорно-непринужденный, бытовой, реалистический характер послужил отрезвляющим контрастом к господствующей системе фальшивых претензий" /Т, с. 124/.

Действительно, если мы обратимся к тексту, то обнаружим немало примеров того, как творческое преломление и обновление фразеологических образов способствует раскрытию замысла поэта. Расширение стилистических возможностей фразеологизмов в тексте идет различными путями: это и использование семантической двуплановости фразеологизмов, и замена или обыгрывание значения отдельных его компонентов, и вскрытие внутренней формы фразеологизмов, и так далее. Каждый из этих приемов имеет свою семантико-стилистическую функцию. Однако среди разнообразных функций, выполняемых фразеологизмами в тексте, выделяются сатирическая и юмористическая функции, что соответствует общей сатирической направленности поэмы.

678-2-82

Из стилистических приемов, служащих средством передачи сатиры и юмора посредством фразеологии, основными являются зевгма, контаминация, антифразис и замена компонента ФЕ. Механизм действия этих приемов различен, но есть в них и много общего. Во-первых, все они отличаются лаконичностью, ёмкостью, способностью скудными средствами обновить привычные формулы речи; во-вторых, они построены на эффекте обманутого ожидания и поэтому особенно выделяются в тексте. Эти приемы служат автору ярким стилистическим средством разоблачения фальшивых ценностей и нравов порочного, ненавистного поэту британского общества: страна стянута "Гордиевым - Георгиевым узлом" /Gordian or Geordian knot, XVI-LXXIV/ королевской власти¹; христианская заповедь, которой руководствуется английская знать, - "посеять недоверие, чтобы пожать ад" /sow scepticism to reap hell, IX-XXV/, для своекорыстного английского пэра "все то золото, что блестит" /'tis gold that glisters, XII - XXXIV/ и т.д.

Наряду с фразеологическими сочетаниями Байрон часто пользуется устойчивыми сочетаниями слов нефразеологического характера в тех же стилистических целях. Константность компонентов и их значения внутри устойчивого сочетания слов позволяет так же живо и непосредственно ощущать изменения их привычной формы, как и в случае с ФЕ. Приемы их введения в речь аналогичны стилистическим приемам использования фразеологизмов. Особенно часто встречаются зевгматические конструкции, а также стяжение антонимических выражений в одном синтагматическом ряду, например:

.....but Fame (capricious strumpet)

It seems, has got an ear as well as trumpet.

/VII - XI/

.....the heedless gentleman who gads

1. Имеется в виду английский король Георг IV /1820 - 1830/.

Upon the road, unless he proves the fighter,
May find himself, within that isle of riches,
Exposed to lose his life as well as breaches.

/XI - XI/

But here Katinka interferred, and said
She also had compassion and a bed.

/VI - XLVII/

..... without regard to church or state,
A wife makes or takes love in upright earnest.

/XII - LXIV/

But what with keeping some and breaking others,
His word had the same value as anothers.

/XVI - LXXI/

Juan was a bachelor - of arts, and parts, and hearts

/XI - XLVII/

Необычность, неожиданность сцеплений и распространений устойчивых сочетаний слов в тексте позволяет Байрону глубже проникнуть в структуру их значения, оттенить, усилить наиболее известные или, напротив, скрытые его стороны. Результатом подобных преобразований является мощное выдвигание в тексте привычных, малозаметных языковых средств.

Сопоставление значений компонентов ФЕ или устойчивых сочетаний слов в рамках стилистического приема приводит к неожиданным комическим или сатирическим по своим контрастам эффектам, которые производят особенно сильное впечатление вследствие того, что они создаются скупыми средствами и лаконичны по своей природе. Сцепление противоположных или далеких значений в едином речевом комплексе вообще является одной из самобытных черт авторского стиля Байрона.

В художественной манере Байрона в целом есть много нового и необычного, он тяготился привычными, устоявшимися рече-

выми формулами в привычном окружении. Ему вообще чуждо было все привычное. Здесь уместно вспомнить слова А.С.Пушкина из письма к П.А.Вяземскому /24-25 июня 1824 г./ по поводу смерти Байрона - "он весь создан был навыворот".

Стремление Байрона нарушать привычные языковые связи, получившее свое наиболее яркое воплощение в поэме "Дон Жуан", интересно прослеживается в сравнении с его собственными ранними стихами и поэмами. В этой связи заслуживает рассмотрения эволюция употребления выражения "to break one's (amb's), (the) heart (of) - разбить сердце.

Tis this which breaks the heart thou grievest,

Too well thou lov'st - too soon thou leavest.

/Thou art not false, but thou art fickle/

When late I saw thy favourite child,

I thought my jealous heart would break;

/Well! Thou art happy/

And still thy heart, without partaking

One pang, exults - while mine is breaking.

/Translation of a Romaic love song/

Or any other thing that brings regret,

Or breaks their hopes, or hearts, or heads, or necks.

/Don Juan, II - XXXI/

В первом примере фразеологизму сопутствует самое привычное окружение, во втором, выражение получает большую выделенность, а следовательно и значимость в стихе благодаря инверсии компонентов и рифме, в третьем примере привычность окружения нарушена разрывом синтаксической протяженности [2, с. 112]. И, наконец, в последнем примере, взятом из поэмы "Дон Жуан", в один стихоряд укладываются сразу три ФЕ. Контаминация фразеологизмов [3, с. 273] на основе общего компонента "break" сопутствует их зевгматическая соотнесенность с переменным сочетанием слов "to break one's hopes". Семантическая насыщенность строки, достигаемая благодаря

слиянию в одном стихоряду семантически разноплановых выражений, способствует оживлению их стершейся образности. В этой связи уместно привести слова русского поэта В. Брюсова: "Оживленное слово - вот результат творчества поэта; оживить слово - вот его задача" [4, с. 379].

Значительные изменения претерпело и контекстуальное окружение фразеологизма "to be no more" /умереть, уйти из жизни/, который в ранних стихах и романтических поэмах Байрона встречается 12 раз. Это эвфемистическое выражение придает повествованию печально - возвышенный тон.

I left my bleak home, and my visions are gone;
The mountains are vanish'd, my youth is no more.

/When I roved a young Highlander/

В поэме "Дон Жуан" тональность этого выражения значительно снижена. Оно обретает контекстуально пародийное и шутливое звучание благодаря игре слов: "to be no more" - скончаться, "so no more" - об этом хватит.

But Tom's no more - and so no more of Tom.

/Don Juan, XI - XX/

Если в раннем творчестве Байрона "to be no more" звучит привычно и не привлекает особого внимания, то в "Дон Жуане" эта привычность нарушена выразительным стилистическим приемом. Фразеологизм и его значение остались прежними, но его экспрессивность и значимость сильно возросли.

Пристальное внимание Байрона к слову в "Дон Жуане", включая слово - компонент ФЕ, вскрытие его внутренних потенций является проявлением изменения отношения автора к языку своих произведений. В зрелой поэзии Байрона разрушение привычных смысловых ассоциаций, как следует из наших примеров, стало ведущей тенденцией авторского стиля.

Обращает на себя внимание не только то, как остро, самобытно и уместно звучат байроновские трансформы ФЕ, но и весь фразеологический фонд поэмы как таковой, включающий многочисленные фразеологизмы в узуальном употреблении. Тенденция упрощения поэтического языка, особенно обнаружившаяся

себя в пародийно-шутливой поэме "Беппо", получает в "Дон Жуане" дальнейшее развитие. Так, Рональд Ботралл пишет, например, что "поразительное разнообразие тона и огромная ритмическая сила "Дон Жуана" - есть результат глубокого знания Байроном разговорного языка" [5, с.221].¹

Стремление сблизить поэтическую речь с разговорной, сделать ее общелитературной и более понятной, выражается, в частности, во введении в поэтический текст таких обыденных ФЕ, как: a devil of a, heads or tails, in a crack, neck or nothing, odds and ends, to play the devil, to play the fool, to save one's skin, stories of a cock and bull, to chut up shop, восклицаний: by God! for God's sake, Heavens knows; by Jove, вульгарных проклятий: Damn your eyes! Go to the devil, а также образных народных выражений и поговорок: to cry out before one is hurt, as mad as a March hare, used to anything like an eel to skinning, pigs can see the wind, etc.

Все эти многочисленные фразеологические средства делают язык Байрона самобытным, красочным и выразительным. Об их значимости в системе художественных средств, передающих замысел автора свидетельствуют следующие факторы: а/ среднее количество фразеологизмов на 100 строк составляет 3 ФЕ; б/ почти половина фразеологизмов находится в сильной рифмующейся позиции строки; в/ одна четвертая часть ФЕ подвергается различным структурно-семантическим преобразованиям; г/ целые строфы строятся на обыгрывании значения отдельных ФЕ; д/ 35 ФЕ употребляется в двух последних строках строфы, тем самым подводя итог сказанному.² Таким образом, фразеоло-

1. Перевод наш.

2. См., например, В.Н.Викери "Параллелизм в литературном развитии Байрона и Пушкина", где автор, в частности, отмечает, что "в октаве Байрона и онегинской строфе Пушкина заключительное двустипие /при помощи или без помощи предыдущих строк/ образует своеобразную афористическую, эпиграммическую концовку, нередко отмеченную переходом от возвышенного к смешному. И у Байрона, и у Пушкина, это заключительное двустипие служит отличным /хотя и не единственным/ средством для достижения иронии" [6, с.392-393]. См. также В. Smith.

Poetic Closure [7].

гия является не просто одним из выразительных средств поэмы, а средством, в значительной степени характеризующим индивидуальный стиль Байрона, средством, которое он любит и которым блестяще владеет.

Мы уже отмечали, что поэма "Дон Жуан", как ни одно ранее написанное автором произведение, вобрала в себя богатство народного языка. Обращение Байрона к простой, общедоступной народной фразеологии свидетельствует наряду с другими языковыми и идейными факторами о появлении нового реалистического начала в творчестве поэта.

Следует непременно заметить, однако, что фразеологический пласт поэмы неоднороден по своей стилистической направленности, как неоднородна и неоднозначна сама поэма. Употребление чисто разговорной или даже бранной фразеологии соседствует у Байрона с литературными фразеологическими оборотами и выражениями. К последним относятся, прежде всего, фразеологизмы, восходящие к истории Древнего мира, его обычаям и мифам. Это такие, например, выражения, как *Attic Salt*, *to do in Rome as Romans do*, *Gordian knot*, *Neher sometimes sleeps*, *to pass the Rubicon*, *Promethean fire*, *Sisyphian labour*.

Следует заметить, что, несмотря на свою литературность, они редко употребляются в тексте в качестве средств, придающих возвышенность и строгость поэтическому слогу. Напротив, мы, как правило, встречаем их в шутовском контексте, например, ФЕ "Attic Salt" - остроумие.

Her favourite science was the mathematical,
Her noblest virtue was her magnanimity;
Her wit (she sometimes tried at wit) was Attic all.
/Don Juan, I - XII/

Перечисленными достоинствами награждает Байрон Донну Инез - мать Жуана, намекая при этом на прискорбные добродетели своей жены.

Другой пример ФЕ "platonic love" - платоническая любовь.
The noblest kind of love is love Platonical
To end or to begin with; the next grand
Is that which may be christen'd love canonical.
/Don Juan, IX - LXXVI/

В шутовском рассуждении автора о любви платоническая любовь означает начало и конец чувства.

Как уже отмечалось выше, повторное употребление фразеологизма влечет изменение его окружения. Обратимся, например, к ФЕ "Homer sometimes sleeps". В тексте поэмы это выражение встречается дважды.

We learn from Horace, "Homer sometimes sleeps"
We feel without him: Wordsworth sometimes wakes,
To show with what complacency he creeps,
With his dear "Waggoners" around his lakes.
/Don Juan, III - XCVIII/

Возвышенный тон начала строфы пародируется непосредственно в последующей строке. Параллелизм форм, их структурное сходство позволяет остро ощутить их семантическую противопоставленность. Благодаря буквализации выражению возвращается его прямой смысл, фразеологизм, таким образом, воспринимается одновременно в двух планах, что способствует сатирико-юмористическому звучанию начала строфы. Эти строки являются одной из многочисленных пародий на глагольную романтику — поэта В. Вордсворта.

В следующем примере автор также пользуется буквализацией, но стилистический эффект иной. Беззлобный, шуточный комментарий Байрона обращен к читателю.

Let this fifth canto meet with due applause,
The sixth shall have a touch of the sublime:
Meanwhile, as Homer sometimes sleeps, perhaps
You'll pardon to my muse a few short naps.
/Don Juan, V - CLIX/

Подводя итог нашим примерам, еще раз заметим, что обращение Байрона к литературной фразеологии, восходящей к мифологии и истории Древнего мира, никогда не является данью высокому стилю, а, напротив, пародирует его, создает шуточные или разоблачительные, забавные или досадные ситуации.

К другому пласту литературной фразеологии относятся ФЕ, восходящие к Библии. В "Дон Жуане" встречаются следующие библеизмы: to cast pearls before swine, it is easier for a camel to pass through the eye of a needle than, Jacob's lad-

der, the land flowing with milk and honey, Noah's Ark, etc.

Очень часто Байрон привлекает библейские выражения для создания иронической ситуации, которая, в свою очередь, может стать средством разоблачения ненавистных автору модных теорий и светских нравов.

Had Adeline read Malthus? I can't tell:

I wish she had; his book's the eleventh commandment.

Which says, "Thou shalt not marry", unless well:

/Don Juan, XV - XXXVIII/

В приведенном примере автор сознательно заменяет первый, традиционный компонент ФЕ "ten commandments" - "ten" порядковым числительным "eleventh". Наличие замены моментально воспринимается читателем и предполагает безусловное его знакомство с узуальной формой фразеологизма. Конкретное объяснение замены, данное в следующей строке, завершает ироническую ситуацию, разоблачающую модную в то время теорию Мальтуса о росте народонаселения. Обратимся к другому примеру:

Therefore I'll make Don Juan leave the ship soon,

Because the publisher declares, in sooth,

Through needles' eyes it easier for a camel is

To pass, than those two cantos into families.

/Don Juan, IV - XCVII/

Незамкнутость устойчивой фразы^I it is easier for a camel to go through the eye of a needle than.... позволяет автору использовать эту ФЕ в весьма злободневной для него ситуации. Читатель узнает, что поэма "Дон Жуан" не очень приветствуется издателем и поэтому едва ли станет достоянием читателей. На материале отдельных ФЕ библейского происхождения строятся целые октавы /II - VIII, XCV; VIII - XXV, XXVI/.

Третьим слоем литературной фразеологии, самым малочисленным, являются фразеологические обороты, восходящие к Шекспиру. Это такие выражения как every inch, the time is out of joint, the milk of human kindness, sweets to the sweet. Следует заме-

I. Термин "незамкнутая устойчивая фраза" введен В.Л.Архангельским. См.: Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. - Ростов-на-Дону, 1964, с.191.

тить, что Байрон, прекрасно знавший произведения великого английского драматурга, все выражения, восходящие к нему, ощущает как цитаты. Об этом свидетельствует тот факт, что они, как правило, заключены в кавчки. Неоспоримо, однако, что в эпоху Байрона они давно уже были достоянием национального языка. Это подтверждается данными многочисленных лексикографических источников. К тому же, сам способ употребления шекспировских выражений, не есть простое их повторение, их значение обыгрывается в тексте даже тогда, когда автор специально оговаривает, что это цитата:

And Juan wept and much he sigh'd, and thought,
While his salt tears dropp'd into the salt sea,
"Sweets to the sweet", (I like so much to quote;
You must excuse this extract - 'tis where she,
The queen of Denmark, for Ophelia brought
Flowers to the grave);

/Don Juan, II - XVII/

Дважды повторенное слово "salt" в предшествующей фразеологизму строке семантически противопоставлено также повторяемому в выражении слову "sweet". Таким образом становится понятна ирония автора в оценке положения Жуана. Его трагедия предстает мнимой на фоне истинной трагедии Офелии.

Другое шекспировское выражение *the time is out of joint*, произносимое Гамлетом в серьезном, полном трагических раздумий монологе, также предстает в тексте поэмы в шутливой форме:

But I am apt to grow too metaphysical:
"The time is out of joint" - and so am I.
/Don Juan, IX - XLI/

Выражения, восходящие к Шекспиру, живо и органично вливаются в авторскую речь, служат Байрону одним из средств раскрытия сложного и многоликого художественного замысла.

Широта замысла поэмы "Дон Жуан", вместимость ее художественного пространства, многообразие форм и средств, привлекаемых автором, не сравнимы ни с одной другой поэмой, написанной Байроном. Действительно, возвышенные, лирические эпизоды в поэме перемежаются с прозаическими, сатирические

с трагическими, комедия нередко превращается в фарс, а легкий юмор в разящую сатиру. В соответствии с художественным заданием меняются языковые средства воссоздания образов и ситуаций. Немалая роль в системе этих средств отведена фразеологии.

Фразеология поэмы разнообразна как по своей стилистической направленности /разговорная, бранная, литературная/, так и по стилистическим функциям, выполняемым в тексте. Фразеологизмы вносятся в текст как в привычной, словарной форме, так и в обновленной, сопряженной с их структурно-семантическими изменениями. Обновление фразеологизмов в тексте, расширение и усиление их значения является характерной чертой творческого стиля автора.

Обновление поэтического языка в "Дон Жуане" сказалось на общем звучании поэмы. Обращение Байрона к простым народным выражениям и оборотам дает нам основание говорить о появлении новых реалистических мотивов в его творчестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьяконова Н.Я. Байрон в годы изгнания.-Л., 1974,-192 с.
2. Начисционе А.С. Окказиональное стилистическое использование фразеологических единиц (на материале произведений Дж.Чосера). Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук.-М., 1976.-205 с.
3. Ройзензон Л.И., Абрамец И.В. О разных типах контаминации.
— Труды Самаркандского гос. ун-та им. Алишера Навои. Новая серия, вып. 178. Вопросы фразеологии III, Самарканд, 1970,-296 с.
4. Брюсов В.Я. Miscellanea.-Собрание сочинений. — М., 1975, т.6. — 656с.
5. Bottrall R. Byron and the Colloquial Tradition in English Poetry. — English Romantic Poets. N.-Y., 1960.-326 p.
6. American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. Vol. 2,-Sophia, 1963,-453 p.
7. Smith B. Poetic Closure.-Chicago-London, 1968,-182 p.

ОСЛОЖНЕНИЕ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
С СЕКУНДАРНО-ПРЕДИКАТИВНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

Для интерпретации формального и семантического построения простого предложения объяснительная сила традиционных членов предложения и особенно прямолинейное их деление на главные и второстепенные члены во многих случаях может оказаться недостаточной. С помощью указанных членов предложения невозможно раскрыть всю формальную глубину и особенно семантическую глубину устроенности простого предложения. Углубленное изучение формальной и семантической структуры предложения убеждает в том, что в языке существуют и промежуточные явления между предикативными (главными) и не-предикативными (второстепенными) компонентами предложения.

Существенным для интерпретации формальной и семантической организации простого предложения является выделение особого типа синтактико-семантических связей — связей секундарно-предикативных- и связанных с этим соответствующих секундарно-предикативных компонентов (членов) предложения.

Одним из теоретических обоснований выделения в особый разряд секундарно-предикативных связей и им соответствующих секундарно-предикативных компонентов является довольно распространенная в современном синтаксисе концепция о глубинной семантической структуре предложения и о ее разных проявлениях в поверхностной структуре.

Глубинная семантическая структура, будучи содержательным отражением определенного отрезка действительности, в поверхностной структуре может репрезентироваться разными формальными способами, т.е. формально неодинаково построенными конструкциями. Так, например, ситуации, которой соответствуют два субъекта действия и два производимые ими действия, будет соответствовать глубинная семантическая структура с таким же набором семантических компонентов, но на поверхностной формальной структуре (при определенных структурно-семантических условиях) упомянутая глубинная семанти-

ческая структура может быть манифестирована разными способами - структурой сложного предложения, например, *Es redzēju, ka viņš nāk* (Я видел, что он приходит), и структурой простого предложения, например, *Es redzēju viņu nākam* (Я видел его приходящим). Обе упомянутые конструкции имеют предикативную структуру. Различие этих конструкций в том, что компоненты предикативных связей оформлены по-разному. Разнообразие оформленности обеих конструкций представляет собой два способа манифестации предикативной связи на поверхностной структуре предложения при их одной глубинной семантической структуре. Именно поэтому конструкции типа *viņu nākam* целесообразно толковать как предикативные. Имея в виду, что подобные им конструкции отодвинуты на второй план, выявлением предикации правомерно их толковать как вторично-предикативные.

Синтаксис латышского языка весьма богат разными конструкциями простого предложения, структурная схема которых осложнена вторично-предикативными компонентами.

Вторично-предикативные компоненты делятся на две основные группы - вторично-предикативные компоненты с субъектным и вторично-предикативные компоненты с предикатным значением. Соответственно их и будем называть - вторично-предикативные компоненты субъектной сферы и вторично-предикативные компоненты предикатной сферы. В синтаксической литературе большое внимание уделено последним, но для адекватного и полного представления о вторичной предикации не менее характерными и существенными являются и вторичные субъекты.

Вторично-предикативные компоненты субъектной и предикатной сферы можно разделить еще на две группы: 1) вторично-предикативные компоненты, прямо относящиеся к одному из компонентов примарных предикативных связей или ко всему предикативному минимуму в целом - это вторично-предикативные компоненты примарного предикативного плана; 2) вторично-предикативные компоненты, косвенно относящиеся к одному из компонентов примарных предикативных связей, преимущественно - к примарному предикату, - это вторично-предикативные компоненты не-

предикативного состава структуры простого предложения.

В зависимости от способа и возможностей осложнения структурной схемы (предикативного минимума) простого предложения, секундарно-предикативные компоненты могут быть разных ступеней (первой, второй и т.д.), т.е. секундарно-предикативные компоненты могут быть не только одноступенчатыми, но и многоступенчатыми. Так, например, в конструкции *Vīri gāja sarunādamiēs* (Они шли разговаривая) деепричастие *sarunādamiēs* (разговаривая) является секундарным предикатом первого типа и относится параллельно (прямо) к примарному субъекту - *vīri* (они). Секундарный предикат *sarunādamiēs* (разговаривая) при этом функционирует как секундарный предикат первой ступени. В конструкции *Man šodien laiks liekas silts* (Мне сегодня погода кажется теплой) компонент *man* (мне) функционирует как секундарный субъект первого типа (относится прямо ко всему предикативному минимуму) и первой ступени. В конструкции *Es lūdzu Jāni uzaicināt viņa draugu Kārli rītdien atbraukt pie mums šiemās* (Я просил Яниса пригласить его друга Карлиса завтра приехать к нам в гости) компонент *Jāni* (Яниса) является секундарным субъектом второй группы (так как входит в состав секундарно-предикативного комплекса, зависящего в целом от примарного предиката *lūdzu* (просил), а компонент *Kārli* (Карлиса) - секундарным субъектом (также второй группы), но второй ступени, так как секундарно-предикативная группа *Kārli atbraukt* (Карлиса приехать) в свою очередь выступает в зависимой позиции от секундарного предиката первой ступени *uzaicināt* (пригласить).

Ступенчатый характер секундарно-предикативных компонентов определяется структурными и также семантическими возможностями соответствующих схем простого предложения. Сама возможность включения в структурную схему простого предложения разного рода секундарно-предикативных компонентов и особенно их ступенчатый характер ярко характеризует г и б-

кость структуры простого предложения и ее большую семантическую емкость.

Структурообразующая и семантико-смысловая роль, а тем самым и функциональная значимость не одинакова для всех секундарно-предикативных компонентов разных типов, разных групп и разных ступеней.

Из факторов общего порядка, способствующих проявлению секундарной предикативности, особенно в предикатной сфере, несомненно надо признать обособление [1].

Секундарный субъект примарного предикативного плана в латышском языке в основном выражен дательным падежом и может быть соотнесен со всем основным (нераспространенным или распространенным) предикативным минимумом, т.е. как будто бы образует вторичный предикативный план со всей остальной конструкцией. Такой секундарный субъект может "сопровождать" структурные схемы всех морфологических типов, хотя более характерен для схем именного и абвербиального типа.

I. Глагольный тип

М а н¹ grāmata aizmirsās mājās (Книга забыта мною дома). М а н¹ šīs piezīmes nodēvēja (Мне эти записки пригодились).

Характерно, что так употребляются в основном глаголы "неактивного действия", т.е. стальные, имеющие добавочную левую валентность с дательным субъекта. Эти глаголы, по своей семантике в большинстве случаев квалифицирующие, могут не образовывать полной личной парадигмы по линии примарной предикации, но свободно образуют ее по линии секундарной предикации. Ср.: М а н, т е в, в і р а ш šīе рūlīpi atmaksājās (Мне, тебе, ему эти усилия окупались). Субъект в этих конструкциях, как правило, связан с примарным предикатом, а не со всем предикативным минимумом.

¹ Разрядкой в примерах выделен секундарный субъект, а также секундарный предикат.

2. Именной тип

V i р а ш šī grāmata likās interesanta (Ему эта книга показалась интересной); V i р а ш palīdzība vairs nav vajadzīga (Ему помощь больше не нужна). Для именного типа характерно, что дательный вторичного субъекта хотя в какой-то мере и определяется семантикой копулативных глаголов (глаголами быть, казаться, показываться и т.п.), а отчасти и семантикой именного члена (напр., *interesants* - интересный, *vajadzīgs* - нужный и т.п.), все-таки соотнесен и со своим примарным предикативным минимумом в целом.

3. Адвербиальный тип

M i ш s šeit strādāt bija interesanti (нам здесь работать было интересно); Mūsus pazīām dažādu grāmatu ir ļoti daudz (У наших знакомых очень много разных книг). Проявление в конструкциях адвербиального типа вторичного субъекта в основном определяется теми же самыми факторами, что и в конструкциях именного типа.

Вторичный субъект описываемого типа, как это убедительно показано Г.А. Золотовой [2, 265-278], выполняет функцию авторизации высказывания.

Вторичная предикация рассмотренного типа основывается на двусубъектности структурной схемы предложения.

Вторичный предикат примарного предикативного плана в латышском языке может быть глагольным и именным.

Глагольный вторичный предикат может быть выражен субъектным инфинитивом (при глаголах движения и глаголах соглашения или содействия [3, 73-74], субъектным причастием или деепричастием, в том числе и в составе обособленного оборота (при глаголах движения, говорения, восприятия и состояния).

Именной вторичный предикат в латышском языке представлен в виде прилагательного,

реже в форме других имен. Именной вторичный предикат, как и в русском языке [2, 261] обыкновенно является спутником глаголов движения и состояния. Именной вторичный предикат выступает не только как согласованный (точнее - сопряженный) член конструкции, но и в форме (в падеже), отличной от первичного субъекта, к которому относится вторичный предикат. В этой несогласованной форме преимущественно употребляется существительное в творительном или в местном падеже.

В отличие от вторичного субъекта, который делает конструкцию простого предложения *двусубъектной*, вторичный предикат делает конструкцию не только *двупредикатной*, но особенно в случаях с именным вторичным предикатом и вторичным предикатом, выраженным причастием или деепричастием, также *полипредикатной*.

Разноплановость предикативной структуры простого предложения нагляднее выступает в конструкциях с вторичным субъектом, так как имеется в этих конструкциях одна модель (вторично предикативная) прямо наслаивается на другую модель (первичной предикации). В конструкциях с вторичным предикатом такое наслаивание ярче выражено в конструкциях с несогласованным вторичным предикатом. В остальных случаях вторичный предикат (или предикаты) в основном только семантически расширяет основной предикативный план предложения.

Вторичный субъект *непредикативного* состава структуры простого предложения манифестирован во вторичном вторичном комплексе *глагольного* и *именного* типа.

Глагольный тип в латышском языке представлен в основном двумя моделями.

Одна из них, как и в русском языке, модель *с объектным инфинитивом* и реализуется при глаголах побуждения или запрета, т.е. при *каузативных* глаголах, ср., например, *Es uzaicināju viņu atnākt* (Я пригласил его прийти); *Es viņam aizliedzu būt iekārtē* (Я запретил ему здесь появляться),

Вторая глагольная модель в латышском языке представлена объектным партиципом на -am, реже на -ot и не имеет прямого соответствия в русском языке. Объектный партицип в качестве вторичного предиката в основном подключается к глаголам восприятия.

Вторичный субъект в конструкциях с объектным инфинитивом выражен или дательным, или винительным падежом, а в конструкциях с объектным партиципом — исключительно винительным падежом.

Именной тип в латышском языке представлен согласованными (точнее сопряженными) и несогласованными вторичными предикатами. В именной части более распространен адъектив, но возможны и другие именные части речи, а также местоимения. В функции несогласованного вторичного предиката функционируют исключительно косвенные падежи (особенно творительный, местный падеж) субстантива. Конструкции с именным вторичным предикатом прикреплены или к глаголам восприятия или к глаголам каузативного значения [4, 24]. Каузативное значение имеют и те глаголы предельного действия, которые прямо или скрыто содержат сему каузации, ср., например, Es izdzēru glāzi tukšu (Я выпил стакан до дна); Jānis noķēra zaķēnu dzīvu (Мальчик поймал зайчика живым). Вторичный субъект в упомянутых конструкциях с именным вторичным предикатом в основном представлен в винительном падеже.

Конструкции с рассмотренными вторичными субъектами и вторичными предикатами непредикативного состава структуры простого предложения отличаются от конструкций с вторичной предикацией примарного вторичного плана некоторыми особенностями.

Во-первых, управляемый дательный или винительный падеж, которыми выражены вторичные субъекты, наводят на ложную мысль, будто бы глаголы связаны не только с дательным и винительным падежами, но и с глагольными формами инфинитива, партиципа или именного члена. Так как между дательным и винительным и относящимся к ним глагольным и именным

членом также нельзя отрицать определенную связь, в грамматиках латышского языка делается вывод, будто бы глагольный и именной члены находятся в двойном подчинении. Поэтому, например, в латышском языкознании упомянутые глагольные и именные члены трактуются как двойные члены (*dubultlocekļis*). Но это не так! Глагольные и именные члены этих конструкций структурно и семантически предикаты, только секундарные.

Между глагольными и именными членами, с одной стороны, и соответствующими дательным и винительным падежами, с другой стороны, устанавливаются связи двойного рода: формальное синтаксические - это (предикативное) сопряжение форм, и структурно-синтаксические - это секундарно-предикативная связь. К глаголу примарного предиката присоединяется не каждый из компонентов секундарного комплекса в отдельности, а весь секундарно-предикативный комплекс в целом. Хотя и форма секундарного субъекта определена главным глаголом - предикатом, в структурном отношении указанные субъекты являются левовалентными членами соответствующих глагольных и именных предикатов. На примере инфинитивных конструкций немецкого и норвежского языков это убедительно показано норвежским языковедом Эйнарсом Бруаас [5, 355-363].

Во-вторых, именно этим конструкциям больше всего подходит предлагаемый Г.А. Золотовой термин - включе-ние моделей. Конструкциям, рассмотренным в связи с прямыми секундарно-предикативными компонентами, соответствовал бы термин - наложение моделей.

Итак, установлено, что между структурными компонентами простого предложения, которые создают предикативный минимум или структурную схему простого предложения в узком смысле, традиционно называемыми главными членами предложения, и распространителями этих членов, традиционно называемыми второстепенными членами предложения, в структуре простого предложения функционирует еще промежуточная категория компонентов формальной и семан-

тической структуры простого предложения. Это компоненты секундарно-предикативные. Секундарно-предикативные они только со стороны поверхностной, формальной и семантической структуры простого предложения. Именно как представители поверхностной структуры особого порядка эти компоненты помогают адекватнее интерпретировать структуру простого предложения и функционально связать поверхностную и глубинную структуру. Следовательно - секундарно-предикативные компоненты целесообразно признать особой категорией компонентов простого предложения, основная задача которых усложнять структурную схему простого предложения таким образом, чтобы она была более емкой в предикативном плане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов П.Д. Обособленные члены предложения в современном русском языке. - Орджоникидзе, 1977.
2. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. - М., 1973.
3. Korklipoš I. Infinitīva sintaktiskās potences. - R., 1976.
4. Камынина А.Л. О полупредикативных конструкциях в простом предложении. - М., 1974.
5. Bruaas Einar. Infinitivnexus und Valenz. - Deutsch als Fremdsprache, 1977, Nr. 6.

Л. М. Ковалева

Иркутск

ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ СИНТАКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Инновация в грамматике всегда опирается на уже существующие в языке модели, и поэтому при анализе конкретных фактов не всегда легко решить вопрос, имеем ли мы дело с редкими, но регулярными случаями употребления, которые являются реализациями существующих моделей, или перед нами действительно новое явление. Данная статья представляет собой попытку рассмотреть этот вопрос на примере так называемой интранзитивации переходных глаголов в английском языке. Для анализа выбрана конструкция типа *The shirt washes easily; sandstone cuts easily; The dress buttons down the back*. В английских грамматиках появление в этих конструкциях глаголов, которые не зарегистрированы в ней в Оксфордском словаре (16), трактуется как интранзитивация глагола в одном ряду с транзитивацией и каузативацией (17; 18; 11; 9; 12; 4), т.е. рассматривается как своего рода инновация. Так, например, А.Г.Хэтчер (9) отмечает как новую тенденцию в языке появление и широкое употребление таких глаголов в рекламах: *couches convert easily into beds; bed-lamps attach and adjust easily; drawers pull out and trays lift out easily; faucets turn on and off easily; the clock winds easily; lingerie tubs quickly and irons easily; machinery inatalls, operates, repairs easily; bond paper erases neatly; linoleum wipes off easily; the nail-polish removes easily* (A.Hatcher).

Анализ должен ответить прежде всего на вопрос, происходит ли при этом образование нового лексико-семантического варианта слова или имеет место употребление одного и того же слова (его варианта) в разных синтаксических конструкциях. В зависимости от этого дальнейшее исследование этого явления должно иметь место на лексическом

или на синтаксическом уровне. Следует отметить, что по отношению к данному явлению утверждать, что в двух разных предложениях реализуются разные лексико-семантические варианты одного глагола, мы можем только тогда, когда их семантические значимости в лексико-семантической системе языка разграничиваются моделью субъектно-объектной направленности действия (1,428), то есть они имеют разные семантические валентности в переходной и непереходной конструкциях. Например, непереходный глагол *to stand* имеет только субъектную семантическую валентность, а переходный глагол *to stand* имеет и субъектную и объектную семантическую валентности, при реализации которых образуется каузативная конструкция *He stood his rifle there*. Деривационные отношения между этой конструкцией и непереходной *His rifle stood there* таковы, что первая образуется от второй в результате синтаксических и лексических преобразований. На основании вышесказанного каузативный глагол *to stand* и непереходный глагол *to stand* считаются двумя лексико-семантическими вариантами (2).

Обратимся теперь к анализу конструкции *The shirt washes easily*. Следует отметить, что эта конструкция всегда была предметом споров в английской грамматике. Впервые из сферы морфологических залоговых противопоставлений ее вывела В.Н.Ярцева, писавшая, что в этой конструкции "пассивное значение не может зависеть от морфологических форм сочетающихся слов и возникает в данном контексте как семантико-синтаксическая категория" (4, 63). Чтобы понять значение и место этой конструкции в синтаксической системе, необходимо определить, каким конструкциям она противопоставляется и с какими находится в деривационных отношениях. Правильно* интерпретации этой конструкции в английских грамматиках препятствует ее объединение с непереходной конструкцией. Только в некоторых современных исследованиях они противопоставляются. Так, М.А.К.Хэллидей (8, 187-188), а вслед за ним и Р.Хадистон (10,70) выделяют одноместную и двухместную конструкции: первая имеет так называемое среднее (по Хэллидею) или истинно непереходное (по Р.Хадистону) значение и единственный именной актанта -

Аффе́ктируемый (Объект) (7,47), она образует ряд: the door opened, the stone moved; вторая конструкция двухместна, она имеет Аффе́ктированный (Объект) и неопределенный Каузатор (Деятель) в своей семантической структуре, М.А.К.Хэллидей называет ее процессуально-ориентированной, Р.Хадлстон - квазинепереходной. Она образует ряд: the door opens easily, the cotton washes easily. М.А.К.Хэллидей приводит примеры нейтрализации этих значений в предложении: The door doesn't open in bad weather: 1) it stays closed (одноместная конструкция); 2) it cannot be opened, e.g. because of the damp (двухместная). Различие между ними он видит в том, что участник в средней форме the door opened, the window broke, поскольку здесь нет внешней причины, имеет две функции - Аффе́ктируемый и Каузатор, а в конструкции the door opens easily - одну - Аффе́ктируемый.

М.Хэллидей, противопоставляя данную конструкцию пассивной (и объединяя их в один разряд рецептивных конструкций), усматривал отличие первой от второй в том, что значение обсуждаемой конструкции имеет семантический признак "характеристика процесса как такового, или его квалификация, или генерализация относительно его выполнимости, так что этот тип можно назвать "ориентированным относительно процесса" (process-oriented) в отличие от типа, "ориентированного относительно агента" (agent-oriented) - the clothes were washed" (7,47).

Представляется, что процессуальная ориентация у рассматриваемой конструкции не только не сильнее, но, наоборот, ослаблена по сравнению с процессуальной ориентацией пассивной конструкции, и вот почему. Объектный характер в этой конструкции, постулируемый в современных исследованиях, согласуется с мнением о ее деривационной связи с переходной, объектно-субъектной конструкцией NVN₁ (14, 366; 3, 152-153) и об имплицитности Агента в ее семантической структуре (8,187; 10, 70), причём характер этого Агента особый. М.А.К.Хэллидей пишет, что он "не только не определенный, но и не может быть определен" (8,187). К сожалению, эта интересная мысль не получила у него дальнейшего

развития, хотя речь идет, по сути дела, о неререферентном, обобщающем характере Агента в семантике этой конструкции - он не может быть установлен ни из самой этой конструкции, ни из широкого контекста. Агент^(Субъект) здесь "каждый, кто; любой, кто; все, кто будет выполнять это действие", но определенно-го референта у него нет. В таком случае и самое совершение действия становится проблематичным. Это согласуется с замечанием Р.Дафerti о том, что отличие предложения *The door was opened with a key* от *the door opened with a key* состоит в том, что в первом есть пресуппозиция о том, что дверь была какое-то время закрытой, во втором случае эта пресуппозиция отсутствует (6, 519-520). Другими словами, в первом предложении обозначается действие открывания как факт, а во втором - только как возможность, ср.:

1. A soldier sat outside the door that opened onto the garden (E.Hemingway).
2. The door opened and Moore came in (W.Clark).

В отрицательной конструкции тоже отрицается не факт действия, а способность к нему, ср.:

- a. The door opens easily.
- b. The door won't open easily.

Таким образом, разница между этими конструкциями заключается еще и в том, что *The door opens easily* не предполагает совершения действия. Наречие здесь определяет не действие, а свойство (4, 68), признак существительного в позиции подлежащего. Н.Д.Арутюнова говорит по этому поводу: "Любопытно, что устранение референтности Субъекта точно так же семантически преобразует относительный предикат в абсолютный по отношению к субъекту. Всякий раз, когда Субъект или Объект неререферентен, действие превращается в качество контрчлена, т.е. указывает на свойство-способность выполнять действие или быть его объектом. Это видно и по способу номинации предметов, ср. *курильщик - курево*. При этом всегда относительный предикат становится абсолютным".¹ Семантически эта конструкция сближается с конструкциями с именным сказуемым, ср. *The glass breaks easily - The glass*

1. Устное замечание Н.Д.Арутюновой.

is fragile. These pears do not cook well. They are not good cookers (CED); The cotton washes. - The cotton is washable. V. Gregory

Более того, предикат этой конструкции вступает в сочинительные отношения с предикатом именной конструкции: Too blunt, to begin with; next, no barb, too smooth, and finally, the thing bends too easily. Hairpins should be made of steel (J. Gregory).

Наличие собственной семантики у этой конструкции подтверждается ее тенденцией к формальному отделению от обычной непереходной конструкции: она ограничена в модальном и временном аспекте - глагол в ней употребляется в инфинитивных временах, в отрицательной форме употребляется doesn't или won't, которое, однако, не может быть заменено на can't: The glass won't break easily - *The glass can't break easily.

Все вышесказанное позволяет считать рассматриваемую конструкцию самостоятельной по сравнению с обычной непереходной конструкцией и восходящей деривационно к субъектно-объектной переходной конструкции. В парах Jane tears the dress: The dress tears easily; Jane washes the dress: The dress washes easily; Jane breaks the glass: The glass breaks easily везде употреблен один и тот же лексико-семантический вариант глагола, имеющий субъектную и объектную семантические валентности. Противопоставление конструкций имеет место по признаку "определенный/обобщенный субъект действия" и осуществляется формальными синтаксическими средствами - за счёт запрета реализации субъектной валентности в одной из конструкций. Противопоставление это носит синтаксико-семантический характер, и о лексической инновации здесь говорить не представляется возможным.

Можно ли в таком случае считать тенденцию к употреблению в этой конструкции все большего числа глаголов грамматической, в данном случае семантико-синтаксической инновацией? К этому вопросу следует подходить дифференцированно. Поскольку, как было показано выше, семантика рассматриваемой конструкции связана с выражением субъектно-

объектных отношений, ее первичным лексическим наполнением будет V - глагол физического действия и N - конкретное имя существительное. Поэтому любой глагол физического действия в ней будет понят однозначно, его употребление в этой конструкции заранее предопределено системой, ибо "элемент, относящийся по какому-либо признаку к данному ряду, стремится получить все важнейшие признаки этого ряда и войти в него, создавая максимальную полноту в цепи форм" (5,52). В данной конструкции интранзитивацию, следовательно, следует рассматривать не как появление новой глагольной лексемы и не как употребление глагола одного класса в функции глагола другого класса, а как участие одного и того же глагола в разных семантико-синтаксических преобразованиях синтаксических конструкций. Эти преобразования совершаются регулярно и не затрагивают ни лексическое значение глагола, ни его семантические валентности. Поэтому все "значения" глагола не отмечаются, да и не должны отмечаться в словаре, но они потенциально существуют в системе.

Отсутствие той или иной конструкции с глаголом, который по своей семантике должен был бы употребляться в такой конструкции, зависит от ограничений, накладываемых нормой и системой. Из-за сложности языковой системы закономерности разных уровней постоянно пересекаются и препятствуют реализации друг друга. Например, ОЕВ отмечает значение break "делить": The shopkeeper would not break the set. Образованию же конструкции The set breaks easily в значении "Сервис легко разделить" препятствует наличие значения "разбиваться" у этого глагола, если он употребляется с конкретным именем существительным. Однако в конкретном тексте возможно употребление в этой конструкции почти любого глагола физического действия - достаточно просмотреть богатейшее по материалу исследование интранзитивации и транзитивации английского глагола К.Ф.Сундена. То, что у него отмечено как употреблявшееся еще в прошлом веке, нам и сегодня может показаться новым. Приведем только один пример: 1857 Jnl.R.Agric.Soc. On inquiry of butchers ... I find out that one characteristic of a beast

which kills well, is to have a little stomach (9,202). Вне контекста предложение a beast which kills может быть скорее понято как "животное, которое убивает", нежели как "животное, которое убивается".

К группе глаголов физического действия грамматически примыкает ряд глаголов, которые не обозначают физического действия в прямом смысле, но которые каким-то образом с ним связаны и трактуются языком так же, как эти глаголы, например, to write, to read, to sell, ибо здесь также выделяется субъект, а главное-объект некоторого комплекса действий. С ними подобные конструкции также широко употребляются; The English translation reads very well (Foundations of Language); His poems don't translate well (Lingua); Once those houses are finished they'll sell like hot cakes (H.wouk).

Что же является подлинной инновацией в развитии этой конструкции сегодня?

Обратим внимание на то, что во всех рассматриваемых примерах позицию подлежащего занимает неодушевленное конкретное имя существительное², что вытекает из семантики этой конструкции, обозначающей возможность совершения действия над определенным объектом при обобщенном, неферентном субъекте этого действия. Появление же в последние десятилетия³ конструкций с одушевленным существительным в позиции подлежащего является реаким нарушением этой закономерности и связано с "выходом" данной конструкции за пределы своих первичных предикатов физического действия. Имеется в виду употребление в этой конструкции глаголов каузации психического состояния: they wanted

2. Составленные М.А.К.Хэллидеем примеры типа The men don't give presents easily и приведенный выше пример К.Ф.Сундена двузначны.
3. А.Г.Хэтчер даже отмечает дату - 14 ноября 1941 года, когда она впервые услышала фразу Mr.Howard amuses easy по радио (9, 16).

... surprise me, but I don't surprise so easy; better be careful: ... the shocks awful easy; well, I must say that Mr. Howard amuses easier than any one I know (A. Hatcher); "Jacob, may I tell you something?" "Agh?" "I don't scare easily" (Ashe); I don't frighten easily (E. Gardner); John doesn't please easily; they encourage too easily (Halliday).

А. Хэтчер объясняет появление таких форм экстралингвистическими причинами: тенденцией к подстановке *regoona pro re* в этом грубом материальном мире, подчиняющемся рекламе, но нас интересует здесь собственно лингвистический аспект инновации. Употребление в этой конструкции глаголов каузации психического состояния связывает ее дери-вационно не с субъектно-объектной переходной конструкцией, а с каузативно-переходной или пассивной конструкциями, в которых обязательными аквантами оказываются следующие: событие - причина каузации (если это личностное событие, то в предложении может быть представлен только каузатор) и субъект каузируемого состояния, например:

John's behavior / John frightened Mary. По какому же признаку противопоставляются рассматриваемые конструкции каузативно-переходным и трехчленным пассивным конструкциям типа *Beatrice's reticence did not surprise me* (K. Drabble); *Why did you encourage me?* (I. Murdoch); *Dora's being there did not trouble him at all* (ib.); *Dora was shaken by these communications?*

Противопоставление имеет место по признаку "обобщенная/определенная причина каузируемого состояния". Двучленной пассивной конструкции рассматриваемая нами конструкция противопоставляется по признаку "обобщенная/неопределенная причина каузируемого состояния", ср. противопоставление первого предложения второму и третьему в нижеприведенном отрывке: *I'm not a damned bit afraid of getting hurt.* (1) *I don't frighten easily. Glenn Falkner was murdered. You went out and bought up three blocks of stocks because* (2) *the stockholders were frightened.* (3) *Garvin isn't frightened and I'm not frightened.* (E. Gardner).

Однако пассивные конструкции с этими глаголами тоже могут иметь признак - "обобщенная причина психического состояния",

что свидетельствует о том, что это противопоставление ощущается не всеми носителями языка, ср.: He may be exactly like everyone else - a man, perhaps, who is easily frightened (A. Christie); Tao Gan, however, was not easily discouraged (R. van Gulik).

Все вышесказанное позволяет нам считать, что употребление в рассмотренной конструкции новой семантической группы глаголов представляет собой синтаксико-семантическую инновацию, которая опирается на существующие в языке тенденции и модели, но характеризуется изменением семантики старой конструкции в связи с ее новым лексическим наполнением. Системным основанием для такой инновации является семантическое сближение субъектно-объектных и каузативных конструкций nVn_1 , отмечаемое многими исследователями (15, 490).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общее языкознание (Внутренняя структура языка) Под ред. Б.А.Серебренникова.-М.: Наука, 1972.
2. Наумова И.А. Глаголы с каузативным значением в современном английском языке и исторические предпосылки их образования. Автореферат канд.дис. -М., 1967.
3. Чейф У.Л. Значение и структура языка.-М.: 'Прогресс', 1975.
4. Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка.- М.; Л.: АН СССР, 1961.
5. Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка.- Исследования по общей теории грамматики.-М., 1968.
6. Dougherty K. Recent Studies on Language Universals.-Foundations of Language, 1970, V.6, N 4, pp.505-561.
7. Halliday M.A.K. Notes on transitivity and theme in English, p.1 - Journal of Linguistics, 1967, III, N I, pp.37-81.
8. Halliday M.A.K. Notes on transitivity and theme in English, p.111 - Journal of Linguistics, 1968, IV, pp.179-215.

9. Hatcher A.G. 'Mr. Howard amuses easy!' - Modern Language Notes, 1943, January, pp. 6-17.
10. Huddleston R.D. The Sentence in Written English. A Syntactic Study Based on an Analysis of Scientific Texts. - London & New York: Cambridge University Press, 1971.
11. Jespersen O.A. Modern English Grammar on Historical Principles. London, 1927, v. III.
12. Kirchner G. Zur transitiven und intransitiven Verwendung des englischen Verbums. - Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, 1959, N 4.
13. Krüger G. Syntax der englischen Sprache 1915, 2. Bd; 1917, 3. Bd.
14. Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. - London & New York: Cambridge University Press, 1969.
15. Lyons J. Semantics. London New York: Cambridge University Press, 1977, vol. II.
16. Murray J.A.N. A New English Dictionary on Historical Principles. - Oxford, 1933.
17. Sundén K.F. A Category of Predicational Change in English. Uppsala universitetets årskrift. - Uppsala, pp. 1-556.

Т.В.Король

Рига

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НЕКОДИФИЦИРОВАННЫХ / ОККАЗИОНАЛЬНЫХ / СЛОЖНЫХ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ ПО " ПОЛЯМ ПРИЗНАКА "

Возвращаясь к теме описания поля признака / III / I , следует заметить, что последнее постоянно пополняется новыми образованиями, как результатом индивидуального отбора того или иного признака. Поэтому в структуру III входят окказионализмы, за счет которых в самом III расширяются отдельные сегменты и выделяются новые потенциальные сегменты. Приведем сначала таблицу-схему кодифицированных компонентов немецкого языка / таблица 1 /, а затем таблицу-схему окказиональных образований / таблица 2/. Таблица показывает, что к окказиональным образованиям также применима классификация по III, исходя из природы K_1 - первого компонента - и K_2 - второго компонента. Следует заметить, что, как правило, на окказиональность того или иного композита указывает именно K_1 , т.е. обозначение особого признака, выделенного только этим, а не другим автором.

Таблица 1

Поля признака III	Словарная единица	Опорное словосочетание / внутренняя синтагма, синтема /
1.	2.	3.
I		
III действительного или мнимого качества	Blauhimmel Gebrauchtwagen	blauer Himmel gebrauchter Wagen
2		
III цели или причины	Schreibfeder	Feder zum Schreiben

I.	2.	3.
	giftgrün schamrot	giftiges Grün rot aus Scham
3		
III принадлежности	Tischbeine Dornbusch Kartoffelsuppe	Beine eines Tisches Busch mit Dornen Suppe aus Kartoffeln
4		
III обстоятельственных отношений		
места (loci)	Alpenflug	Flug über die Alpen
времени (temp)	Julihitze	Hitze im Juli
процесса (proz)	-	-
социальных (soz)	-	-
личностных (intim)	-	-
релятивных (relat)	-	-
5		
III признакового сравнения (compar)	Staubregen	Regen wie Staub
6		
III усилителя (elativ)		
positiv:	bombensicher	-
negativ:	Hundekälte	-

Таблица 2

Поля признака III	Словарная единица / окказионализм/	Опорное словосочетание/внутренняя синтагма, синтема /
I.	2.	3.
I	Zitterhand(Zech)	zitternde Hand
III действительно-го или мнимого качества	rotbemüht (Lenz) todviolett(Sehg)	mit roter Mütze Tod(bringendes) Violett

I.	2.	3.
2		
III цели или причины	regenmüde(Semml)	müde vom Regen
	Mondrausch(Borch)	Rausch vom Monde
	frostgrün(Str)	grün im Frost
3		
III принадлежности	Kellnergesicht (Segh)	Gesicht des Kellners
	smaragdäugig(Borch)	mit Augen wie Smaragd
4		
III обстоятельственных отношений:		
места (loci)	Süderde(Lasker)	Erde im Süden
	Klavierhände (A. Zweig)	Hände auf den Klaviertasten
времени (temp)	Septemberwind (A. Zweig)	Wind im September
процесса (proz)	Damals-Sekunde (M. Walser)	"
	"	"
социальных (soz)	kleinleutig (A. Zweig)	eine Art wie bei den kleinen Leuten
личностных (intim)	Evelýngrün(Borch)	"
релятивных (relat)	"	"
5		
III признакового сравнения (compar)	Haarölstimme(Tuch)	stimme wie Haaröl
	mädchenaugenblau (Semml)	blau wie die Augen eines Mädchens
	tausendpistolen-scharf (M. Walser)	scharf wie der Schuß aus Tausend Pistolen
6		
III усилителя (elativ)	"	"

Примечание: К III-3 "принадлежности" относим также слова или даже ряды слов, образованные писателями, следующего типа:

- Wasser - wand,-gitter,-stäbe (Wand,Gitter,Stäbe aus Wasser);
- Orli - wimper,-pore,-bewegungen; ich -Anselm(M.Walser)
ИЛИ
- millionenfenstrige Stadt (Borch) - eine Stadt mit Millionen Fenstern
- Schallädchen(Weinert) - das Mädchen mit einem Schal.
(um den Hals)

Пояснения к таблице деления некодифицированных
/ окказиональных / композитов по полям признака

К группе слов, относящихся к III-I, принадлежат окказиональные композиты различного типа:

1. окказионализмы, соотносящиеся с опорным словосочетанием типа (A + S₂) - Zartseele((Ehrenstein), Müdschritt(Liebmann), Blauhauch(Däubler), Moralmensch(A.Zweig), Tiefschlaf, Neugierhände, Grauschnee, Irraugen(Str), Grautag (Ehrenstein), Grauhimmel(Friedländer).

Как следует из приведенных примеров, окказиональные композиты данного типа допускают преобразования в словосочетание. Момент окказиональности в данном случае заключается в структуре композита по сравнению его с словосочетанием, т.е. словосочетание отвечает нормам словообразования современного немецкого языка, но композит - окказионален. Семантические же отношения между компонентами как словосочетания, так и композита тождественны. Например: rotsonne=die rote sonne.

2. композиты, где K_I указывает на действие, которое производит денотат, обозначенный вторым компонентом, или же состояние, в котором пребывает денотат второго компонента. Названное действие или состояние являются характеристиками денотатов. Иными словами: первый компонент композита /K_I/ является основой глагола, все же слово допускает еще и секундарное преобразование, например:

Zwitschertier (Str) = zwitscherndes Tier, das Tier zwitschert;
Zitterlicht (Däubler) = zittriges Licht, das Licht zittert.

3. Третью группу композитов, относящихся к III-I образуют так называемые "ложные причастия" или Scheinpartizipia типа rotbemüht (Lenz), blaubeschneit (Borch).

4. К четвертой группе следует отнести прилагательные, в которых K_1 указывает на м и и м и й признак, приписываемый предмету или явлению. Например, в прилагательном todviolett (Segh).

К III-I относятся также окказионализмы, в которых K_1 и K_2 соотносятся с одним и тем же денотатом, т.е. $K_1 = K_2$. Например, в окказионализмах Т.Манна: Königsknabe - фараон - мальчик, Göttin - Witwe - богиня - вдова. В прилагательных данного типа это может быть даже соединением двух синонимов, как, например, в слове verrückt toll (Borch).

В группе слов, относящихся к III-2, выделяем окказионализмы, которые называют признак цели или причины наличия денотата K_2 . Формально таким композитам соответствует предложная группа - $K_2 + Pr$ (zu, gegen, aus, vor) + K_1 . Среди окказионализмов, образованных согласно данной модели, можно выделить только прилагательные типа schamrot = rot aus Scham, angstblau (Borch) = blau aus Angst.

Некоторые окказиональные существительные, хотя по своей семантике и соотносимы с III-2, по своей структуре являются результатом контаминации, как, например, в слове Notgespinst (Th. Mann) = Notllige Hirngespinst.

Gespinst aus Not.

Notgespinst

или аллиминированием контекста, как в следующем слове Raupengeld (Str) = verdientes Geld für das Lesen der Raupen im Garten. Geld für das Raupenlesen = Raupengeld.

Количество таких окказионализмов мало.

Окказиональные композиты, относящиеся к III-3, показывают принадлежностные отношения между K_1 и K_2 . Среди окказионализмов данного вида выделяем некоторые группы:

I. "двушлановые" композиты, опорные словосочетания которых в зависимости от контекста могут указывать на —
 — непосредственные принадлежностные отношения, как в словах — Greisenhand(Str), Kellnergesicht (Segh) — die Hand des Greisen, das Gesicht des Kellners.

— или же на компаративно-принадлежностные отношения между K_1 и K_2 , и тогда опорное словосочетание расшифровывается как S_2 wie S_1 , как в следующих примерах: eine Hand wie die Hand eines Greisen — Greisenhand; ein Gesicht wie das Gesicht eines Kellners — Kellnersgesicht.

Такие соединения встречаются часто. Реже образуются окказионализмы по модели Pron + S_2^{prop} , как в следующих словах: ich-Anselm, mich-Anselms, mir-Anselm (M. Walser).

К этой же группе окказионализмов мы считаем возможным причислить и такие композиты, в которых K_1 обозначает характерный предмет, принадлежащий денотату K_2 и определяющему значение всего композита, как в следующих примерах: samtbandmädchen (Str) — Mädchen mit einem samtband in den Haaren, schalmädchen (Weinert) — Mädchen mit einem Schal.

III-4 состоит из композитов, отношения между компонентами которых отражают положение или направление / где, куда/, в котором находится или соответственно движется денотат, обозначенный вторым компонентом; темпоральную зависимость денотатов первого и второго компонентов / когда /, или же образ действия / каким образом /. Например: Steppenschnee (str) — Schnee in der Steppe; Mainachtluft (Lotz) — Luft in der Mainacht; Septemberwind (A. Zweig) — der Wind im September; Novemberfenster (Str) — Die Fenster im November.

Примечание: Сюда же следует отнести и такие композиты, семантика которых раскрывается только в более широком контексте, например: damals=sekunde (M. Walser).

К условно обозначенному III-5 относятся окказиональные композиты, в основе которых лежит с р а в н е н и е. Носителем *tc* (*tertium comparationis*) всего композита в целом может стать любой предмет, любое явление и т. окружающая среда, которое воспринимают наши органы чувств, т.е. обозначение формы, звука, цвета, температуры, движения и т.д.

III-6 / усилителя /. Таких соединений, как кодифицированные композиты типа *Hundekälte, bombensicher* и т. п., где K_1 полностью потерял свою денотативную соотносительность, среди окказионализмов не встречается.

Примечание: К сложным словам в немецком языке относятся и так называемые сдвиги. Среди сдвигов окказионализмы образуются практически в неограниченном количестве. В. Флейшер² определяет сдвиги, как обычное для немецкого языка образование сложных слов. В отношении семантики данных образований В. Флейшер не видит существенных различий между словарной группой / или предложением /, из которой образовался сдвиг, и самим сдвигом. Подробный анализ сдвигов показывает, что это явление многогранное и имеет существенные отличия. Распределение сдвигов по III, очевидно, зависит от семантики всего сдвига в целом. Поэтому следует, на наш взгляд, при распределении сдвигов по III прежде всего говорить о формальных /структурных/ и семантических признаках, исходя из классификации которых может быть построено бинарное поле признаков сдвигов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Король Т.В. "Поле признака" и неологизмы. В кн.: Инновации на разных языковых уровнях: Респ. межв. сб. науч. тр. Рига, ЛГУ им. П. Стучки, 1975. - 161 с. / 19 - 39/
2. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache, Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1974. - 361 s. (297,300).
Fleischer W. Zum Verhältnis von Zusammensetzung und Zusammenrückung, in "Die deutsche Sprache" Kleine Enzyklopädie, B.I, S.432-433.

L. Leikuma
Rīga

AIZGŪTO VERBU IEKĻAUŠANĀS IZVALTAS IZLOKSNES SISTĒMĀ.

Nozīmīga vieta valodas vēsturiskajā attīstībā ir aizguvumiem. Tie liecina par agrākajiem un pašreizējiem tautu vēsturiskajiem, ģeogrāfiskajiem, ekonomiskajiem un kultūras sakariem, bagātina vārdu krājumu.

Par ikvienas valodas attīstību interesantas ziņas varam gūt arī no izlokšu dotumiem.

Latgalisko izlokšu ciešo saistību ar krievu, poļu, baltkrievu un leišu valodu ir noteikuši ģeogrāfiskie un vēsturiskie apstākļi. Īpaši daudz šo izlokšu leksikā ir slāvismu.

Pētīt latgalisko izlokšu aizguvumus, parasti tiek runāts par substantīviem - ar iedzīvotāju lauku saimniecību, amatniecības rīkiem, kultūraugu nosaukumiem utt. saistīto leksiku. Ne mazāka loma valodas sistēmā ir verbēm. Kā tie iekļaujas dziļās neslīskās augšzemnieku Izvaltas izlokšņu vārdu krājuma kopējā sistēmā, mēģināts izsekot šai rakstā.

Lielākā daļa izlokšņu slāvisko¹ verbu pieder pie II konjugācijas. Tie lielākoties apzīmē kādu darbību, ne stāvokli. Pavērosim, kā aizgūtie verbi iekļaujas verba formu sistēmā.

¹ Tā kā Izvaltas izlokšņu aizgūto verbu lielākā daļa ir slāvismi, tiks runāts galvenokārt par to iekļaušanos mantoto verbu sistēmā. Aizguvumi no citām valodām (leišu, vācu) minēti tad, ja tie iekļaujas aplūkotajos celmos.

āio un ōio celmos ienākušie aizguvumi.

Izvaltas izloksei raksturīga āio- un ōio- celmu sakrišana, pie tam tagadnē āio- celmi nomākuši ōio- celmus. Vienkāršās tagadnes paradigma tagad ir šāda:

1. <u>stāigoju</u>	1. <u>gudroju</u>
2. <u>stāigoj</u>	2. <u>gudroj</u>
3. <u>stāigoj</u>	3. <u>gudroj</u>
4. <u>stāigojām</u>	4. <u>gudrojām</u>
5. <u>stāigoitā</u>	5. <u>gudroitā</u>

Savukārt ōio- celmiem raksturīgā seniskākā pagātne ar -avā- ieviesta arī senajos āio- celmos.

Aizgūtie verbi tiek konjugēti tāpat kā mantotie darbības vārdi. Turklāt nav nozīmes aizgūšanas laikam. Vienāda paradigma ir, piem., senam aizguvumam dabuōt 'dabūt' (ME I 429 no kr. ДОБИТЬ) un par to daudz jaunākam - āblavuōt 'āvelēt' (ar leišu abliavōti starpniecību no poļu heblować¹). Pēc rādītā locīšanas parauga konjugējami vēl jaunāki aizguvumi - prasavuōt 'gludināt', dyskavuōt 'šķīvot', kamandavuōt 'komandēt', pijānctavuōt 'plēgurot' u.c.

āio- un ōio- celmos ieplādušie aizguvumi savas valodas sistēmā lielākoties ir beigušies ar izskaņu: -ātē krievu valodā, -ac poļu valodā un -aщē baltkrievu valodā. Pēc šā modeļa lokāms arī verbs dabuōt 'dabūt' (no kr. ДОБИТЬ). Salīdzināsim tā konjugāciju ar kapynuōt 'pilināt' (no bkr. кѣпачь, kr. кѣпѣть vai p. kapac) un šaravuōt 'berzt' (no bkr. шаравѣць, p. szogować vai kr. шаровѣть) vienkāršajā tagadnē:

1. <u>dabojū</u>	1. <u>kapynoju</u>	1. <u>šaravojū</u>
2. <u>daboj</u>	2. <u>kapynoј</u>	2. <u>šaravoj</u>
3. <u>daboj</u>	3. <u>kapynoј</u>	3. <u>šaravoj</u>
1. <u>dabojām</u>	1. <u>kapynoјām</u>	1. <u>šaravojām</u>
2. <u>dabojitā</u>	2. <u>kapynoјitā</u>	2. <u>šaravojitā</u>

¹ A. Rokna. Amatniecības leksika dažās Latgales dienvidu izloksnēs un tās sakari ar atbilstošajiem nosaukumiem slāvu valodās.-Rīga, 1975, 109.lpp.

Aizgūtajiem tagadnes ājo- un ōjo- celmiem pagātne konsekventi darināta ar -av-. Mantotajos vārdos lieto arī -ov-. Piemēri: kīvavu 'šūpoju', sortavavu 'šķiroju', dabavu 'dabūju', āblavavu 'āvelēju', bet mozgavu/mozgovu 'mazgāju', zīdavu/zīdovu 'dziedāju' u.tml. Liekas, ka izvaltiešu runā sāk dominēt vienkāršās pagātnes formas ar -av-.

Pie ājo- respektīvi ōjo- celmu grupas pieder šādi aizgūtie verbi: āblavuūt 'āvelēt'(sk.iepriekš); balavuūt 'rotāties' (? no kr. БАЛОУЎТЬСЯ vai bkr. БАЛАВАТЬ); brakavuūt 'brakēt' (no p. brakować, bkr. БРАКАВАЊЦЬ vai kr. БРАКОВАТЬ); bušavuūt 'dauzīties, blēpties' (? no bkr. БУШАВАТЬ vai kr. БУШЕВАТЬ); cyravuūt 'lāpīt bez ielāpa, piem., zeki' (? no bkr. ЦЫРАВАЊЦЬ); čaravuūt 'burt' (? no p. czarować vai kr. ЧАРОВАТЬ); dabuūt 'dabūt' (sk.iepriekš); dāravuūt 'dāvināt' (no p. darować, kr. ДАРОВАТЬ vai bkr. ДАРОВАЊЦЬ); dyskavuūt 'šķīvot' (? no bkr. ДИСКАВАЊЦЬ vai kr. ДИСКОВАТЬ); drapak(av)uūt 'kultivēt' (?; sal. bkr. ДРАПАК); goravuūt 'dzīvot trūkumā, vārgt' (? no bkr. ГОРАВАЊЦЬ vai kr. ГОРЕВАТЬ); karynuūt 'pilināt'(sk.iepriekš); kāšuūt '1. pumpēt, 2.gludināt, 3.šūpot' (? no bkr. КАЧАЊЦЬ vai kr. КАЧАТЬ); kīvuūt 'šūpot, piem., galvu' (no p. kivac, bkr. КІВЊЦЬ vai kr. КИВАТЬ); kamēndavuūt 'komandēt' (? no bkr. КАМАНДАВАЊЦЬ vai kr. КОМАНДОВАТЬ); maļavuūt 'krāsot' (no p. malować, bkr. МАЛЯВАЊЦЬ vai kr. МАЛЕВАТЬ); nāimavuūt 'līgē strādātāju kādam darbam' (? no p. najmować; sal. arī bkr. НАЙМАЊЦЬ); pijānctavuūt 'pļēgurot' (? no bkr. ПЬЯНЦТВАВАЊЦЬ vai kr. ПЬЯНСТВОВАТЬ; sal. arī p. pijany); pīļavuūt 'uzmanīt' (EH II 233 pīļavāt² no p. pilnować; sal. arī bkr. ПІЛЬНАВАЊЦЬ); pīļavuūt 'malt rupji' (sal. lei. pikliuoti 'bidelēt'); plazavuūt 'pērt ar kaut ko' (? no p. plazować); poččavuūt 'cienāt' (? no kr. ПОТЧЕВАТЬ); prasavuūt 'gludināt' (? no p. prasować vai bkr. ПРАСАВАЊЦЬ); ratavuūt 'glābt' (? no p. ratować vai bkr. РАТАВАЊЦЬ); sortavuūt 'šķīrot' (? no p. sortować); šaravuūt 'berzt'(sk.iepriekš); šatravuūt 'atbrīvot graudus no ārašā

arvalka (dzirnavs)' (? no bkr. шатраваць); špaļeravuôt
'tapsēt' (?; sal. bkr. шпалэра, kr. шпалэра, p. szpaler);
tārgavuôt 'tirgoties' (no p. targować, kr. ТОДГОВАТЬ vai
bkr. таргавяць); tārkavuôt '1. rivēt, 2. vilkt uz kaut ku-
rieni' (?; sal. p. tarka, bkr. тэрка, kr. тэрка); trajuôt
'atkartoti pārart zemi pavasarī' (?; sal. bkr. травяк,
травякі); vajavuôt '1. karot, 2. izriktot cituz, ieviest
savu kārtību' (no p. wojować, kr. ВОЕВАТЬ vai bkr. вая-
ваць); vakavuôt 'pārklāt aravus ar aravu krēmu' (sal.
bkr. ваксаць, kr. ваксить); vāļsavuôt 'malt smalki' (? no
bkr. вальцаваць, kr. вальцевать); vīnavuôt 'vainot' (sal.
bkr. винаваць, kr. обвинять).

Iiō- un ā- celmos ienākušie aizguvumi.

Izvaltas izlokšnē atēķirā no daudzām citām latgalis-
kajām izlokšnēm tagadnē nav sakrituši iō- un ijo- celmi.
Diferencē, piem., māklīēt 'meklēt' un mījeit 'midzināt'
konjugēšanu:

1. <u>māklīaju</u>	1. <u>mījeju</u>
2. <u>māklīai</u>	2. <u>mījei</u>
3. <u>māklīai</u>	3. <u>mījei</u>
1. <u>māklīajām// -dm</u>	1. <u>mījejām</u>
2. <u>māklīaitā</u>	2. <u>mījeitā</u>

iō- celma verbu skaits izlokšnē ir palielinājies uz
daudzu aizguvumu rēķina. Kā tagadnes iō- celmus loka šā-
dus aizgātus verbus: beļeit 'balsināt' (? no kr. белить
vai bkr. бялиць); blūdeit 'maldities' (no p. biaźcić, bkr.
блудзіць vai kr. блудить); blūžeit 'runāt muļķības'
(? no bkr. блудзіць); brošņeit '1. beigt, 2. atstat' (? no
kr. бросить); bužeit 'modināt' (no p. budzić, kr. будить
vai bkr. будзіць); dražņeit '1. kaitināt līdz asarām, 2. kār-
dināt' (? no p. draźnac vai kr. дразнить); dubašeit 'dau-
zit ar plakanu priekšmetu, piem., drēbes velējot' (? no
bkr. дубасіць vai kr. дубасить); glāžeit 'skaust' (? no kr.
сглазить); grājeit 'spēlēt' (sal. p. igrać, kr. играть,

bkr. играць); gubeit '1. zaudēt, 2. pazudināt' (no p.gu-
biē, kr. губить vai bkr. губиць); karšeit 'kūpināt, piem.,
gaļu' (? no p. koršic vai kr. коптить); kureit 'smēķēt'
(? no bkr. курыць vai kr. курить); lūbeit '1. mīlēt, 2. pa-
tikt, 3. garšot' (no bkr. любиць, kr. любить vai p. lubiē);
mīereit 'mērit' (ME II 619 no kr. мърить); mūšeit 'mocīt'
(? no bkr. мучиць vai kr. мучить); pašeit 'lodēt' (sal. bkr.
паяльник, kr. паяльник); prūveit 'labot' (? no bkr. пре-
вѣць; sal. arī kr. исправлять); prušeit 'post, izdaļot'
(BH II 316 prišit no v. frisch?); puđreit 'pūderēt' (? no
bkr. пудрыць vai kr. пудрить); (-) smaleit '1. sveķot
piem., diegu, 2. pārkurināt krāsni, 3. stipri smēķēt' (no
p. smaliē 'svilināt', smoliē 'sveķot', bkr. смалиць
'svilināt, sveķot' vai kr. смолить 'sveķot'); švieteit
'svētīt' (ME III 1155 no kr. святить); šuceit 'jokot' (?
no kr. шутить); tarareit 'steidzināt' (? no kr. торопить);
trušeit 'indēt' (? no bkr. труциць vai p. truč 'indēt');
varašeit 'burties, zīlēt' (? no bkr. варажиць vai kr.
ворожить); zvaleit 'ļaut' (? no kr. дозволить); žareit
'1. cept, 2. stipri lit' (? no kr. жарить; sal. arī p. žar,
bkr. жар); žareitšis 'precēties' (sal. p. ženicsis, kr.
жениться, bkr. жаніцца); žūlričeit 'krāpties' (? no bkr.
жульничать vai kr. жульничать).

Cilmes ziņā vairāki ījo- celma verbi ir seni aizguvu-
mi, piem., ar baznīcas rituāliem (švieteit 'svētīt'),
lauku saimniecību (mīereit 'mērit') utt. saistītie darbības
vardi. Lielākā ījo- celmu daļa tomēr ir jaunāki aizguvumi,
piem., zvaleit 'ļaut', brošeit 'atstāt', bužeit 'modināt',
šuceit 'jokot', jo šiem un dažiem citiem vārdiem vecākās
praudzes runātāji saglabājuši agrāko, mantoto ekvivalentu.
Izvaltieši lieto arī darbības vārdus ļaut 'ļaut', pašās
'atstāt', mūdynušt 'modināt' jūkušt 'jokot'.

Aizgūtos verbos konjugācija tāpat kā augstāk minēto
mījeit 'midzināt', proti:

1. <u>grajeju</u>	1. <u>lūbeju</u>	1. <u>pryšāju</u>
2. <u>grajeļ</u>	2. <u>lūbeļ</u>	2. <u>pryšāļ</u>
3. <u>grajeļ</u>	3. <u>lūbeļ</u>	3. <u>pryšāļ</u>
1. <u>grajejām</u>	1. <u>lūbejām</u>	1. <u>pryšājām</u>
2. <u>grajeitā</u>	2. <u>lūbeitā</u>	2. <u>pryšāitā</u>

Latviešu valodas vēsturiskajā gramatikā bieži vien blakus tiek runāts par iō- un ā- celmiem, jo abas celmu grupas beidzas ar izskaņu -it, vērojama arī iō- celmu tendence pāriet ā- celmos. Arī Izvaltas izloksnē ir daži mantotie verbi, kurus loka gan pēc iō-, gan ā- celmu parauga, piem., rūomeit 'rūnīt':

1. <u>rūomu</u>	//	<u>rūomeju</u>
2. <u>rūom</u>	//	<u>rūomeļ</u>
3. <u>rūoma</u>	//	<u>rūomeļ</u>
4. <u>rūomom</u>	//	<u>rūomejām</u>
5. <u>rūomot</u>	//	<u>rūomeitā</u>

Šāda tipa aizguvumu pagaidām fiksēts maz: kūoleit '1. lielīt, slavēt, 2. ieteikt'; mūčait 'mocīt'; prūoveit 'labot'; drāžpeit '1. kaitināt līdz asarām, 2. kārdināt'. Paradigma ir tāda pati:

1. <u>mūku</u>	//	<u>mūčaju</u>
2. <u>mūk</u>	//	<u>mūčāļ</u>
3. <u>mūka</u>	//	<u>mūčāļ</u>
4. <u>mūkōm</u>	//	<u>mūčajām</u>
2. <u>mūkot</u>	//	<u>mūčaitā</u>

Pēc ā- celma tipa lokāmu aizgūtu verbu nav daudz: vūiceit 'mācīt' (ME IV 676 * vuikt no ssl. verba caur выкнутъ; sal. arī bkr. вучитъ, kr. учитъ, p. uczyc); kristeit 'kristīt' (ME II 281 no kr. крѣстити); krāseit 'krāsot' (? no bkr. красиць, kr. красить); lādeit '1. tērp post, 2. kārtot' (? no bkr. лѣдзиць 'labot' vai kr. лѣдить); zvaņeit 'zvanīt' (ME IV no kr. звонить) un jau minētie - kūoleit, mūčait, prūoveit, drāžpeit.

Aizgūtos ā- celmus loka tāpat kā mantotos vārdus:

1. <u>zvonu</u>	1. <u>krosu</u>
2. <u>zvòn</u>	2. <u>kros</u>
3. <u>zvona</u>	3. <u>krosa</u>
1. <u>zvonòm</u>	1. <u>krosòm</u>
2. <u>zvonot</u>	2. <u>krosot</u>

važas piezīmes par jauninājumiem verbu galotņu sistēmā.

Izvaltas izlokšnes runātāji groza savu sākotnējo galotņu sistēmu, proti, sāk jaukt vienkāršās tagadnes dsk. 1. personas galotnes. o- celmos visai bieži parādās ā- celma galotne-nasām || nasòm || naspām no verba vāst 'nest', vadām || vadòm || vadpām no verba vāst 'vest'. ā- celma verbos gan retāk, bet dažkārt lieto o- celma galotni -am (gonòm || gonām no verba ganeit 'ganīt'). Par šo parādību kā tipisku likumību runāt vēl nevar.

Arī II konjugācijas vienkāršās tagadnes dsk. 1. personas verbu galotnes noformēšanā noteiktas normas vairs nav. Tā, piem., izlokšnes runātāji lieto kūosājām || kūosājòm no ījo- celma verba kūosīēt 'kāst'. Arī aizgūtajos verbos izvaltieši lieto abas galotnes: mūurajām || mūurajòm (no ījo- celma verba mūuriēt 'mūrāt').

Tāpat ājo- un ōjo- celma darbības vārdu dsk. 1. personā var uzirdēt, piem., kitynojām || kitynojòm, gudrojām || gudrojòm (no vārdiem kitynušt 'kutināt', gudrušt 'gudrot'). Tas pats ir arī aizgūvumos, piem., vinavojām || vinavojòm (no verba vinavušt 'vainot'), piļņavojām || piļņavojòm (no verba piļņavušt 'uzmanīt').

Vislabāk saglabājusies senā dsk. 1. personas galotne ir ījo- celma darbības vārdos, jo šeit galotne -ām un -òm palīdz atšķirt tagadnes formu no pagātnes, piem., tag. mīzejām (no verba mīzejt 'midzināt'), pāļdejām (no verba pāļdejēt 'pateikties' un pag. mīzejòm, pāļdejòm. Arī aizgūtos verbos konjugējot, šī likumība tiek ievērota, piem., tag. blūdejām (no verba blūdejēt 'maldīties'), pag. blūdejòm; tag. buzejām (no verba buzejēt 'modināt'), pag. buzejòm.

А.С. Начисчионе
Рига

ВОСПРОИЗВОДИМОСТЬ ПРИЕМОВ ОККАЗИОНАЛЬНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ

Изучение окказионального стилистического использования фразеологических единиц (ФЕ) в речи как в синхронном, так и в диахронном плане представляет большой научный интерес. За последние годы фразеологическая стилистика получила дальнейшее теоретическое развитие. Она обогатилась обширным исследовательским материалом, характеризующим стилистические свойства ФЕ и их функционирование в речи на отдельных этапах развития языка. Однако диахронические аспекты этой проблемы в плане исторической фразеологической стилистики изучены далеко не полностью, что диктует необходимость дальнейших диахронических исследований фразеологической системы и ее функционирования в речи, поскольку "марксистское языкознание рассматривает любое синхронное состояние языка как результат длительного диахронического развития" [1, 25].

Окказиональные изменения ФЕ — это диалектический процесс преобразования языкового знака в речевом потоке. Путем противопоставления окказионального фразеопотребления языковой форме в процессе декодирования текста получатель речи воспринимает дополнительную смысловую и стилистическую информацию, доставляемую самим стилистическим приемом и его конкретным воплощением [2, 163]. Под фразеопотреблением мы понимаем конкретный случай актуализации ФЕ в речи как виртуального языкового знака. Окказиональное использование ФЕ в речи, раскрывая взаимоотношение между фразеологическим фондом языка и особенностями его речевой актуализации, отражает диалектическую связь между языковой и речевой системностью во фразеологии. Системность проявляется в наличии внутренне организованной совокупности приемов окказионального использования фразеологии, свойственных данному фразеологическому

фонду языка и определяющих характер окказионального функционирования ФЕ в речи [3, 187; 47]. Такой подход к изучению фразеологического материала дает исследователю возможность за огромным разнообразием реальных окказиональных фразеологических употреблений, встречающихся в текстах, увидеть языковую систему приемов окказионального преобразования ФЕ.

Средства окказионального использования ФЕ, зафиксированные в произведениях различных авторов, выступают как частное проявление системы приемов окказионального преобразования ФЕ языка данного периода. Системность окказиональных стилистических приемов, исторически сложившаяся в процессе развития английского языка, сохраняется в течение многих столетий, обогащаясь и усложняясь. Приемы окказионального использования ФЕ представляют собой развивающуюся систему, которая отличается стабильностью в истории языка.

Окказиональные преобразования ФЕ представляют собой стилистически значимое отступление от языковой нормы, они нормативны в системе речи. Языковая норма и речевая норма — две стороны жизни ФЕ, это относительные противоположности, функционирующие в единстве в речевом процессе. В окказиональном использовании ФЕ проявляется закон единства противоположностей.

В ходе исторического развития языка сохраняются не только сами ФЕ как единицы языка, но и приемы, на основе которых окказиональные преобразования ФЕ построены. Именно прием объясняет превращение ФЕ в окказионализм в данном речевом акте. Противопоставление окказионального фразеологического употребления как факта речи, с одной стороны, и фразеологической единицы и приема ее окказионального преобразования как факта языка, — с другой, приводит нас к выводу о воспроизводимости приемов окказионального преобразования ФЕ. Под воспроизводимостью приема мы понимаем функциональную повторяемость одного и того же языкового стилистического приема в речи с различным речевым наполнением. Прием окказионального использования ФЕ как воспроизводимый элемент языковой системы характеризуется постоянством употребления и является константным по отношению к

бесконечно разнообразным окказиональным реализациям ФЕ в речи, в которых он предстает как основа преобразования. Повторная реализация приема также порождает эффект окказиональности благодаря новой речевой форме. Каждый прием отличается рядом формальных признаков, обязательных для построения новых окказиональных фразоупотреблений. Воспроизведение приема означает воспроизведение определенных общих правил преобразования ФЕ по отношению к ее структурной организации, компонентному составу и семантике с целью достижения необходимого стилистического эффекта. Понятие приема является чрезвычайно важным в декодировании построения окказиональных фразоупотреблений любого периода. Нормативность и окказиональный характер данных преобразований ФЕ не противоречат друг другу, так как термин "окказиональный" относится только к материальному воплощению приема, сам же прием - общезыковой. Окказиональные фразоупотребления характеризуются функциональной одноразовостью. Они синхронно относятся к конкретному речевому акту. Окказиональность речевой формы создается языковыми средствами.

Системность и нормативность окказиональных изменений ФЕ в речи, а также воспроизводимость приемов, лежащих в основе этих изменений, являются основополагающими теоретическими положениями в фразеологической стилистике. Изучение окказионального приема как языкового элемента и его функционирования в речи дает нам основание сделать вывод, что окказиональное использование ФЕ характеризуется системностью и нормативностью как в плане языка, так и в плане речи.

Приемы окказионального использования ФЕ исторически воспроизводимы, они имеют многовековую историю. Воспроизводимость обусловлена их свойством диахронической устойчивости в системе языка. В функционировании окказионально преобразованных ФЕ воспроизведение присутствует по от-

ношению к приему и к самой ФЕ, которые характеризуются многократным употреблением и языковой непрерывностью. Окказиональное фразоупотребление синхронно относится к конкретному речевому акту и носит индивидуально-авторский характер. Приемы окказионального преобразования ФЕ, как элементарные, так и сложные, характеризуются исторической преемственностью, они принадлежат к системе языка. Окказиональное использование ФЕ в речи уходит корнями глубоко в историю языка. Изучение соотношения конкретного окказионального фразоупотребления и механизма воспроизведения приема окказионального преобразования ФЕ в речи позволяет также раскрыть закономерности соотношения и тесную связь между синхронией и диахронией в фразеологии.

Проиллюстрируем идею воспроизводимости приемов окказионального преобразования ФЕ на приеме вклинивания. Вклинивание является одним из наиболее продуктивных элементарных приемов. Этот прием засвидетельствован уже в древнеанглийском периоде. Например, сравним исходную форму¹ ФЕ *swa wulfas* с преобразованной речевой формой:

swa wulfas²

*Hi sind ... cristenra manna ehteras, and reaferas,
swa reðe wulfas.*

Aelfric. Homilies II (1000)

Вклиниваемый элемент *reðe* (совр. англ. - fierce) рассматривается нами как часть ФЕ в данном речевом акте, ее окказиональный компонент, который объединяется с ФЕ

¹ Под исходной формой ФЕ мы понимаем ФЕ как единицу языка, как виртуальный элемент языковой системы независимо от формы его актуализации в речи.

² По свидетельству словаря Б. Уайтинга ФЕ *swa wulfas* употреблялась в древнеанглийском и среднеанглийском периодах, но является устаревшей в современном английском языке [57].

единой образностью. Значение вклиниваемого окказионального компонента где непосредственно включается в значение ФЕ, расширяя объем ее семантики.

В среднеанглийском языке вклинивание находит все большее применение. Среднеанглийские тексты свидетельствуют как о количественном, так и о качественном росте данного явления. Так, например, в произведениях Чосера вклинивание является самым распространенным приемом окказионального преобразования ФЕ и составляет 177 фразоупотреблений (из общего количества 1164 окказиональных фразоупотреблений в чосеровских текстах).

Рассмотрим один среднеанглийский пример:

the swan singeth ayens his deth¹

Ther was the douve, with hir eyon meke;

The jalous swan, ayens his deth that singeth;

The oule eek, that of dethe the bode bringeth.

G. Chaucer. PF, 341-3

Эти строки из аллегорической поэмы Чосера "Парламент птиц". Вклинивание jalous² вписывает дополнительный штрих в образ фразеологической единицы, оно мотивировано, так как производится в целях создания аллегорического образа члена парламента Природы. Чосер известен как мастер портрета, окказиональное использование ФЕ является частью его портретного мастерства. Данное конкретное фразоупотребление - образование чосеровское, но прием вклинивания - языковой, продуцирующий речевую форму.

В ранненовоанглийском периоде прием вклинивания получает дальнейшее развитие и распространение.

Пример из данного периода:

(as) bryght as the day

Shynynge as bryght as the sonny day.

Barclay. Ship II (1509)

¹ Совр.англ. - swan song.

² Совр. англ. - jealous.

Вклинивание *sonny* вносит дополнительный смысл в семантику ФЕ.

Динамика языкового приема вклинивания заключается в обогащении стилистических возможностей этого приема. Вклинивание представлено неисчислимыми фразеопотреблениями в последующих столетиях, особенно в XX веке [6], как в художественных, так и в газетных текстах. Например:

to sit on the fence

Same old story. Sit on the bloody

English fence. Vote for Adolf.

J. Fowles. The Ebony Tower.

to put all one's eggs in one basket

While the Americans are putting

nearly all their space eggs in

one basket ..., the Soviet programme

keeps its options open.

MS, Nov. 26, 1968

Во всех этих случаях вклинивание изменяет структуру ФЕ в речи при помощи окказионального расширения ее компонентов и влечет за собой семантические и стилистические изменения. Языковой прием вклинивания проявляется в многочисленных частных окказиональных фразеопотреблениях. Воспроизведение приема вклинивания предусматривает наличие вклиниваемого элемента как окказионального компонента в данном акте речи. Прием инвариантен по отношению к окказиональным фразеопотреблениям, создаваемым по данной модели.

Таким образом, мы приходим к выводу, что приемы окказионального преобразования ФЕ в речи — языковые, они являются воспроизводимыми, как и другие элементы языковой системы.

Воспроизводимость приемов окказионального использова-

ния ФЕ — одно из правил, которым подчинено порождение фразеологического материала в речи. Систему данных приемов следует рассматривать как динамическую, саму себя создающую по определенным правилам. Процесс этот является универсальным, так как правила продуцирования высказывания включают в себя не только лексический и фразеологический состав языка и грамматические законы, выделенные в общей системе языка, но и определенные стилистические законы воспроизведения речевой деятельности ФЕ. Динамика функционирования системы приемов окказионального использования ФЕ отражает тесное взаимодействие синхронии и диахронии в фразеологии и обнаруживает в конкретных фразеопотреблениях диалектику общего и частного, абстрактного и конкретного, сущности и явления.

При окказиональном использовании ФЕ обнаруживается внутренняя, неразрывная связь и взаимная функциональная зависимость ФЕ и фразеологического контекста: окказиональное преобразование обусловлено требованиями контекста и художественной формы произведения, а декодирование преобразованной формы возможно только в контексте благодаря воздействию окружающих элементов. Анализ конкретных фразеопотреблений дает возможность выявить дополнительную смысловую и стилистическую информацию, порождаемую приемами окказионального преобразования ФЕ. Возникновение дополнительной смысловой и стилистической информации позволяет поставить вопрос об информативности приемов окказионального преобразования ФЕ.

Новаторство писателя заключается в том, что он умеет реализовать те потенциальные возможности, которые заложены в самой фразеологической системе языка, и использовать уже существующие приемы окказионального преобразования ФЕ как стилистическое средство, создавая новые художественные ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мокиенко В.М. Противоречия фразеологии и ее динамика. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук.-Л., 1976.-32 с.
2. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка.-М.: Высшая школа, 1974.-173 с.
3. Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс).- М.: Высшая школа, 1970.-343 с.
4. Шадрин Н.Л. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов. - В кн.: Лингвистические исследования, 1972. - М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1973, ч.2, с. 78-97.
5. Whiting B.J. Proverbs, Sentences and Proverbial Phrases from English Writings Mainly before 1500.-Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1968.-729 p.
6. Кунин А.В. Вклинивание как лингвистическое явление. - Иностранные языки в школе, 1973, № 2, с. 13-22.

О. Л. Озолинь

Рига

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ ОДНОКОРЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ
И В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ /НА МАТЕРИАЛЕ ВЕЩЕСТ-
ВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ/**

Диахроническое изучение однокоренных вещественных прилагательных /ВП/ свидетельствует о жизнеспособности и продуктивности подобных образований на протяжении всей истории французского языка. В связи с этим значительный интерес представляет изучение функционально-семантических и структурных особенностей данных единиц в разные языковые периоды, установление предпосылок и факторов их возникновения и разрушения. Освещение этих вопросов и служит излагаемый в статье материал.

Для исследования выбраны два языковых среза: старофранцузский язык /XI-XIII вв./, начальный период формирования французского литературного языка, и современный период его развития /XX в./. Сопоставление двух крайних точек эволюции языка позволяет определить общие и разные характеристики интересующих нас образований, проследить тенденции развития французского языка, выявить новое в его грамматической системе и лексическом составе.

Анализ однокоренных ВП двух языковых срезов показал, что их количественные характеристики совпадают /см. табл. 1/.

Таблица I

Историч. срез	Кол-во пар-лей	Кол-во однокор. ВП	% от всех ВП
XI-XIII вв.	54	186	65
XX в.	209	634	63

Одинаковы также семантические группы ВП: для обоих срезов характерны четыре типа однокоренных параллелей /равнозначные, синонимические, смешанные и разные/, включающих три основные категории ВП: однокоренные словообразовательные варианты /ОСВ/¹; однокоренные синонимы /ОС/² и полностью дифференцированные ВП. Рассмотрим в качестве примеров наиболее интересные случаи вариативности, синонимии и полной дифференциации в каждом из сопоставляемых срезов.

ОСВ XI-XIII вв.

fraisnin-fresnis-fresnain - однозначны, свое тождественное значение "ясеневый" реализуют в идентичном лексическом и синтагматическом окружении, встречаются в основном в поэзии, употребляются одним автором: *espier fraisnin I I, 466I I, espies fraisnis, espier fresnain I 2, IV, c. I4I-I42 I.*

ОСВ XX в.

hyalofde-hyalin - однозначны, свое значение "прозрачный, как стекло", реализуют в сочетании с вещественными существительными: *des liquides écarlates ou blêmes, ou hyalin; humeur hyalofde I 3, III, c. 248I I.* Характеризуясь тождеством значений, ВП различаются своими синтагматическими свойствами. *hyalin* обладает более широкой лексической сочетаемостью: *râleur hyaline, glaieul hyalin I 3 I,* употребляется как в литературно-художественной речи, так и в минералогии, тогда как его семантический коррелят - медицинский термин. Таким образом, формы, обладая семантическим тождеством, различаются дистрибутивными и стилистическими характеристиками.

Анализ этимологически родственных ВП первого типа позволил выделить основные свойства ОСВ исследуемых периодов. Сравним их.

XI-XIII вв.

XX в.

I/ образование по одной струк- I/ образование по двум

¹ОСВ - этимологически родственные, совпадающие по значению единицы, находящиеся в отношении полной эквивалентности.

²ОС - этимологически родственные, близкие по значению единицы; находящиеся в отношении неполной эквивалентности.

- турной модели "исконное су- структурным моделям"исконное
щест.+синонимич.суффикс"; сущ.+синонимич.суффикс", "книж-
ное сущ.+синонимич.суффикс";
- 2/ однозначность; 2/ основной контингент ОСВ од-
нозначен;
- 3/ образуют параллели толь- 3/ преобладают параллели с
ко с исконными ВП; книжными и заимствованными ВП;
- 4/ полная семантическая и 4/ характеризуясь полной семан-
синтагматическая эквивален- тической эквивалентностью, ОСВ
тность; противопоставляются, как прави-
ло, по синтагматическим, функ-
ционально-стилистическим и час-
тотным признакам; абсолютное со-
впадение по всем параметрам ха-
рактерно для терминологических
ВП;
- 5/ взаимозаменяемость ОСВ 5/ взаимозаменяемость ОСВ огра-
ограничивается факторами ничивается их принадлежностью
ритмического характера; к определенным сферам употреб-
ления;
- 6/ стилистическая нейт- 6/ могут вступать в синоними-
ральность. ческие отношения с супплетив-
ными формами других параллел-
лей /hyaloïde-vitreux/ и с
этимологически неродственными
/duveté-velouté /.

Как явствует из сравнения, изменения произошли как в структурном плане, так и в семантическом. Различия наблюдаются также в предпосылках возникновения ОСВ и в факторах, обусловивших их функционирование в языке.

XI-XIII вв.

I/ активизация социально-культурной жизни, потребность в новых понятиях и их материализации в языковой форме;

2/ отсутствие фиксированных 2/ сосуществование нескольких

XX в.

I/ наличие двух разных типов словообразования - на исконной и книжной основе;

- словообразовательных норм; подъязыков в рамках общенародно-го языка;
- 3/ широкие возможности для 3/ возможность соединения в язы- активного вмешательства ковой системе разных по времени творческой личности в про- происхождения элементов; цесс создания новых слов;
- 4/ участие в формировании 4/ наличие диалектов; лит. языка разных диалектов;
- 5/ незначительная семанти- 5/ синонимия, временная и струк- ческая и функциональная турная десемантизация аффиксов; дифференциация аффиксов, их синонимия и временная десе- мантизация;
- 6/ интернационализация языков;

Фактор функционирования ОСВ

- I/ бурное развитие поэзии. I/ взаимодействие частных под- систем.

ОС XI-XIII вв.

mielleus-mielle-melide - производные от *miel*. ВП *mielleus*, реализуя два значения производящего существительного, образует два синонимических ряда. Первый с *melide* по прямому значению, мотивированному отношением к конкретному веществу, - "производящий мед"; *les cheues mielleus* Г 4, 20133 I, *ung melide royon* Г 2, У, с. 223 I. В отличие от своего коррелята *mielleus* обладало переносным значением по сходству внутренних признаков предмета "сладкий, как мед", которое являлось дифференцирующим для данной пары ВП. Следовательно, ЛСВ *mielleus* находились в отношении включения с ЛСВ *melide*. По своему переносному значению *mielleus* коррелирует с *mielle*: *la dulce ree bien mellosea* Г 2, X, с. 152 I, *dolcora mielee* Г 2, У, с. 325 I, *une rose que on apele miele*. Иб. Совпадая в одних ЛСВ, ВП дифференцируются по другим, вступая тем самым друг с другом в отношения пересечения. Дифференцирующим ЛСВ *mielle* в данном случае является характеристика предмета по цвету: *na grant baroe mellee* Г I, 1599 I.

ОС XX в.

В группе cuivreux-cuivrique-cuivré семантически соотносятся лишь cuivreux и cuivré. Оба ВП употребляются как в прямом значении "содержащий одновалентную медь", принадлежа подъязыку химии: oxyde cuivreux, oxyde cuivré, так и в переносном "цвета меди": ses suisses cuivrées Г 5, с. 336 Г, les nuages cuivreux Г 3, II, с. 1089 Г. Но в первом значении ведущим по частоте употребления является cuivreux, тогда как во втором - cuivré. Обе формы обладают дифференцирующими значениями. Cuivre развивает второе переносное значение "звонкий, как медь": la voix cuivrée Г 3, II, с. 1089 Г. Cuivreux присуще еще одно терминологическое значение "содержащий медь": les alliages cuivreux Г 6, 397, с. 28 Г. Совпадая в одних ЛСВ и дифференцируясь в других, соотносительные ВП представляют собой частичные синонимы и находятся друг к другу в отношении пересечения.

Сопоставим характеристики ВП данной группы в обоих срезах. Общее обнаруживается прежде всего в том, что особенности значения и функционирования ВП данного типа обусловлены преимущественно их разной мотивированностью. Все ВП характеризуются частичной семантической эквивалентностью. Однако, если в старофранцузский период отношения коррелирующих ОС были основаны на тождестве смысловой, стилистической и дистрибутивной сторон, так как ОС были стилистически и эмоционально нейтральны /palais marbrin-colonnes marbrées - palais marbinois - perron maubrier - fenestre marbrues/, то в современном языке семантическое тождество сопровождается, как правило, противопоставлениями временного, локального, стилевого и дистрибутивного порядка: éclat diamantin/устаревшая форма/, une eau diamantée/наиболее употребительная форма/, Pierre diamantaire/фразеологически связанная форма, сочетается только с Pierre/, sel aurique/химия/, sable aurifère/геология/, fond vaseux/обшеупотребительно/, fond vaseard/диалектальное образование/. Взаимной субституции эквивалентных единиц в XI-XIII вв. препятствовали факторы ритмического характера, в XX в. -- различие в стилевой принадлежности, дистрибуции и терминологизация значений.

В XI-XIII вв. преобладало взаимодействие ВП по двум /57% ВП/ и более ЛСВ. В XX в. основная масса ВП /75%/ коррелирует по одному ЛСВ, что вытекает из преимущественно терминологического характера современных ВП, обуславливающего их однозначность, эмоциональную и стилистическую нейтральность и ограниченную способность к окачеству, а также свидетельствует об активизации процесса семантической дифференциации ВП.

Однокоренные ВП в современном языке не представляют столь многочисленных по составу групп, как в старофранцузском, что вполне закономерно, так как XI-XIII вв. -- период лексического обогащения языка, когда количество преобладало над качеством.

Однородность рядов XI-XIII вв., обусловленная словопроизводством на исконной основе, сменилась разнородностью параллелей XX в., находящей свое объяснение в наличии двух типов словообразования -- народного и книжного.

Анализ причин, обуславливающих полную дифференциацию ВП, выдвигает в каждом из периодов целый ряд факторов, из которых лишь первые четыре являются общими.

XI-XIII вв.

1/ образование по разным моделям /отмеченным: argentals est-риф или отглагольным: argentee colour /;

2/ мотивация разными прямыми значениями производящего слова: tour perine/pierre = камень/, elmes perre/pierre = драгоценный камень/;

3/ развитие разных значений общего источника ВП /прямых: past carbonel=приготовленный на углях; переносных: osche charboniers = черный, как уголь/;

4/ специализация суффиксов: "полнота, изобилие качества"

XX в.

1/ отмеченная модель: la terre poudreuse , отглагольная модель: le visage poudré;

2/ humeur, fruits aqueux /aqua = жидкость/, animal, plante aquatique /aqua = водное пространство/;

3/ прямых значений: industrie cotonniere , переносных значений: voix cotonneuse;

4/ -ique - в химии, -fe-ge - в минералогии, -vo-

/ruisseau vineux/, -eresse - re - в зоологии, -cole - "назначение"/rue fonderesse/. в ботанике.

Остальные факторы свойственны только современному периоду:

5/ реализация разных переносных значений исходной единицы: diamant, brillant glaceux/glace = матовое пятно/, mer glaciale/glace = холод/;

6/ лексикализация различий в терминологии. Так, например, в химии модели служат для дифференциации химических элементов по валентностям: chloré-chlorique-chloreux;

7/ разные значения словообразовательных формантов: baccifère /ягодоносный/, bacciforme /ягодообразный/, baccivore /пожирающий ягоды/.

Как видно из примеров, различие обусловлено бóльшим абстрагированием значений современных ВП и социальной дифференциацией общенародного языка. Но более существенны изменения, проявляющиеся не только в качественном, но и в количественном выражении и отражающие всевозрастающую в процессе языковой эволюции тенденцию к функционально-семантической дифференциации /см. табл. 2/

Таблица 2

Исторический срез	Параллели с ОСВ		Параллели с ОС		Смешанные параллели		Разные ВП	
	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%
XI-XIII вв.	15	28	10	18	17	32	12	22
XX в.	13	6	71	34	37	18	88	42

Разряд ОС и разных ВП увеличился вдвое. Источником его пополнения является разрушение словообразовательной вариантности и модификация значений ВП. Данные анализа подтверждают мысль М.С.Гуричевой Г 7, с.74 I, что возможность равнозначных производных от одной основы почти утрачена в современном французском языке. Абсолютная семантико-функциональная равнозначность свойственна главным образом терминологии /plantes saxatiles, saxicoles/, тогда как в XI-XIII вв. она являлась неотъемлемой чертой зарождающегося общенародного языка и предопределялась развитием всей его лексико-грамматической системы. Проведенное

исследование наглядно свидетельствует о том, что вариативность, трактуемая обычно как множественность способов передачи одного и того же содержания, на разных этапах развития языка может обнаружить разное конкретное наполнение, а именно если в национальном языке мы имеем соотношение функционально-обусловленных единиц, то для эпохи складывания национальных литературных норм характерной была множественность номинации, обусловленная отсутствием общепринятых способов обозначения одного и того же содержания.

Из 54 однокоренных параллелей старофранцузского языка 42 распались, 12 сохранились. Основные преобразования, происшедшие в сохранившихся параллелях, могут быть обобщены в следующих типах соотношений:

1. ОСВ → ОСВ /2 параллели/. В XI-XIII вв. *sendreux-sendré* характеризовались однозначностью /сходство по цвету/, полной эквивалентностью семантических и дистрибутивных свойств. XX век расширил семантический объем ВП и их сочетаемостные способности. ВП приобретает значение "наличия вещества": *des terrains sendreux* I 3, I, с. 64 I I, *sur piste sendrée*. Ib. форме с -их в отличие от своего коррелята присущ компонент обилия характеризующим признаком. ВП же с -é более употребительно. Таким образом, обладая семантической эквивалентностью, формы дифференцируются функционально.

2. ОСВ → ОС /I параллель/. Будучи тождественны в XI-XIII вв., *poilu-poileux* дифференцируются в процессе языковой эволюции: *poilu* развивает терминологическое значение свойственности: *algrette poilue* I 3, V, с. 4399 I /ботаника/. В данном значении ВП употребительно и в обиходной речи, сочетаясь с существительными, обозначающими конкретные предметы личного, домашнего и общественного обихода: *une étoffe poilue*. В исходном значении "содержащий" *poileux* устарело /*le monton poileux*. Мауравант /, уступив место своему корреляту /*cet homme poilu*/ I 8, с. 205 I, но, как известно, снятие грамматических оппозиций не всегда сопровождается полным исчезновением форм, их выражающих I 9, с. 52 I.

3. OC → OC /4 параллели/. ВП *osseux-ossu* в старофранцузском языке находились в отношении неполной эквивалентности. *Ossu* как более ранняя форма отличалась многозначностью /1. сделано из, 2. костлявый/, широкой употребительностью и коррелировала со своим более поздним эквивалентом по переносному значению. В процессе развития модель с -и утрачивает свою продуктивность, *osseux* абсорбирует оба значения *ossu* и развивает новое, терминологическое значение "относящийся к": *système, tuberculose osseux* Г 3, IV, с. 794 Г.

4. OC → разные ВП /4 параллели/. В XI-XIII вв. *terrestre, terrien, terreux* являлись частичными синонимами, взаимодействуя по ЛСВ "земной", которое восходит к *terre* - планета. В XX в. *terrestre* и *terreux* полностью дифференцировались по семантике: первое ВП сконцентрировало в себе значения, восходящие к *terre* - планета, суша: *la croûte terrestre, le globe, animaux terrestres*, второе развило значение *terre* - вещество: *matière, odeur, chaussures, visage terreux*. *Terrestre* и *terrien* сохранили неполную эквивалентность. Коррелируя по ЛСВ "земной", они находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Первое ВП сочетается с существительными-названиями животных: *oiseaux terrestres* второе - с существительными-названиями лиц и существительными, обозначающими пространственные и географические понятия: *population terrienne, l'Orient terrien*.

5. Разные ВП → разные ВП /Г параллель/. Различаясь ранее по семантическому объему, *gravelé-graveleux* являются таковыми понине. Первое употребляется в терминологии и характеризуется фразеологической связанностью: *sandre gravelée* Г 3, III, с. 2300 Г, второе имеет развитую систему значений и широкую сочетаемость: *terre, fruit, urine, proros graveleux* Г 10, III, с. 346 Г.

Результаты сопоставительного анализа позволили выделить следующие факторы, способствующие разрушению однокоренных параллелей:

- 1/ нарушение связи значений образующей основы с ВП;
- 2/ непродуктивность словообразовательных элементов и моделей;

3/ развитая омонимия образующих основ и явление аналогии /фонетической, морфологической, семантической и словообразовательной/;

4/ омофония суффиксов;

5/ субстантивация ВП;

6/ стилистическая и эмоциональная нейтральность ВП;

7/ исчезают быстрее ВП, проявляющие зависимость от законов поэтического стиля;

8/ функционально-семантическая дифференциация и специализация суффиксов и моделей;

9/ наличие синонимичных синтетических и аналитических структур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. La chanson d'Aspremon. Chanson de geste du XII siècle. Texte du manuscrit de Wollation Hall, par L.Brandin. - Paris, 1923-1924, t. I-2. 360 p.
2. Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle. - Paris, 1937 - 1938, t. I-10.
3. Guilbert L. et d'autres. Grand Larousse de la langue française. En six volumes. Paris, depuis 1971. Vol. I-5.
4. Le Roman de la Rose, par Guillaume de Lorris et Jean de Meun, publié d'après les manuscrits par E.Langlois. - Paris, 1920-1924, t. I-5.
5. Hériat P. Les grilles d'or. - Paris, 1957. 250 p.
6. Architecture, 1976, N 395-399.
7. Гурьчева М.С. О закономерностях в словообразовании романских языков. - Вопросы языкознания, 1954, № I.
8. Lanoux A. Bonjour, Monsieur Zola. - Paris, 1962. 634 p.
9. Семенюк Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариантности. - Вопросы языкознания, 1965, № I.
10. Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. - Paris, 1951 - 1963.

FRAZEOLÓGISKIE OKAZIÓNÁLISMI
E.SALENIEKA ROMÁNĀ "TĀ VIŅI STRĀDĀJA"

Frazeológiskās vienības (FV) pēta valodas un runas līmenī. Frazeológijas laukā ir svarīgi atšķirt uzuālas parādības no okazionālām parādībām. Mūsdienu padomju valodniecībā ir ļoti plaši pētīts jautājums par okazionālām izmaiņām frazeológiskajās vienībās. Par to liecina liels skaits šai problēmai veltītu zinātnisko rakstu un disertāciju. Šī tēma ir aktuāla arī zinātniskajās konferencēs.

Kā zināms, literatūras tekstā FV tiek modificētas, lai radītu vēlamo stilistisko efektu. Okazionālas transformācijas frazeológiskajās vienībās ir neizsīkstošs avots mākslinieciskai tēlainībai, jo tieši tēlainība ir raksturīga FV īpašība. V.Vinogradovs konstatē, ka valodas jaunrades māksla slēpjas frazeológisko vienību izmaiņās un pārgrupējumos, jaunu kontekstu veidošanā ar tām [1, 46.lpp.]. Frazeológisko vienību komunikatīvās realizācijas procesā rakstnieks apzināti pastiprina to tēlainību un iedarbību. Frazeológiskā vienība, ja to lieto runā noteiktos stilistiskos nolūkos, bieži iegūst papildu ekspresivitāti un emocionalitāti, un notiek it kā frazeológiskās vienības atjaunošanās, kas ir svaiga un dažkārt negaidīta emocionāli mākslinieciska efekta avots. Kontekstuālas FV transformācijas rada jaunas semantiskas saites un stilistiskas nokrāsas, kas neapšaubāmi padara bagātāku literārās valodas leksiski frazeológisko sistēmu. Okazionālas FV ilustrē funkcionēšanu valodā [2, 6.lpp.], kā arī komponentu leksēmisko raksturu [3, 66.lpp.]. Dažādu okazionālu FV tipu pētīšana rakstnieku darbos palīdz atklāt tās parādības, kādas vērojamas frazeológijas attīstībā: piemēram, kādām FV grupām ir potenciālas iespējas modificēties un deformēties, kādos apstākļos okazionālas izmaiņas FV struktūrā

var kļūt par uzuālām u.tml. A.Kunins savos pētījumos ir pierādījis, ka, lai gan okazionālas izmaiņas frazeoloģiskajās vienībās ir novirzīšanās no valodas normas, tomēr tajās ir vērojama noteikta sistēma, tās ir runas procesa likumsakarīga un normatīva parādība un tiek radītas pēc noteiktiem principiem [4, 632.-634.lpp.]

Bagātīgi un savlaicīgi E.Salenieks izmanto frazeoloģiskās vienības savā romānā "Tā viņi strādāja" [5]. Šajā 406 lappušu romānā lietotas 430 dažādas FV un to frekvence ir 648. Sastopam gan daudzveidīgas uzuālās, gan okazionālās transformācijas frazeoloģiskajās vienībās. Pie FV izmantošanas īpatnībām pieder, piemēram, FV konverģence, kas ir bieža parādība romānā:

Tante Leonora ar savējiem dzīvo, kā saka, ro rokas mutē ... dažreiz ilgi lauza galvu, kā sasiet galus kopā [346.lpp.]

Dažreiz tekstā tiek dotas FV nozīmes:

Bet personīgo sāpju un likstu priekšā mēs nenokaram galvu ... Bet ko tas nozīmē - "nenokaram galvu"? Strādājām - ja brīv' tā sacīt - jo nīknēk [25.lpp.]

Bibliemī doti kontekstā, kas norāda uz legendu, no kuras bibliemīkie prototipi tapuši par frazeoloģiskām vienībām:

Es šaujos augšā, keru grāmatu ... un sastingstu kā lāta sieva Zodomas kalnos par sāls stabu [193.lpp.]

FV izmantotas neparastā kontekstā:

Oi, kādu biezputru bija ievārījis pirmais velosipēds [139.lpp.]

(Parasti šo FV lieto, ja teikuma priekšmets ir cilvēks, nevis lieta).

Autors izmanto arī krievu FV burtiskus tulkojumus:

man jālasa Apsīšu Jēkabs. Visu galvas smīnēdamas pavēršas uz manu pusi. Ausis uztver čukstu: "Baškovatijs tū-

lin apsēdīsies uz dibena pelkē"

[321.lpp.]

(Kr. сестъ в лѣсъ - galīgi (smalki) izgāzties).

FV varianti tiek doti, lai rādītu moderno un arhaisko komponentu līdzaspastāvēšanu mūsdienu latviešu literārajā valodā [6, 28.lpp.]:

Lūk, šis naivums piespiež mani
dzert no negaidīti rūgta kausa (tajās
dienās kausa vietā gan sacīja -
bikeris) [237.lpp.]

Vērojamas arī daudzas citas īpatnības FV lietošanā.

Šajā rakstā ir aplūkotas galvenās FV okazionālās izmaiņas E.Salienieka romānā.

Komponentu aizstāšana (substitūcija) FV sastāvā

Komponentu aizstāšana ar citiem vārdiem vai vārdkopām FV struktūrā var būt saistīta ar zināmiem stilistiskiem uzdevumiem, taču ne vienmēr. Ja frazeologiskajā vienībā notiek komponentu substitūcija ar vārdiem, kas ir tuvi pēc savas semantikas, tad tas neizsauc būtiskas izmaiņas tās ekspresivitātē. Piemēram, komponentu 'salikt' frazeologiskajā vienībā 'salikt galvas kopā' E.Salienieks aizstāj ar vārdu 'sabāzt'.

Tad sabāžam galvas kopā, un nu
jau trijatā spriežam, kas varētu
būt vainīgais [333.lpp.]

Frazeologiskajā vienībā, 'sapinies kā vista (arī gailis) pakulās' komponentu 'vista' vai 'gailis' vietā figurē 'pīlu tēviņš':

Toties es netieku ne no vietas,
kā pakulās sapinies pīlutēviņš,
[345.lpp.]

Komponents 'aiziet' frazeologiskajā vienībā 'aiziet uz viņpasauli' ir aizstāts ar vārdu 'skriet', lai pasvītrotu invalīda dzīvotgribu:

Zaborjes sādžā es redzēju vīru,
kam japāņu karā norauta kāja un
roka, bet viņš ij nedomā skriet

uz vippasauli. Viņš strādā un
smejas [338.lpp.].

Komponentu substitūcija frazeologiskajās vienībās var notikt ar vārdiem, kas nav tematiski saistīti. Piemēram, vārda 'deguns' vietā atrodam vārdu 'olnīca' frazeologiskajā vienībā 'deguna galā':

Tepat olnīcas galā jau ziem-
svētki [151.lpp.].

Frazeologismā 'kādam kā zvīnas nokrīt no acīm' komponenta 'zvīnas' vietā tiek lietota vārdkopa 'melns brilles':

Man kā melns brilles nokrīt
no acīm [113.lpp.].

Vārdkopa 'vasarsvētku piparkūka' tiek lietota komponenta 'asaka' vietā FV "izkaltis kā asaka":

Tu jau tā esi izkaltis kā
vasarsvētku piparkūka [39.lpp.].

Analizētais materiāls rāda, ka komponentu substitūcija nerada izmaiņas FV sintaktiskajā struktūrā. Jāatzīmē, ka ir iespējamas arī vēl citas modifikācijas, kas nav saņemamas šajā romānā.

No 177 okazionālajām FV transformācijām 70 ir gadījumi ar komponentu substitūciju. Šī okazionālu izmaiņu grupa ir vislielākā.

Vārdu vai vārdkopu iespraudumi FV struktūrā

FV leksiskajā sastāvā var būt iesprausti (iestarpināti) atsevišķi vārdi, vārdkopas un pat teikumi, kas stilistiskos nolūkos precizē, pastiprina, vājina frazeoloģiskās vienības nozīmi vai arī kontrastē ar to, taču neizmaina tās būtību [4, 636.lpp.]. Frazeoloģiskā vienība paliek kā valodas vienība, jo tās nozīme un struktūra netiek izmainītas. Izmaina komponentu sastāvā noris valodas normas pielautās robežās (34 gadījumi no okazionālismu kopējā skaita).

a) FV nozīmes precizēšana

Ēkur lielās, kā kaimiņu gailis /7.lpp./.

Pirmā grāmata ... Varbūt ir autori ar
tik biezu krokodila ādu, kam - kā Cep-
lis kādreiz zobojās - vsjo na svetje
trin-trava /41.lpp./.

Bet, āre, Kirils Gruzdos gulot kā
siēna maiss /262.lpp./.

b) FV nozīmes pastiprināšana

Labāk jau būtu piekāpušies, citādi jums
noies pavisam greizi /11.lpp./.

Ūja? Es tavā dzīvē esmu spēlētājs nenovērtējami lielu lomu /77.lpp./.

Vinu ij negantnieks Lūsīnš apiet ar
lielu likumu /341.lpp./.

Vārdu iespraudumi FV struktūrā, kas vājinātu FV no-
zīmi vai kontrastētu ar to analizētajā materiālā, netika
atrasti.

FV komponentu sastāva paplašināšana

FV sastāva paplašināšana notiek, pievienojot vārdko-
pas vai teikumus FV sākumā vai beigās. Šis okazionālu iz-
maiņu veids tiek lietots tēlainības pastiprināšanas nolū-
kos. E.Salienieks ir paplašinājis 33 FV leksisko sastāvu.

Nenokar degunu pāri vēderam /63.lpp./.

.. ka arī Saleniekus vecais rādaga-
bals apvedis ap stūri mazulus
/160.lpp./.

Saleniekam droši vari atdzēt grēkus,
izkratīt vai izgāzt vina priekšā savu
sirdi kā spaini ar netīru ūdeni
/334.lpp./.

Vai tad es izskatos pēc plānā galdina urbēja, kas var iestrēgt kādā izpriecas caurumā, .. [51.lpp.].

Pēc pozicionālā izvietojuma paplašinājums var atrasties FV sākumā un pastiprina to nozīmi:

Priekš rakstnieka šeit īsta želta bedre [29.lpp.].

Tas dzīvais nu īsts kaulu kambaris [98.lpp.].

Šovakar man tomēr īsta cūkas laime [358.lpp.].

Kontaminācija

Kontaminācija ir parādība, kad divas vai vairākas FV ar vienu vai vairākiem vienādiem komponentiem to struktūrā saplūst kopā, pie tam vismaz viens no šiem komponentiem tiek izlaists. FV kontaminācijas veidi ir analizēti A.Babkina [7, 39.lpp.], S.Roizenzona [8, 308.lpp.], A.Načisčionas [9, 106.lpp.] un citu lingvistu darbos. Frazeologisko vienību kontamināciju E.Salenieka romānā var ilustrēt ar sekojošu piemēru:

Grudinovā vieni mūs sapem kā mīlus ciemipus, bet otri, kam "grēcīgi un melnumi uz sirds un aiz ādas", - pagreizām acīm [17.lpp.].

Šajā piemērā divas FV 'kādam ir kaut kas uz sirds' un 'kādam ir kaut kas aiz ādas' apvienojas vienā, atmetot komponentu 'ir (būt)'. Kontaminācijas rezultātā rodas jauna nozīme, kas ietver sevī abu frazeologisko vienību nozīmes.

E.Salenieka romānā ir fiksēti 7 kontaminācijas gadījumi, un visas kontaminācijai pakļautās FV ir ar vienādām sintaktiskām struktūrām.

Inovācijas vārdu formās un vārdu darināšanā

Uzuālo FV sastāvā komponenti var zināmā mērā izmainīties morfoloģiski. Tas attiecas, galvenokārt, uz verbāliem komponentiem, mazāk - uz nomināliem.

Romānā ir vairāki gadījumi, kad rakstnieks lieto komponentus - substantīvus pamazināmās formās:

Aputa trīs kā apšu lapīpa /146.lpp./;

Hm, vecums laikam jauc galvipas ij
tādiem gudriem kā mūsu vecmāmuļa ...
/219.lpp./;

Par vidusskolām es nesapņoju ... ma-
nai mātei nav tās vistas, kas dēj
zelta olīpas /328.lpp./;

Sak, tu zināji, nojauti, bet ne pirk-
stipu nepakustināji, lai palīdzētu,
lai glābtu /341.lpp./.

Ir novērota arī pretēja parādība, proti: pamazināmie substantīvi ir transformēti parastās formās:

Ē, tie paši vēži lāpītās kulēs
/314.lpp./

(Komponents "citā" ir aizstāts ar vārdu 'lāpītās' frazeoloģiskajā vienībā 'tie paši vēži citā kultētē').

Adjektīvs 'kailla' frazeoloģiskajā vienībā 'kailla patiesība' ir lietots superlatīvā:

Tā nu viskailākā patiesība /204.lpp./.

Substantīvi vienskaitlī pāriet daudzskaitlī:

Pikis un zēveles, varbūt ieiet krodzi-
nā, kaut ar klingeri norīt siekalas?
/280.lpp./.

Adjektīvs un verbālās frazeoloģiskās vienības tiek substantivizētas:

Melnais un mazīnais saprot: šis tiešām
pildīs savus draudus /380.lpp./.

Citos priekšmetos viņai būs citi īkšķa
turētāji /301.lpp./.

Elipse

FV leksiskā sastāva redukcijas rezultātā viens no vārdiem-komponentiem koncentrē sevī frazeologiskās vienības nozīmi un uzstājas kā tās aizvietotājs [10, 170.lpp.]. Komponenta sarežģītās FV redukcijas procesā pārņem kā visas frazeologiskās vienības nominatīvo, tā arī sintaktisko slodzi. Vārda-komponenta nozīme tiek izšķīdināta veseluma nozīmē. Bet līdz ar to tā atspoguļo arī veseluma nozīmi, tādējādi vārds potenciāli saglabā spēju noārdīt savus sintagmatiskos ierobežojumus un parādīt "atspoguloto" nozīmi jaunos kontekstos [11, 266.lpp.]. Šādu komponentu semantiskā kompaktuma dēļ tiek sasniegts lakonisma efekts, tāpēc tādi gadījumi ir raksturīgi, galvenokārt, dialogiskai runai, kur nepieciešams pateikt daudz īsā laika sprīdī.

Ilustrēsim šo parādību ar dažiem piemēriem, kur atsevišķi FV vārdi-komponenti tiek lietoti noteiktā kontekstā un kurus uzskatā par okazionāli lietotiem vārdiem, bet ne par valodas leksiskajām vienībām. Tos saprot uz sākotnējās FV fona.

Ir vēls, ātrāk tik uz auss

[361.lpp.]¹

Nu es pēkšņi saslejos un speru:

- Mem, bet es tak neesmu traks!

Man skolā visur piecinieki!

[79.lpp.]²

Lingvistikā ir dažādi uzskati par komponentiem, kas izdalīti no FV sastāva. Daži lingvisti šo parādību uzskata par alūziju. Piemēram, A.Načisčione ar jēdzienu "alūzija" saprot frazeologiskā tēla lietošanu kā mājienu uz labi pazīstamu frazeologisko vienību [9, 107.lpp.]. Pēc A.Načisčiones uzskata frazeologiskā alūzija prasa zināmu kontekstu, lai to atklātu. Parasti tikai "virsfrāzes" konteksts atklāj tās semantisko un stilistisko informāciju.

¹ Pilna FV ir 'likties uz auss'.

² Pilna FV ir 'spert pretī'.

FV tēlainie komponenti spēj kontekstā implicēt citu komponentu nozīmi, un tas pierāda, ka saites starp atsevišķiem komponentiem un visas frazeologiskās vienības pārsemantizēto nozīmi ir noturīgas, stabilas [9, 108.-109.lpp.].

Ilustrēsim minēto ar dažiem piemēriem:

Mīlie, labie, vai tad es nebrēcu:
neceliet āzi par dārznieku! Jūs tikai pasmaidījāt .. Tad nu, lūdzu, nesliciniet to āzi Salenieku [32.-33.lpp.].

Šajā piemērā "virsfrāzes" kontekstā frazeologiskā vienība 'celt āzi par dārznieku' atklāj tās komponenta "āzi" nozīmi.

Piemērā rakstnieks patur atminā savu pirmo "kucēnu" vai "gara bērnu" -

Kā jums patīk. O jā, tie "kucēni" ilgi top slīcināti, kamēr beidzot kāds paliek dzīvs, tas ir, top iespīests [183.lpp.].

Pēdējās ieliktais un no frazeologiskās vienības "pirmie kucēni jāslīcina" izdalītais komponents "(kucēns) kucēni" implicē visa frazeologisma nozīmi ne tikai caur makrokontekstu, bet arī caur transformētiem komponentiem "pirmo" un 'top slīcināti', kā arī dalēji caur vārdkopu "gara bērnu".

Kā redzams, dotajos piemēros no FV sastāva izdalītie komponenti neapzīmē jaunas parādības. Tie saglabā sākotnējo frazeologiskās vienības nozīmi, tikai izsaka to kompaktā formā [12, 46.-49.lpp.].

FV burtiskās nozīmes atdzīvināšana (burtisko jums)

Šajā papēmienā notiek divkārša FV aktualizācija - vienlaikus tiek uztverta kā pašas FV pārnestā nozīme, tā arī brīvās vārdkopas komponentu (visu vai atsevišķu) tiešā nozīme. Brīvajai vārdkopai noteikti jāsakrīt ar FV leksisko sastāvu [13, 27.-29.lpp.]. Ilustrēsim šo papēmieni ar sekojošiem piemēriem no analizētā materiāla:

Pelēkais berž plaukstas, imitē roku mazgāšanu pēc legendārā Poncijas Pilāta parauga. - Draudzin āzīt, es esmu bez vainas, manis dēļ tev asti nenoraus [33.lpp./].

Vārdkopa 'roku mazgāšana' lietota tiešā nozīmē, un tā ir brīva vārdkopa. Par faktu, ka 'roku mazgāšana' saistās ar internacionālu, labi pazīstamo FV "mazgāt rokas nevainībā", liecina FV izcelsme - bībeles personāžs "Poncijas Pilāts" un nākošajā teikumā vārdkopa "bez vainas".

Bet man pirms gadiem nejauši pagādījās izlasīt Jaunsudrabina domas: latviešu rakstnieks vienmēr esot cieši sajozis bikses, lai tās nenokristu no vēdera [39.lpp./].

Minētajā teikumā, atdzīvinot burtisko nozīmi, autors pasvītro latviešu rakstnieku nožēlojamo nabadzību. Tādējādi realizēta divkārša FV 'sajozt vēderu' (komponents 'vēders' ir aizstāts ar vārdu 'bikses') aktualizācija. Uz to norāda arī palīgteikums "lai tās (bikses) nenokristu no vēdera".

Bez minētām galvenām okazionālām FV transformācijām romānā sastopam to dažādas kombinācijas, kā, piemēram: vārdu iespraušanu FV struktūrā un FV komponentu sastāva paplašināšanu:

Ja pārūks būs Jānītis, tante smaidīs kā pavasara saulīte pēc lietus [91.lpp./].

Ir arī komponentu aizstāšana, vārdu iespraušana un FV komponentu sastāva paplašināšana:

Sākumā es tā kā pretojos, neesmu tak izsplāvis visu žulti,¹ kas tik ilgi virmojusī manā dvēselē [97.lpp./]

un daudzas citas kombinācijas.

¹ Sākotnēja FV ir 'izgāzt žulti'.

Okazionālo FV analīze E.Salienieka rōmānā "Tā viņi strādāja" ļauj aprakstīt tos FV veidus, kas ir raksturīgi autoram. Visbiežāk viņš ir lietojis komponentu substitūciju FV sastāvā (39,55% no kopējā okazionālo FV skaita), tad seko vārdu vai vārdkopu iespraudumi (19,21% no kopējā skaita). Trešo vietu skaita ziņā ieņem FV komponentu sastāva paplašināšana - 18,64% no visām okazionālām FV transformācijām.

Jāsecina, ka E.Salienieks savā rōmānā ir plaši izmantojis okazionālās FV, lai paplašinātu FV emocionāli ekspresīvās iespējas mākslinieciskajā runā, un ka FV okazionālā transformācija ir saistīta ar autora radošiem uzdevumiem katrā konkrētā situācijā.

LĪTERATŪRAS SARAKSTS

- I. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии. - В кн.: Труды юбилейной сессии. Л., 1946.
2. Бабкин А.М. Фразеологизмы русского языка и задачи академического словаря русской фразеологии. - Л., 1961.
3. Попов Р.Н. Изменения в компонентном составе фразеологических единиц. - В кн.: Инновации на разных языковых уровнях. Рига, 1975.
4. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря. Дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук. - М., 1964.
5. Salenieks E. Tā vīni strādāja. - Rīga, 1967.
6. Orlovska L. Latviešu valodas frazeologismu varianti. - Grām.: Latviešu valodas kultūras jautājumi. Rīga, 1973.
7. Бабкин А.М. Русская фразеология, её развитие и источники. - Л., 1970.
8. Ройзензон С.И. Глагольные компаративные фразеологические единицы в современном английском языке: Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. - М., 1972.
9. Начисчионе А.С. Окказиональное стилистическое использование фразеологических единиц в речи (на материале произведения Дж.Чосера): Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. - М., 1976.
10. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. - М., 1957.
11. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. - М., 1973.
12. Орловская Л.Я. Окказиональная фразеологическая деривация. - В кн.: Инновации на разных языковых уровнях. Рига, 1978.
13. Начисчионе А.С. Некоторые окказиональные изменения фразеологических единиц в произведениях Дж.Чосера. - В кн.: Вопросы английской филологии. Рига, 1973.

В.П.Рапа
Рига

ТЕНДЕНЦИЯ ГЕРУНДИАЛЬНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО К ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ

При изучении семантических особенностей герундиального существительного [1, с.56-69; 2, с.46-50] нам удалось выявить определенные направления, по которым идет развитие семантической структуры этих существительных, а именно:

- 1) специализация действия,
- 2) опредмечивание действия,
- 3) терминологизация значений.

В данной статье рассматриваются некоторые особенности терминологизации герундиальных существительных, а именно:

- 1) типы терминов, созданных на базе герундиальных существительных;
- 2) развитие терминологических лексико-семантических вариантов в семантической структуре герундиального существительного (данные синхронного и диахронного анализа).

Терминологизация является одним из ярких процессов в развитии семантической структуры герундиальных существительных в современном английском языке. При этом необходимо отметить, что терминологизация теснейшим образом переплетается с специализацией действия и опредмечиванием действия: специализация действия и опредмечивание

действия могут носить терминологический характер. Рассмотрим некоторые примеры.

... there are wildflowers indigenous to the Sydney region which have attained their perfection by natural selection, without the cultivation and culling that produced the rose from the briar. [3, с.4]

I want you to go into that Hearing with all the evidence, ... all the witnesses you can get ... but no lawyer can do a job for you if your Hearing's today. [4, с.104]

В терминологических значениях^I culling - "с.-х. выбраковка, отбор" и hearing - "юр. слушание дела, допрос (в суде - особ. судьей без присяжных)" проявляется специализация действия.

В таких случаях, как

Maclehose in 1838 remarked that George Street ... "has lately had" etc. surface covered with a substantial coating of excellent granite..." [5, с.120]

... all she could see was ceiling above, ... ornamented in the centre where a light fitting glowed. Dust had accumulated on the fitting... [6, с.41]

Герундиальные существительные coating - "спец. обмазка" и fitting - "тех. осветительные приборы" являются результатом опредмечивания действия.

Важнейшая функция термина - выражение специального понятия.

Из общего комплекса вопросов, связанных с проблемой термина, для данной работы существенно остановиться на двух моментах. Первый из них связан с тем, что не все части речи в одинаковой мере терминологичны. На наш взгляд, наиболее терминологичная часть речи - существительное.

^I Перевод здесь и в дальнейшем дан по [5].

О.С.Ахманова подчеркивает, что во всех европейских языках легко образуются отглагольные существительные и нет необходимости употреблять глаголы в функции терминов [7, с.1367].

По всей вероятности, целесообразно согласиться с В.М.Овчаренко, который определяет термин как автосемантическое [8, с.13-14] имя существительное или его эквивалент (субстантивное словосочетание или сокращение), употребляющееся в научно-технической речи и выражающее специальное понятие [9, с.5-6].

Второй момент заключается в следующем: в научно-технической литературе редко встречаются термины в собственном смысле слова. В подавляющем большинстве случаев мы имеем дело не с абсолютными терминами, а с терминологическими лексико-семантическими вариантами. Е.И.Чупилина права, когда она говорит о том, что лексико-семантические варианты общеупотребительных слов с терминологическими значениями следует рассматривать как термины наряду с абсолютными терминами на основе одного общего признака - принадлежности к данной научной терминологии [10, с.3-4].

Учитывая все это, представляется возможным разграничивать следующие три типа терминов:

1) моносемантические термины, например:

arcing - н. эл. перекрытие, дуговой разряд;

outcropping - н. - геол. обнажение, выход, голова пласта.

Необходимо отметить, что герундиальные существительные очень редко функционируют как моносемантические термины.

2) полисемантические термины, например:

blanking - н. I. эл. запираение (электронно-лучевой трубки);

2. физ. гашение;

3. тех. вырубка или штамповка из листа.

abrading - н. спец. I. истирание;

2. пескоструйная очистка

3. эрозия почвы.

3) терминологические лексико-семантические варианты полисемантических общеупотребительных слов, например:

tiling - n. 1. покрытие черепицей или плитками;

2. 1) собир. черепица;

2) архит. черепичная кровля; настил из плиток.

wheeling - n. 1. езда на велосипеде;

2. поворот, оборот;

3. состояние дороги, шоссе;

4. горн. откатка тачками.

Если проанализировать в синхронном плане семантические структуры герундиальных существительных, таких как *bleeding, bridging, coping, dressing, fulling, holding, icing, loosening, moulding, mounting, northing, rating, rigging, tiling, tuning* и др., бросается в глаза следующее обстоятельство: в семантической структуре герундиального существительного мы часто встречаем терминологические лексико-семантические варианты, как например:

... his engineering vice-president ... ordered a mechanical modification affecting carburetor icing in flight... [11, с.40]

В этом случае *icing* употребляется как авиационный термин - "обледенение".

... the headlight would have to be replaced and its mounting repaired temporarily. [6, с.244]

Здесь *mounting* фигурирует как технический термин - "подставка, цоколь".

В таком предложении, как

The pale seas had heightened further. But joining them had eased Linda Lee's motion, and quieted the wind in her rigging. [12, с.328]

rigging употребляется как термин в морском деле - "такелаж".

Терминологические лексико-семантические варианты

герундиального существительного могут относиться к одной области науки, производства, или культуры, например:

- soping** - н. - стр. 1) перекрывающая плита;
2) парашютная плита;
3) гребень плотины.

- northing** - н. - мор. 1. продвижение на норд, дрейф на норд;
2. нордовая разность широт.

Образование терминологических лексико-семантических вариантов внутри семантической структуры герундиального существительного может идти "многоканально", т.е. одно и то же существительное может употребляться в различных областях науки и техники.

- dressing** - н. - 1. архит. орнаменты (на потолке и т.п.);
2. воен. равнение;
3. тех. заправка (режущих инструментов);
4. правка, рихтовка;
5. текст. шлихтование, аппретирование;
6. горн. обогащение (руды);
7. метал. 1) доводка (плавки);
2) зачистка (отливки);
3) приготовление (формовочной земли).

- holding** - н. - 1. юр. имущество, особ. арендованное (недвижимое имущество);
2. фин. 1) вклад;
2) вклады, авуары;
3. воен. удерживание, занятие (позиции);
4. тех. 1) крепление, фиксация.
2) выдержка (при термообработке и т.п.).

Итак, семантическая структура герундиального существительного нередко включает лексико-семантические варианты, относящиеся к самым разным областям науки и техники. Это связано с тем обстоятельством, что потенциально диа-

пазон специализации значения у герундиального существительного необычно широк.

Анализируя тенденцию герундиальных существительных к терминологизации, помимо синхронного анализа весьма показателен диахронный подход.

При анализе семантической структуры герундиальных существительных в диахронном плане мы пользовались данными словарей, покрывающих период с 1933 по 1977 годы [6, 13-24].

В качестве примера возьмем герундиальное существительное boxing.

В ОЕД [13], изданном в 1933 г., были зарегистрированы следующие лексико-семантические варианты существительного boxing - vbl.sb.

1. The putting into, or providing with, a box.
 - b. Law. The lodgement of pleadings and other documents in court.
2. The applying of 'boxes' or cupping-glasses in surgical treatment; cupping.
3. Naut. Box-hauling.
4. A structure or work of boxes.
5. Ship-building. A square piece of dry hard wood used in connecting the frame timbers of a ship; also a scarf joint.
6. The two cases, one on earth side of a window, into which shutters are folded.

В словаре WNID [14], который был издан в 1959 г., семантическая структура boxing представлена следующим образом:

boxing - n. -

1. Act of enclosing something in a box.
2. A box-like enclosure or recess.
3. Material used in making boxes, casings.
4. Arch. The external case of the material used to bring any material to a required form.
5. Civ.Eng. A mold for concrete.
6. pl. Milling Course flower separated in bolting.
7. Naut. The scarf joint uniting stem and peel.

8. Shoemaking. A leather or canvas stiffening used in shoes to give permanent shape.

Как видно из сопоставления семантической структуры герундиального существительного boxing в OED и WNID, в последнем зарегистрированы 5 лексико-семантических вариантов (3., 4., 5., 6., 8), не зарегистрированных в OED, четыре из них - терминологические (4., 5., 6., 8).

В SOED [17], изданном в 1972 г., зафиксированы следующие дополнительные лексико-семантические варианты герундиального существительного boxing:

boxing - vbl.sb.

I. Various technical senses.

Mech. the fitting of the shoulder of a tenon in the surface of the timber, which is mortised for the reception of the tenon.

Coal and Metal Mining, a method of securing shafts solely by slabs and wooden pegs.

Shoemaking. a term used to designate the stiffening material placed in the toe of a shoe to support it and retain the shape; such as leather, composition of leather and paper, wire net, etc.

4.b. A wooden casing, conduit, etc. constructed after the manner of a box; the lining of a well.

7. Austr. & N.Z. boxing - when your sheep go and join another mob feeding close by, and you can't tell one from another except by the brand of the ear-mark.

Все новые лексико-семантические варианты, зарегистрированные в SOED, имеют определенную терминологическую ориентацию. Необходимо отметить, что терминологический характер лексико-семантических вариантов не всегда четко лексикографически отражается в толковых словарях. В связи с этим при анализе терминологических значений герундиальных существительных мы считаем целесообразным

привести данные специализированных терминологических словарей.

Так АРСЖ [21], опубликованный в 1972 году, регистрирует *boxings* (случай двойной лексикализации) [2, с.51] как сельскохозяйственный термин:

boxings - грубые высевки (после отсева отрубей от муки).

В АМС [22], изданном в 1973 году, зарегистрированы следующие лексико-семантические варианты *boxing*:

1. тара; ящик; кожух;
2. дер. соединение в косой замок (напр. форштевня с килем); брус; соединяющие ветви шпангоута.

Итак, мы видим, что филиация значений у герундиального существительного *boxing* идет, в значительной мере, за счет развития терминологических лексико-семантических вариантов. Аналогичное явление наблюдается у таких герундиальных существительных как *bearing, drawing, dressing, finding, heading, holding, landing, rating, reading, setting, winding*.

Филиация значений за счет терминологических лексико-семантических вариантов у герундиальных существительных проходит весьма интенсивно, что подтверждается изучением данных словаря SOED [17], который издавался с 1972 года по 1976 год.

Целый ряд лексико-семантических вариантов герундиальных существительных, зарегистрированных в SOED [17], носят терминологический характер. Так, например, в 1947 году у герундиального существительного *breeding* зарегистрирован терминологический лексико-семантический вариант, относящийся к области ядерной физики:

breeding - vbl.sb. I c. Nuclear Engin. The production of fissile material. 1947.

В 1957 году у герундиального существительного *indexing* зафиксирован терминологический лексико-семантический вариант, относящийся к вычислительной области:

indexing - vbl.sb. Computers. The automatic increasing or decreasing of the address portion

of instruction, following each execution by means of an index register so that a succession of operands is operated on. 1957.

Моносемантический термин *haloing* развился от глагола *halo* в 1967 году и относится к области полиграфии:

haloing - vbl.sb. Paper/Ink Terms for Letterpress Printing, the appearance of vehicle from the ink round half-tone dots or characters.

В В В О Д Ы

I. Герундиальные существительные могут функционировать как

а) моносемантические термины, например: *arcing* - Эл. перекрытие, дуговой разряд;

б) полисемантические термины, например: *blanking* - I. эл. запираание (электронно-лучевой трубки); 2. физ. гашение; 3. тех. вырубка или штамповка из листа.

в) терминологические лексико-семантические варианты общеупотребительного слова, например:

loosening - I. ослабление; 2. с.-х. рыхление (почвы); 3. мед. послабление.

Герундиальные существительные, функционирующие как моносемантические и полисемантические существительные, встречаются сравнительно редко. В большинстве случаев мы имеем дело с терминологическими лексико-семантическими вариантами, которые функционируют как термины наряду с абсолютными терминами на основе одного общего признака - принадлежности к терминам данной науки.

2. а) Терминологические лексико-семантические варианты у одного и того же герундиального существительного могут относиться к одной области науки и техники.

б) Герундиальные существительные, функционирующие как термины, могут охватывать самые разные сферы науки, техники, производства и культуры.

3. Данные синхронного и диахронного анализа семантичес-

кой структуры ряда герундиальных существительных позволяют сделать вывод о том, что в современном английском языке обогащение семантической структуры герундиальных существительных происходит в значительной мере за счет развития терминологических лексико-семантических вариантов.

4. Процесс терминологизации подчеркивает сугубо субстантивный характер герундиального существительного, так как существительное наиболее четко может выразить понятие и, следовательно, функционировать как термин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Naumova I.A. The Linguistic Status of the Noun in -ing in Modern English. - Учен. зап. ЛГУ им.П.Стучки, 1973, т.197. Вопросы английской филологии.
2. Рапа В.П. Явление двойной лексикализации в современном английском языке. - В кн.: Семантика на разных языковых уровнях: Межвуз. сб. научн. тр. ЛГУ им.П.Стучки, 1979
3. Clune F. Saga of Sydney. Sydney, 1962.
4. Maltz A. A Long Day in a Short Life. - N.Y., 1957.
5. Большой англо-русский словарь под общим руководством доктора филологических наук проф. И.Р. Гальперина. - М., 1972.
6. Hailley A. Hotel. Pan Books. London, 1971.
7. Akhmanova O. Linguistic Terminology. - М.; Moscow University Press. 1977.
8. Sorensen H.S. Word-Classes in Modern English. - Copenhagen, 1959.
9. Овчаренко В.М. Формально-семантическая структура научно-технических терминов. Автореф. дис. на соиск. учен. степни канд. филол. наук. - М., 1956.
10. Чупилина Е.И. Структурно-семантические особенности общеупотребительных слов в медицинской терминологии современного англ-

лийского языка. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. - Л., 1967.

11. Hailey A. Airport. - N.Y., 1970.
12. Searls H. Overboard. - N.Y., 1977.
13. The Oxford English Dictionary. - Oxford, 1933.
14. Webster's New International Dictionary. Second Edition. - Springfield, 1959.
15. Uvarov E.B., Chapman D.R. A Dictionary of Science. Penguin Books. - Baltimore, Maryland, 1962.
16. Henry H. Saylor. Dictionary of Architecture. Science Editions. - N.Y.-London-Sydney; John Wiley and Sons. Inc., 1965.
17. Supplement to Oxford English Dictionary Edited by R.W.Burchfield. - Oxford. Volume I, 1972. Volume II, 1976.
18. Англо-русский словарь спортивных терминов. - М.; Л., 1949.
19. Англо-русский и русско-английский архитектурно-строительный словарь. - Киев, 1961.
20. Англо-русский метеорологический словарь / Сост. И.П.Гейбер. - Л., 1969.
21. Англо-русский словарь по животноводству. - М., 1972.
22. Англо-русский морской словарь. - М., 1973.
23. Англо-русский авиационно-космический словарь Под общей редакцией А.М.Мурашкевича. - М., 1974.
24. Англо-русский экономический словарь / Под ред. проф., доктора экон. наук А.В.Аникина. - М., 1977.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ
ИННОВАЦИЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКАХ

В предлагаемой статье рассматриваются 1) проблемы пополнения групп английских существительных типа check-up, sit-in, work-in, 2) определение пространства и времени нового слова и 3) отражение лексических инноваций в лексикографических пособиях.

1.0. Развитие языка, его обогащение связано прежде всего с появлением новых слов, значений и устойчивых словосочетаний [1], поэтому изучение этих лексических единиц имеет большое значение в лингвистическом, общественно-историческом и культурно-познавательном аспектах особенно в наши дни, когда все языки, в том числе и английский, переживают так наз. "неологический бум" особенно в области терминологии и сленга.

В результате бурного развития новых слов и значений и всестороннего изучения этих процессов в разных языках возникла даже новая отрасль языкознания — неология, область изучения которой является описание нового в словарном составе языка. В сферу неологии входит выявление путей опознания новых слов и значений, анализ факторов их появления, изучение моделей их создания, их лексикографическая обработка [2].

Все живые языки пребывают в движении — они развиваются, совершенствуются, они имеют свое прошлое и настоящее, в которых зарождаются элементы будущего. Поэтому исследование всех этих проблем имеет большое значение также для прогнозирования будущего развития словарного состава и для лексикографии.

Особенно чутко и многообразно реагирует словарный состав на каждое, даже незначительное изменение в любой сфере человеческой деятельности, и поэтому каждое время рождает свою лексику, свою терминологию, без которой немислима деятельность человечества, невозможна наука, ника, политическая жизнь и т.п.

1.1. О том, что в наши дни научно-техническая революция и многообразные процессы и течения в общественной жизни дают мощный толчок развитию и обогащению словарного состава разных языков, написано немало статей [3], монографий [4] и диссертаций [5]. Это известно каждому, следящему за развитием словарного состава любого языка.

1.2. Так и английский язык за последние десятилетия породил большое количество новообразований самого разнообразного характера, в том числе и много существительных типа check-up, sit-in, work-in. Для образований этого типа характерна их серийность (например, buy-in, staged buying of something not needed as a kind of protest, love-in, gathering of hippies, speak-in, discussion, conference, и др.),

которая выражается в создании структурно однотипных слов особенно с повторяющимся вторым компонентом (напр., -down, -in, -up и т.д.). Эти новообразования активно пополняют уже имеющиеся группы слов, таким образом превращая их в открытые для дальнейших однотипных образований данной серии.

1.3. По принципу серийности образования (часто по аналогии) создаются и неподдающиеся количественному учету окказиональные образования (напр., beg-in, demonstrative begging, collecting of money, claim-in, demonstration claiming the rights of ..., film-in, demonstrative shooting of a film, streak-in, streaking (through the streets, etc.) naked in protest against ... и др.). Такое серийное образование как узуальных, так и окказиональных слов имеет большое практическое значение, поскольку создаются целые группы слов, которые во многих случаях имеют логически мотивированные значения, т.е., которые являются "самообъяснимыми" словами.

Интересно отметить, что эта (теперь уже довольно многочисленная) группа существительных типа check-up, sit-in, work-in особенно обогатившаяся в 1960-1970 гг., продолжает увеличиваться и в настоящее время, хотя и не

так быстро, как в указанные годы.

Численное накопление однородных факторов, в данном случае существование и дальнейшее пополнение групп действительных выше указанного типа, может быть определена как одна из тенденций развития словарного состава современного английского языка [6].

2.0. Для так наз. "объемного" описания языка [7], его развития и функционирования часто используются общепhilosophические понятия пространство и время [8].

2.1. Современный английский язык принадлежит к числу наиболее развитых языков нашего времени, и он представляет собой очень сложную систему, объединяющую как разные его варианты, так и различные формы его существования - литературный язык, обиходно-разговорный язык и другие функционально-стилистические разновидности, а также сленг, диалекты и др. Носители английского языка являются разными по величине и внутренней структуре социальными, профессиональными, возрастными и др. группами, и поэтому при исследовании современного английского языка, особенно его словарного состава, очень важно учесть как географическое, так и социальное пространство. Так, часто появляются новые лексические единицы, преимущественно функционирующие в том или ином государственно-национальном варианте английского языка (см., напр., американизмы bury-in, burying of Negroes in segregated cemeteries, flip-out, becoming out of touch with reality, ride-in, riding in segregated buses, австрализмы bail-up, hold-up, armed robbery, fizz-out, unreliable person, love-up, love-making, и др.). С другой стороны, многие новые слова зарождаются в недрах небольших коллективов носителей языка - в социальных, профессиональных, да и подпольных и др. группах. Так появляются новые слова (особенно много сленговых слов и жаргонизмов), которые, особенно в начале своего существования, и известны за пределами соответствующих групп носителей языка (см., напр., слова сленга наркоманов dry-out, withdrawal from drug use, freak-out, bad experience, bad trip, и др.).

Но в отдельных случаях слова этого типа могут стать общезвестными, особенно благодаря современным средствам массовой информации — прессе, радио, телевидению, кино, рекламе и др., если и другие группы носителей языка ощущают в них социальную необходимость. Так, например, слова cop-out, withdrawal from involvement, и teach-in, extended critical discussion of a public issue, стали уже известными для всех носителей языка.

2.2. При изучении лексики, особенно неологизмов, часто возникает проблема времени, т.е. необходимо определить время появления нового слова или значения слова. И, если только имеется такая возможность, лингвисты, естественно, обращаются к историческому (календарному) времени, измеряемому или астрономически (год, месяц), или фактами истории общества носителей языка (эпоха, исторические, социально-политические, культурные и др. события и т.д.). Так, зафиксировано, что слово be-in, large, usually peaceable gathering of young people, esp. hippies, появилось в 1967 г., слово fray-up, easily prepared and cooked food - в 1967 г., слово work-in, staying and going on working in a factory, etc. after its closure - в 1971г. [9] и т.д.

Но иногда точное время (абсолютную датировку) появления нового слова или значения невозможно установить. Тогда применяется так наз. относительная датировка, при которой данное слово и событие, вызвавшее его появление, соотносятся с другими событиями, которые можно датировать абсолютно. Так, например, о многочисленных словах типа chain-in, protest demonstration in which participants chain or tie themselves, fish-in, demonstration against fishing and conservation laws that ignore American Indian rights, swim-in, swimming at segregated swimming-pools, и др., можно сказать, что они возникли в основном после 1960 г., когда по аналогии с sit-in, demonstration of protest in which participants refuse to move until their demands are met, начало появляться много новообразований

с -in как вторым компонентом [IO] .

3.0. Работа по собиранию, систематизации и лексикографическому описанию новых слов, значений и устойчивых словосочетаний ведется во многих странах мира [11] . В странах английского языка эту работу осуществляют, в первую очередь, такие крупные лексикографические центры, как Издательство Мэрриам-Вебстер (Merriam-Webster, Springfield, Mass., USA) и Издательство Оксфордского университета (Oxford University Press, Oxford) .

3.1. Лексикография занимает особое место среди всех филологических дисциплин. Это обусловлено той важной общественной ролью, той практической значимостью, которую лексикография играет в культурной жизни любого общества. Лексикографы отвечают на возросшие требования общества и, используя новейшие достижения современной теоретической лексикографии, создают словари разных типов - толковые, переводные, терминологические и др., в том числе и словари неологизмов, цель которых - регистрация и толкование новых слов, значений и устойчивых словосочетаний.

3.2. Новые лексические единицы фиксируются сначала, как правило, в научных статьях, диссертациях и т.д., и только потом включаются или в специальные словари неологизмов, или в другие типы словарей.

Введение нового слова, значения или устойчивого словосочетания в общий толковый словарь говорит о важности этой лексической единицы и может осуществляться тремя способами: 1) выпуском дополнительного тома - приложения к большому словарю (см., напр., Supplement to the OED. Vols. I-II. London, 1972, 1976, 6,000 Words: A Supplement to Webster's Third New International Dictionary, 1976); дополнительные тома, содержащие новые слова, значения и словосочетания иногда выпускаются и к большим переводным словарям (см., напр., Дополнение к Большому англо-русскому словарю. М., 1980) ; 2) включением в словарь новых слов, значений и словосочетаний при его переиздании ; 3) включением новообразований в специальные приложения (addenda) при перепечатке словаря.

3.3. Но поскольку обычные толковые словари, какими всеобъемлющими они не были, не успевают за появлением в языке новых слов, значений и устойчивых словосочетаний, необходимы и специальные словари неологизмов, сравнительно небольшие по объему, которые быстро и оперативно регистрируют эти новообразования.

Среди лексикографических работ по неологии современного английского языка (напр., Berg P.C. A Dictionary of New Words in English. London, 1953; Reifer M. Dictionary of New Words. New York, 1955; Taylor M.M. The Language of World War II. New York, 1948; Zandvoort R.W. and ass. War-time English. Groningen, 1957; Kay V., Strevens P. Beyond the Dictionary in English. London, 1974; Fei M. Double-Speak in America, New York, 1973; Hudson K. Dictionary of Diseased English. London, 1977 и др.) одним из лучших является словарь К. Барнхарта (Barnhart C., Steinmetz S., Barnhart R.K. A Dictionary of New English; 1963-1972), который был издан в 1973 г. Термин New English здесь использован вместо New Words, meanings and stable word collocations, этим подчеркивая, что словарь охватывает самые разнообразные явления в английском языке 1963-1972 гг. В словаре около 5000 словарных статей - лексических единиц, которые по мнению составителей словаря стали достоянием общенародного английского языка. Этот словарь является важным лексикографическим пособием и дает нам очень ценную информацию о новых словах, значениях и устойчивых словосочетаниях английского языка, появившихся в 1963-1972 гг. [12].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Предпринятые в лингвистике попытки определить понятия новое слово, неологизм, новообразование дали, к сожалению, весьма несовпадающие результаты. Об этом см.: Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов. - В кн.: Новые слова и словари новых слов. М., 1978, с.5-26.

2. Гак В.Г. О современной французской неологии. - В кн.: Новые слова и словари новых слов..., с.37, и др.
3. Так, например, статьи об обогащении словарного состава современного английского языка регулярно печатаются в журналах American Speech, Lebende Sprachen, Orbis и др.
4. Barber Ch. Linguistic Change in Present-Day English. Edinburgh, 1966; Foster B. The Changing English Language. London, 1968; Potter S. Changing English, 2nd revised ed. London, 1975; Brook G.L. Varieties of English. - London, 1977 и др.
5. Олексенко Н.Г. Неологизмы в современном английском языке периода 1939 - 1945 гг. - М., 1964 ; Миклашевская Г.А. Неологизмы в современном английском языке периода с 1946 по 1957 г. - М., 1971 ; Иванов А.Н. Пополнение словарного состава современного английского языка. - М., 1971 и многие другие диссертации, защищенные в 1961 - 1980 гг.
6. Результаты этих исследований опубликованы в следующих изданиях: Raškeviča J. Verb-Adverb Nouns in Modern English. - В кн.: Вопросы германской филологии. Рига, 1969, с. 3-50 ; Raškeviča J. Longevity or the Occasional Character of Verb-Adverb Nouns in Modern Eng. - В кн.: Вопросы германской филологии: Проблемы лексикологии. Рига, 1970, с. 51-71; Raškeviča J. Substantives of the sit-in type in Modern English. - В кн.: Вопросы английской филологии. Рига, 1973, с. 77-87 ; Рашкевич Я.К. Роль аналогии при образовании существительных типа work-in в современном английском языке. - В кн.: Типологии на разных языковых уровнях. Рига, 1978, с. 77-83. Автором этих статей опубликован также специальный словарь: Dictionary of Verb-Adverb Nouns. - Рига, 1971.
7. Matore G. La méthode en lexicologie. Paris, 1953; Мартине А. Структурные вариации в языке. - В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 4. М., 1965; Гулыга Е.В., Ро-

зен Е.В. Новое и старое в лексике и грамматике немецкого языка. - М., 1977 ; Котелова Н.З., цит. работа (см. ссылку I), и др.

8. Некоторые лингвисты (напр., Маторе Г., Гулыга Е.В. и Розен Е.В. и др. - см. ссылку 7) при исследовании развития словарных единиц выделяют и так наз. лингвистическое (или внутреннее) время, в котором прослеживается дальнейшее развитие возникшего слова в процессе его функционирования.
9. Год появления данных слов дается по: Supplement to the OED. Vols. I-II. Oxford, 1972, 1976; Barnhart C., Steinmetz S., Barnhart R.K. A Dictionary of New English: 1963 - 1972. London, 1973; Wentworth H. and Flexner S.B. Dictionary of American Slang. 2nd Suppl. Ed. New York, 1975; Partridge E. Dictionary of Slang and Unconventional English. London, 1974.
10. Wentworth H. and Flexner S.B. Op.cit., p.761.
11. Левашов Е.А. Словари новых слов. - В кн.: Новые слова и словари новых слов..., с.27-36; Кузнецов В.Г. Новые словари французского языка. - Иностранные языки в школе, 1981, №1, с.70-75 ; Barnhart C.L. American lexicography, 1945-1973. - American Speech, 1978, vol.53, No.2, pp.83-140.
12. Подробнее о словаре К.Барнхарта см.: Карпович Л.Е., Малаховский Л.В. О принципах построения "Словаря английских неологизмов" К.Л.Барнхарта. - В кн.: Новые слова и словари новых слов..., с.64-71 ; Гинзбург Р.С., Позднякова Н.Г. Словарь новых слов Барнхарта и некоторые наблюдения над пополнением словарного состава современного английского языка. - Иностранные языки в школе, 1975, №3, с.15-22 ; Barnhart C.L. Of matters lexicographic: Keeping a record of New English: 1963-1972. - American Speech, 1970, vol.45, No.1-2, pp.98-107.

PAR DAŽIEM JAUNINĀJUMIEM UN PAR SUFIKSU -AIN-

ADJEKTĪVU DARINĀŠANAS SISTĒMĀ

O. Adjektīvu kā vārdšķiras īpatsvars mūsdienu latviešu literārās valodas vārdu krājumā ir diezgan liels, kaut arī šai vārdšķirai raksturīgo sintaktisko, t.i., apzīmētāja funkciju daudz biežāk nekā radu un kaimiņu valodās veic lietvārda genitīvs.

Ievērojamu daļu adjektīvu veido atvasinājumi ar sufixiem. Tomēr salīdzinājumā ar radu un kaimiņu valodām adjektīvu darināšanai izmantojamo sufixu skaits latviešu valodā ir mazāks [sal. IO. 550.-586. lpp.; II. 269.-304. lpp.].

Produktīvie adjektīvu darināšanas sufixi mūsdienu latviešu valodā ir pieci: -ain-, -īg-, -ēj-, -isk-, -ot-. [sal. 3. I 9. lpp.]. Minētie sufixi izmantoti galvenokārt substantīvu motivēto adjektīvu darināšanai. Vienīgi sufixs -īg- pievienojams arī verbu un citu vārdšķiru celmiem, -ēj- parasti izmantots adjektīvu darināšanai no adverbjiem.

I. Adjektīvu darināšanas sufixi ar dažādu precizitāti un dažādā pilnīguma pakāpē aplūkoti jau veclatviešu sarakstītajās latviešu valodas gramatikās. Retrospektīvam salīdzinājumam no visām tā laika gramatikām nozīmīgākā ir 1848. gadā iznākusi O. Rozenbergera "Formenlehre der lettischen Sprache in neuer Darstellung", kur vārdu atvasināšanai veltīts diezgan daudz uzmanības un vietas [kritisku šā darba vērtējumu sk. 6. 553. lpp.].

O. Rozenbergera darbs nozīmīgs tieši ar konkrēto valodas materiālu. Atvasinātie adjektīvi O. Rozenbergera formu mācībā aplūkoti kopā ar atvasinātajiem substantīviem, kārtojot valodas materiālu pēc vārddarināšanas sufixiem. Tādējādi šai darbā jo spilgti saskatāmas vairākas nomeniem raksturīgo sufixu grupas. Līdzās sufixiem, kuriem doti tikai substantīvu vai arī tikai adjektīvu piemēri, ir arī tādi, kuri pārstāvēti kā vie-

nas, tā otras vārdšķiras morfoloģiskajā sastāvā. Tie ir sufikss -j-: skum-j-as, krau-j-a, sē-j-a un skum-j-š, krau-j-š, strau-j-š; -l-: ie-l-a, mīk-l-a, deg-l-is, kap-l-is u.c. un kais-l-s, sek-l-s, tīk-l-s; veik-l-s; -n-: sal-n-a, pī-n-e, tek-n-e un rāt-n-s; -t-: dzim-t-a, lās-t-s, gai-t-a, gul-t-a, jos-t-a, vār-t-i, jum-t-a un spīrg-t-s, sil-t-s, dzim-t-s; -v-: stā-v-i (aužamie), cir-v-is un stā-v-s u.c.^x

Mūsdienu latviešu valodas vārddarināšanas sistēmā sufiksi -j-, -l-, -n-, -t-, -v- nav produktīvi [I. 373.-388.lpp.]. Gramatikās tie pat nav pieminēti, kaut arī ar tiem darinātie substantīvi un adjektīvi vēl ir dzīvi un runā tiek lietoti. Tas liecina, ka latviešu valodas nomena darināšanas sufiksu sistēmā ir notikuši pārkārtojumi, ka substantīvu un adjektīvu darināšanas sistēmas ir savrupinājušās, nošķīrušās. Katrai valodai izveidojusies sava diezgan patstāvīga vārddarināšanas līdzekļu sistēma, bet senākie kopīgie vārddarināšanas sufiksi kļuvuši neproduktīvi.

2. Latviešu literārās valodas adjektīvu darināšanas sistēma nepārtraukti pārveidojas, izlīdzinot un precizējot robežas starp produktīvo sufiksu funkcijām, kas valodas normētājiem sagādā diezgan daudz raižu [8.233.lpp].

Pavērosim pārvirzes, kuras skārušas produktīvā sufiksa -ain- funkcijas latviešu valodā. Tas interesanti gan tādēļ, ka -ain- joprojām sastopam kā adjektīvu, tā substantīvu morfoloģiskajā sastāvā, gan arī tādēļ, ka šā sufiksa funkcijas laika gaitā diezgan krasi pārveidojušās, vienā virzienā paplašinoties, citā atkal sašaurinoties.

2.1. 1934.gadā publicētā pētījuma "Adjektīvu piedēkļa -ains- uzvaras gaita" sākumā J.Kauliņš tēlaini raksta: "Tāpat kā galotne -ība- lietu vārdus atvasino-

^x O.Rozenbergera izmantotie valodas piemēri raketīti atbilstoši mūsdienu latviešu valodas ortogrāfijas normām.

plēšas neapredzamā plašumā, pāriedama visas atļautās un neatļautās robežas.., tā arī galotne -ains adjektīvus darinot, veļ savus vilņus pa visām valodas ārēm, noārdīdama vecos iežogojumus un noplicinādama auglīgus novadus. Tautas valoda mums vēl vietu vietām palīdz vecās stigas saskatīt "2.70.lpp../Raksta turpinājumā tā autors parāda, kā -ain- izskauž adjektīvu izskaņas -ijs, -ējs, -ojs un arī -ājs, kuras Sausnējas izloksnē vēl ir dzīvas un diferencē darināto adjektīvu nozīmes. J.Kauliņš atzīst, ka ar -ains atvasināto adjektīvu sākotnējā funkcija bijusi izteikt "kāda priekšmeta redzamo, tikai ar virspusi (Izcēlums mans. E.S.) saistīto īpašību," bet "ar ausīm, garžu un ožu uztveramas īpašības nav izsakāmas ar -ains" 2. 70.lpp../

Kā nepareizi veidotus adjektīvus, protams, no Sausnējas izloksnes runātāja viedokļa, J.Kauliņš minējis dziesmains, teiksmains, dīvains (līgavainis), mīklains, viengabalains, smaržains, pasakains, untumains u.c. Šai pašā rakstā J.Kauliņš norāda, ka "substantīvi ar galotni -aine nav ne tuvu tik audzelīgi. Rugaine, auzaine, miezaine nebūt negrib piespiest lināju saukties par "linaini" "2. 74.lpp../

Ar K.Mīlenbaha un J.Endzelīna Latviešu valodas vārdnīcas^x piemēriem J.Kauliņš rāda, cik daudzveidīgas ir tur registrēto ar -ains darināto adjektīvu attieksmes ar pamatvārdu, grupējot šīs attieksmes pēc uztveres sfērām 2.74.lpp../

2.2. Izmantojot ME vārdnīcas dotumus, bez tam varam konstatēt, ka izloksnēs un rakstu valodas sākuma periodā sufiksa -ain- spējas adjektīvu darināšanā ir bijušas plašākas. Līdzās adjektīviem ar -ain-, kam ir lietvārdu motivācija un kas lietojami arī mūsdienu latviešu literārajā valodā, ME vārdnīcā registrēti arī tādas leksēmas, kuras mūsdienu valodā nav parastas. Pirmkārt, te ir diezgan daudz adjektīvu ar -ain- līdzās tās pašas saknes parasti primārajiem adjektīviem,

^x Turpmāk saīsināti - ME vārdnīca.

kuri tagad literārajā valodā vienīgie lietojami, piem., degl-s: degl-ain-s, drūm-s: drūm-ain-s, dzedr-s: dzedr-ain-s, glēv-s: glēv-ain-s, kropl-s: kropl-ain-s, kupl-s: kupl-ain-s, kvēl-s: kvēl-ain-s, līkdm-s: līksm-ain-s, meln-s: meln-ain-s, pals-s: pals-ain-s, raud-s: raud-ain-s, raup-s: raup-ain-s, rud-s: rud-ain-s, saln-s: saln-ain-s, skarb-s: skarb-ain-s, skāb-s: skāb-ain-s, slim-s: slim-ain-s, staign-s: staign-ain-s, sūr-s: sūr-ain-s, šķidr-s: šķidr-ain-s, šmaug-s: šmaug-ain-s, tāl-s: tāl-ain-s, trak-s: trak-ain-s, tums-s: tums-ain-s, vec-s: vec-ain-s u.c.

Mūsdienu latviešu literārās valodas runātājs nevienā no minētajiem piemēriem darinājumu ar -ain- vairs neatzīs par runā lietājamu. No ME vārdnīcā dotā tulkojuma un skaidrojuma redzams, ka minētajiem darinājumiem ar -ain- nozīme bijusi identa ar atbilstošā primārā vai morfoloģiski vienkāršākā adjektīva nozīmi. Dažos gadījumos atvasinājums ar -ain- lietots, izsakot pamatvārda nosauktās pazīmes intensitātes pavājinājumu, ko mūsdienu latviešu valodā veic darinājumi ar -īg-, piem., vec-s: vec-īg-s, sarkan-s: sarkan-īg-s, kā arī ar maz produktīviem sufiksiem: -an-, piem., šmaug-s: šmaug-an-s, -en-, piem., sārts: sārt-en-s, -gan-, piem., zil-s: zil-gan-s.

Dažos gadījumos ME vārdnīcas dotumos -ain- pievienots vārddarināšanas celmam, kurš varētu būt kā substantīva, tā adjektīva celms, piem., saln-s un saln-s: saln-ain-s, tums-s un tums-s: tums-ain-s.

Varētu domāt, ka šādos gadījumos -ain- veicis adjektīvu kā vārdšķiras celmu norobežošanu no substantīvu celmiem. Laikā, kad valodā šādu adjektīvu un substantīvu pāru ar morfoloģiski identiem celmiem bija pulka, šī sufiksa -ain- funkcija varēja būt visai plaša.

Otrkārt, ME vārdnīcā ir registrēts nedaudz adjektīvu ar -ain-, kuros vārddarinātājam celmam varētu būt verbāls raksturs. Tāds secinājums izriet arī no vārdnīcā atvasinājumam dotā nozīmes skaidrojuma, piem., skal-ain-s 'sich spalten lassend' zu šķelt. Verbu nozīmē,

šķiet, sakņojas arī adjektīvu birzuļ-ain-s, drup-ain-s, urbuļ-ain-s nozīmes.

Zīmīgi, ka O. Rozenbergers ilustrācijai doto adjektīvu ar -ain- nozīmi skaidrojis ar vārdiem, piem., gāžaina - baufällig von gāz; kāpaina - wo man auf und nieder zu steigen hat von kāp; sprēgaina - zerplāst, von sprēg Risse bekommen, sein zerplāßen.

Ne adjektīvu, ne verbu motivētie adjektīvi ar -ain- mūsdienu latviešu valodā netiek darināti. Tas nozīmē, ka šai virzienā sufiksa -ain- produktivitāte nav izvērsusies.

3. Mūsdienu latviešu literārajā valodā -ain- ir produktīvs substantīvu motivēto adjektīvu darināšanā [5.830.lpp.]. Šo adjektīvu nozīmē līdzās motivētāja vārda priekšmetiskuma nozīmei, kas ir individuāla un šai ziņā visai daudzveidīga, kā obligāts un vispārināts derivatīvās nozīmes komponents ir k v a n t i t a t ī v u m s. Tas atbilst gan nozīmei 'lielā skaitā', gan arī 'lielā mērā'. Attieksmēs, kas veidojas starp priekšmetiem, kuru nosaukumi motivē adjektīvus ar -ain-, un tiem, kuru nosaukumiem šie adjektīvi pievienojami par saskaņotiem apzīmētājiem, kvantitatīvās attieksmes var realizēties gan kā ārēji kvantitatīvas, gan kā iekšēji kvantitatīvas. Šīs attieksmes ir tik raksturīgas, ka tās izmantojamas par adjektīvu ar -ain- klasifikācijas pazīmi.

Ārēji kvantitatīvās attieksmes adjektīviem ar -ain- ir visai parastas. Šo adjektīvu nosaukamās pazīmes pamatā ir tas, ka raksturojamam priekšmetam I i e l ā s k a i t ā p i e m ī t m o t i v ē t ā j s u b s t a n t ī v a n o s a u k t a i s p r i e k š m e t s. Visai dažādas individuālās nozīmes adjektīvi pakārtojami vienai vispārīgai nozīmei: 'lielā skaitā klāts ar pamatvārda nosauktajiem priekšmetiem', piem., alkšņains, ābolains, meldrains, nātrains, tāpat arī cerains, krūmains, mežains, puðurains, vai aizains, akačains, avotains, kalnains, lejains, plāvains, purvains.

Tai pašai vispārinātajai vārddarināšanas nozīmei pakļaujas adjektīvi: burbulains, cilpains, ielāpains, mezglains, rūtains, spangains. Šī adjektīvu grupa skaitliski ir plaša un ar -ain- darināto adjektīvu mikrosistēmā ieņem centrālo vietu. Ar šiem adjektīviem izteiktā pazīme ir ārēja, ar redzi uztverama.

Ārējas un ārēji (ar redzi) tveramas kvantitatīvas attieksmes ir to adjektīvu nozīmes pamatā, kuru motivācijai izmantoti sīku dzīvnieku nosaukumi, piem., blusains, ērcāins, mušains, odains u.c.

Citā dimensijā (secīgi, laikā) realizējas kvantitatīvās attieksmes, kas ir ietvertas derivatīvajā nozīmē adjektīviem: aukains, brāzmais, lietains, puteņains, vētrains u.c.

Piemēram, minēto un daudzo citu šā tipa adjektīvu nozīme ir diezgan vienveidīga un skaidra. To darināšanai parasti izmantots lietvārdu daudzskaitļa celms, un vārddarināšanas modelis jeb shēma ir regulāra.

Adjektīvu ar -ain- nozīme var pamatoties arī uz dziļākām, iekšēji kvantitatīvām attieksmēm ar pamatvārda vai motivētāja vārda nosaukto priekšmetu. Šās grupas adjektīvu motivētāji substantīvi ir nosaukumi tādiem priekšmetiem, kuriem pastāv ne tik daudz ārēji tverama, bet daudz dziļāka strukturāla saskare ar apzīmējamā lietvārda nosaukto priekšmetu, piem., akmoņains-s, duļķains-s, dūmains-s, dūņains-s, dvingains-s, grantains-s, kūdrains-s, mālains-s, olains-s, pelavains-s, puteklains-s, arī sārmais-s, skābekļains-s, slāpekļains-s, sūkalains-s, sveķains-s, tvanains-s, ūdeņains-s.

Ar -ain- darinātie adjektīvi mēdz būt tādas pazīmes nosaukumi, kas norāda uz apzīmējamā lietvārda nosauktā priekšmeta struktūras veidu, piem., drumstalains, gabalains, graudains, šūnains, zvirgzdains u.c.

Citu patstāvīgu grupu veido tie adjektīvi ar -ain-, kurus motivē substantīvs, kas ir kādas apzīmējamā lietvārda nosauktā priekšmeta detaļas nosaukums. Arī šo darinājumu nozīmē noteikta loma ir kvantitatīvajam fak-

toram. Tikai tas realizējas nevis skaita veidā, bet gan apjomā, piem., astains, ādains, cekulains, guzains, kuprains, kūkumains, līpains, sekstains, vēderains, žaunains u.c. Kā redzams no piemēriem, šās grupas adjektīvu derivatīvo nozīmi motivē substantīvi, kuru nosauktās lurmeņa daļas reālajā īstenībā skaita ziņā nemēdz mainīties. Darinājumā izcelts pamatvārda nosauktās detaļas kvantitatīvais pārkums par parasto, tās izteiksmīgums.

Pie šās grupas pievienojami tie ar -ain- darinātie adjektīvi, kurus motivē lietvārdi - tādu priekšmetu nosaukumi, kas tikai konkrētajā runas situācijā ir raksturīgi un atvasinātā adjektīva apzīmējamā lietvārda nosaukto priekšmetu izceļ starp daudziem citiem, piem., biks-ain-s, brill-ain-s, gredzen-ain-s, segl-ain-s, som-ain-s u.c. Tie bieži ir potenciāli darinājumi un tiek substantivēti.

Mūsdienu latviešu valodā adjektīvus ar -ain-, tieša, daudz retāk, motivē arī nemateriālas dabas parādību nosaukumi, piem., aizspriedum-ain-s, dēk-ain-s, kontrast-ain-s, mieg-ain-s, murg-ain-s, noslēpum-ain-s, sapn-ain-s, trauksm-ain-s, trūkum-ain-s, untum-ain-s, žēlab-ain-s. Kā redzams, tikko minētajos darinājumos -ain- vārddarināšanas funkcijas jau paplašinājušās. Sufikss tiek pievienots abstraktas nozīmes lietvārdu celmiem. Taču vārddarināšanas tipam raksturīgā shēma ir saglabāta, darinājuma nozīmē saglabāta arī kvantitātes sēma. Tomēr šie adjektīvi jau pārstāv sufiksa -ain- darināšanas mikrosistēmas perifēriju un robežojas ar sufiksa -īg- mikrosistēmu. Abstraktas nozīmes substantīvi mūsdienu latviešu valodā parasti motivē adjektīvus ar -īg-, piem., laim-īg-s, priec-īg-s, skum-īg-s u.c.

Runas kontekstā adjektīvu ar -ain- vārddarināšanas nozīmi iespējams variēt, atbilstoši runas saturam izceļot vienu, otru vai trešo pamatvārda pazīmi. Piemēram, adjektīvu ūdenains pievienojot dažādas nozīmes apzīmējamam substantīvam, derivatīvā nozīme variējas.

Savienojumā ūderainas plavas realizējas ārēji tverama kvantitatīvi pamatota pazīme. Savienojumā ūdenaini kartupeli adjektīvs izteic iekšēju pazīmi. Bet savienojumā ūdenains ziņojums adjektīva nozīmi motīvē nevis vārda pamatnozīme, bet gan pārnestā nozīme. Aplūkojamās mikrosistēmas perifēriju pārstāv acīmredzot arī tie ar -ain- darinātie adjektīvi, kuros aktivizēta nevis motivētāja substantīva nosauktā priekšmeta realizēšanās noteiktā kvantumā, bet gan kāda cita pazīme, piem., veids, forma: krampjains (tvēriens), redelaini (zobi), tuksnešains (apvidus), tāpat arī druzdains (skats), stiklains (skats), svinains (gaiss), zīdaini (mati), žultains (vārds) u.c.

Tādējādi mūsdienu latviešu valodā ar produktīvo sufiksu -ain- darināti substantīvu motivēti adjektīvi. Parasti šim nolūkam izmantoti konkrētas nozīmes substantīvi. Bet līdzās tiem, gan šaurākā apjomā, ir adjektīvi arī ar abstraktas nozīmes un ar metaforizētas nozīmes substantīvu motivāciju. Ar -ain- darināto adjektīvu derivatīvajā struktūrā viscaur realizēta viena kopīga shēma, bet derivatīvā nozīme vairs nav tik monolīta. Tā variējas un it kā veido vairākus savā starpā saistītus slāņus, no kvantitatīvā raksturojuma pāriedama uz veidu.

4. Raksturojot adjektīvus, kas darināti ar -ain- mūsdienu latviešu valodā, nevar neievērot ar sufiksu -ot- darinātus adjektīvus, kas jo produktīvi kļuvuši tieši pēdējā laikā.

J.Kauliņš jau pieminētajā rakstā ir konstatējis, ka piedēklis -ots "arī sausnējiešu valodā -ains ir jau ievēdis kapā. Paglūbušās tikai nedaudz atliekas" (2.73.lpp.7). Turpat viņš ilustrācijai minējis un skaidrojis dažu šo atlieku nozīmi. Tā, piemēram, skaidrots „sudrabots”. „Saule ir sudrabota šodien, vakar un vienmēr, bet mēnešā zībošais un ātri zūdošais atspulgs naktī ezerā ir sudrabains” (2.73.lpp.7). No šā piemēra varētu secināt, ka ar -ots darinātie adjektīvi apzīmējuši stabīlu, pastāvīgu īpašību, turpretim darinājumi ar -ain- zūdošu, nejaušu. Taču, skaidrojot citus piemē-

rus, autors norādījis, ka starp darinājumiem ar -ain- un -ot- starpības nozīmē nav, piem., striņpots un paralēli arī striņpains audekls, bikses, brunči, lakats. Tāpat žuburots un žuburains, robot un robains, spārnots un spārnains [2.73.lpp.].

Latviešu valodniecībā par adjektīviem ar sufiksu -ot- ir dažādas ziņas. Mllvg uzsvērts, ka šo adjektīvu sākotnējā cilme nav gluži vienveidīga, jo daži šās grupas adjektīvi atvasināti no substantīvu celmiem, bet starp adjektīviem ar -ots, -ota ir arī senas verba nominālās formas - pagātnes ciešamās kārtas divdabji (no nepārejošiem vārdiem!), kas ar laiku kļuvuši par adjektīviem (iegūstot arī adjektīvu gramatiskās kategorijas), piem., dūmots, -a (dūmot), zarots, -a (zarot), miglots, -a (miglot), rasots, -a (rasot) u.c. [5.289.lpp.].

J. Endzelīns vēsturiski adjektīvu ar -ot- cilmi saista tieši ar substantīviem - aplūko tos kā substantīvu motivētus atvasinājumus [12.383.lpp.].

Mūsdienu latviešu valodā adjektīvs ar -ot- ir diezgan produktīvs. Pēc motivācijas attieksmēm tie iedalāmi vairākās grupās. Plašu produktīvu adjektīvu grupu veido atvasinājumi ar -ot-, kurus motivē substantīvs, piem., adat-ot-s, bumbul-ot-s, čēmur-ot-s, grumbul-ot-s, kaln-ot-s, krūm-ot-s, mež-ot-s, mustur-ot-s, pakav-ot-s, pākš-ot-s, rag-ot-s, skuj-ot-s, snieg-ot-s, spal-ot-s, spur-ot-s, zābak-ot-s, zīl-ot-s, zvaigžņ-ot-s u.c. Šais adjektīvos izskapa -ots it viegli aizstāt ar -ains, nepāveidojot darinājuma nozīmi.

Adjektīviem grumbots, lapots, liesmots, likumots, naglots, piparots, rievots, sakņots, skarots, svitrots, vārpots, vilņots, žuburots u.c. arī izskapu -ots iespējams aizstāt ar -ain-. Bet, tā kā šiem adjektīviem līdzās mūsdienu valodā ir arī desubstantīvi vārdi, tad analizējamajiem darinājumiem izjūtama ciešamās kārtas pagātnes lokāmo divdabju daba un līdz ar to arī tiešsaiņība ar vārdi, ko darinājumi ar -ain- neapēj pārņemt. Bet šādas attieksmes darinājumiem ar -ot- veidojas tikai tais gadījumos, kad tiem paralēli valodā ir substantīva motivēts pārējošs vārds. Turpretī gadījumos, kad adjektīvs derivatīvi

saistīts ar nepārejošu verbu, izskaņu aizstāšana iespējama, piem., lapots un lapains koks, pumpurots un pumpurains zars, sakņots un sakņains cers, vārpots un vārpains tīrums, vilņota un vilņaina jūra u.c. Tādējādi mūsdienu latviešu valodā ar izskaņu -ain-s,-a no jauna sāk konkurēt izskaņa -ot-s,-a, bet starp šiem vārddarināšanas tipiem veidojas citādas saskares nekā ir norādījis J.Kauliņš.

5. Lietvārdu morfoloģiskajā sastāvā sufikss -ain- funkcionē kā divu patstāvīgu izskaņu -ain-e un -ain-is komponents. Izskaņa -ain-e produktīvi izmantota vietu vārdu darināšanā. Taču inversajās vārdnīcās to nav sevišķi liels skaits: priedaine, rugaine, griķaine, mā-laine, zālaine, eglaine, olaine, ābolaine, ozolaine, mēslaine, kalnaine, niedraine, kūdraine, smiltaine, klintaine, bērzaine u.c. Šo darinājumu nozīme balstīta uz pamatvārda nosauktā priekšmeta skaitlisko piemēriem. Tiem līdzās iespējams adjektīvs ar to pašu sufiksu -ain-. Vienīgi vārdus vecaine un mūklaine motivē adjektīvi vecs un mūklis.

Izskaņa -ain-is ir nedaudzu personu nosaukumos, piem., skrandainis, bārdainis, ragainis, dēkainis, pinkainis, ūsainis, līgavainis, dīvainis u.c. Ar šiem substantīviem paralēli iespējami adjektīvi ar -ain-. Šo substantīvu derivatīvā analīze var risināties divos virzienos. No vienas puses, var atzīt visu izskaņu par vārddarināšanas formantu, no otras puses, var uzskatīt, ka šais substantīvos vienīgā aktīvā vārddarinātāja ir galotne. Šis pēdējais ceļš jo plaši tiek praktizēts terminoloģijas veidošanā. Tā, piemēram, daudz terminu darināts zooloģijā un botānikā, piem.: sporaiņi, žaunaiņi, žoklaiņi, hordaiņi.

Tā ar terminiem paplašinās sufiksa -ain- izplatība substantīvu celmos. Bet šo vārdu morfoloģiskajā sastāvā -ain- ne katrreiz ienāk kā aktīvais vārddarinātājs formants, jo mūsdienu valodā, pirmkārt, tas ir substantīvu motivēts adjektīvu darinātājs sufikss.

LITERATŪRAS SARAKSTS

1. Blinkena A. Viena iezīme latviešu rakstu valodas adjektīvu formu un nozīmju attīstībā. - Grām.: Veltījums akadēmiķim Jānim Endzelīnam. 1873.-1973. R., 1972. 373.-388.lpp.
2. Kauliņš J. Adjektīvu piedēkļa -ains uzvaras gaita.- Filologa Biedrības Raksti. R., 1934. XIV sēj. 70.-75.lpp.
3. Latviešu valodas biežuma inversā vārdnīca. - R., 1976. -500 lpp.
4. Mīlenbahs K. Latviešu valodas vārdnīca. - R., 1923.-1946. I.-4. sēj.
5. Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. -R., 1959, I.d. -830 lpp.
6. Ozols A. Veclatviešu rakstu valoda. - R., 1965. - 625 lpp.
7. Rosenberger O. Formenlehre der lettischen Sprache in neuer Darstellung. - Magazin herausgegeben von der Lettisch-Literarischen Gesellschaft. - 1848, 9ten Bandes 2tes Stück. - 331 s.
8. Saule-Sleina M. Par sufiksa -isk- formu un tā leksiski gramatiskām funkcijām (it sevišķi baltu un slāvu valodās). - Grām.: Veltījums akadēmiķim Jānim Endzelīnam. 1873.-1973. R., 1972, 223.-252.lpp.
9. Soida E. un Kļaviņa S. Latviešu valodas inversā vārdnīca. - R., 1970. - 256 lpp.
10. Lietuvių kalbos gramatika. - Vilnius, 1965, I tomas, - 752 lpp.
11. Русская грамматика. -М., 1980., ч. I, -787 с.
12. Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika. - R., 1951. -1100 lpp.

В. П. Скуиня
Рига

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ЛАТЫШСКОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ

Как всем хорошо известно, заимствования, проникнув в обиход заимствующего языка, становятся полноценными членами системы данного языка. Язык распоряжается ими как и любыми другими единицами лексической системы языка, используя их в дальнейшем словотворчестве, включая в новые словосочетания и т.п.

Среди заимствований последних десятилетий большое место занимают интернационализмы.

Морфологический состав интернационализмов разнообразен. Заимствуя интернационализмы с одинаковыми префиксальными и постфиксальными элементами, эти элементы в языке активизируются и со временем приобретают функцию самостоятельных словообразовательных формантов.

В латышском словотворчестве в функции самостоятельных словообразовательных формантов чаще всего используются префиксальные интернациональные элементы, о чем наглядно свидетельствуют гибридо термины, в которых интернациональный префиксальный элемент присоединен к латышской основе, например, antiviela (антивещество), ekstrastrava (экстраток), hiperkodoli (гиперъядра), infraskapa (инфразвук), izosavienojumi (изосоединения), makroparādiba (макроскопическое явление), mikrostavoklis (микросостояние), paradepradis (параводород), piroskabe (пирокислота), servopastiprinataja (сервоусилитель), stereotalskatis (стереотруба), ultraskapa (ультразвук). Эти примеры более наглядны потому, что среди образований с интернациональным как префиксальным, так и основным элементом труднее определить слова, образованные именно в латышском языке, так как эти образования могут

быть заимствованы целиком из других языков, например, слова antioksidants (антиоксидант, антиокислитель), ekstrapolācija (экстраполяция), hiperfragmenti (гипер-фрагменты), izonitrils (изонитрил), makrostruktūra (макроструктура), mikrominiaturizācija (микроминиатюризация), paramagnētīkis (парамагнетик), pirogenēze (пирогенез), servomehānisms (сервомеханизм), stereoformula (пространственная формула), ultramikroskops (ультрамикроскоп).

В последнее время лексика латышского языка пополнилась большим числом слов с интернациональными постфиксальными элементами -āls, -ārs, -ārijs, -orijs, -isms, -ists, -ika, -itāte, -āde, -(iz)ācija и др. Некоторые примеры новообразований, которых нет в словарях 60-х годов (I, 2): bitumāls (битумный), frakciāls (фракционный), perimetrāls (периметральный), depozitārs (депозитарный), elitārs (элитный), gravitārs (гравитационный), prioritārs (приоритарный), delfinārijs (дельфинарий), depozitārijs (депозитарий), okeanārijs (океанарий), depozitorijs (депозиторий), mononīmisms (бессинонимность), piānisms (пианизм), akumulatorists (аккумуляторщик), rainists (исследователь трудов Я.Райниса), takelāžists (такелажист), vienšļieciests (спортсмен одного из видов санного спорта), arābistika (арабистика), sublistatika (сублистатика), variabilitāte (вариабельность), dinamiāde (динамиада), rainiāde (райниада), dispečērizācija (диспетчеризация), grafemācija (графемация), refonemācija (рефонемация).

Часть упомянутых слов имеют подобные аналоги в других языках и являются интернационализмами (depozitārijs, depozitorijs, okeanārijs, sublistatika и др.). Но здесь имеются и такие слова, которые созданы в латышском языке без наличия образца подобных деривативов в других языках (bitumāls, mononīmisms, akumulatorists, takelāžists и др.). В отдельных случаях интернациональный постфиксальный элемент присоединен даже к латышской основе (vienšļieciests, rainists, rainiāde).

Одно из новейших образований с интернациональным постфиксальным элементом в латышском языке -- это имя

прилагательное grupāls (групповой). Заметим, что и словообразовательная основа (корень) этого слова grup- -- интернациональная. Прежде в случаях, когда какой-нибудь процесс или другое явление нужно было отнести к целой группе объектов, использовался родительный падеж единственного или множественного числа -- grupas, grupu или сложное слово в родительном падеже -- grupveida (буквально: группообразный). Некоторые примеры из терминологических словарей, утвержденных Терминологической комиссией АН Латвийской ССР (3, 4, 5): grupas kratīšana (групповой обыск), grupas darba līgums (групповой трудовой договор), grupu nodarbības (групповые занятия), grupu normas (групповые нормы), grupu tabula (групповая таблица), grupveida kontrole (групповой контроль), grupveida izlaupīšana (групповое хищение), grupveida fotouzskaitē (групповой фотоучет). Были высказаны обоснованные возражения по поводу несоответствия названий, включающих слово grupveida, с обозначаемым объектом, так как в подобных случаях трудно установить наглядный "образ" данного процесса, например, grupveida apstrāde (групповая обработка), grupveida informācija (групповая информация), grupveida instrukcija (групповая инструкция). Чтобы избежать семантически дезориентирующих обозначений, иногда создавалось сложное слово с основой grup- в первом компоненте, например, grupanalīze (групповой анализ) -- если анализ проводится по группам в отличие от случаев, когда анализируется одна группа (grupas analīze -- анализ группы) или несколько групп (grupu analīze -- анализ групп). Все-таки ни один из вариантов не удовлетворял языковой практике и для выражения значения 'распределение по группам' было высказано предложение использовать новообразование из интернациональных элементов -- имя прилагательное grupāls, которое создано по аналогии с интернационализмом individuāls (индивидуальный). Сравним: grupa -- grupāls -- относящийся к группе, individa -- individuāls -- относящийся к индивиду. Нередко, особенно в педагогической терминологии, один и тот же процесс или одно и то же

явление относится как к индивиду, так и к группе: individuāla un grupāla konsultācija (консультация), individuālās un grupālās nodarbības (занятия), individuālās un grupālās pārrunas (беседа), individuāla un grupāla instruktāža (инструктаж), individuāla un grupāla analīze (анализ). Конечно, свое место в языке имеют также прежние определения grupas, grupu, grupveida (для выражения соответствующих значений).

Новые слова, которые созданы в латышском языке, используя интернациональные префиксальные и постфиксальные элементы, свидетельствуют о расширении словообразовательных средств латышского языка на базе интернациональных элементов.

В каждом конкретном случае при наличии интернациональной словообразовательной основы не всегда можно точно определить, является ли новое слово деривативом в латышском языке или оно целиком заимствовано из других языков. Например, в словаре по радиоэлектронике и вычислительной технике (6) имеются интернационализмы antikoīdence и superreģenerācija, которым в русском языке соответствуют гибридные образования антисовпадение, сверхрегенерация. Так как при создании латышских терминов русские термины обычно используются в качестве образца, имеется основание полагать, что слова antikoīdence и superreģenerācija образованы непосредственно в латышском языке. Но возможен и другой путь -- путь заимствования подобных интернационализмов из английского, немецкого или других языков. Но даже при наличии адекватных интернационализмов в каком-либо из мировых языков все-таки еще нельзя было бы с уверенностью утверждать, который из мировых языков является языком-оригиналом данных интернационализмов и являются ли они заимствованиями в латышском языке или исконными образованиями, используя продуктивные интернациональные элементы. Для определения истинного пути создания конкретного интернационализма необходимы специальные исследования.

В латышском языке сделан еще один шаг вперед в использовании интернациональных элементов, а именно: новые

слова образуются не только при помощи продуктивных интернациональных элементов, но и вообще из различных интернациональных элементов (в том числе -- и корневых) независимо от их продуктивности в словообразовании. Так, например, образуются сложные слова из интернациональных основ при помощи соединительного гласного o: от латинского lux ('свет'), греческого phoros ('носитель') и соединительного гласного o создано слово luksofors (светофор). Также от латинского lūd (lūdus -- 'игра', lūdere -- 'играться'), греческого thēkē ('хранилище; ящик') и соединительного гласного o -- слово ludotēka (игротека) -- 'помещение (или комплекс помещений), в котором хранятся игры и где с ними занимаются'. Для современного латышского языка характерно, что корневые интернациональные элементы на o (первые компоненты сложных слов) обычно не сохраняют долготы гласных языка-оригинала. Сравн. данные интернациональные элементы luks- и lud- с aero- (от греческого aēr- -- 'воздух'), atero- (от греческого athērē -- 'кашка'), bakterio- (от греческого baktēria -- 'палочка') и др. (7, с. 123--132). От латинского scientis ('знания; наука'), греческого logos ('слово; учение') и соединительного гласного o -- название новой отрасли, "науки о науке" scientioloģija (науковедение). Новообразования luksofors, ludotēka, scientioloģija являются гибридными словами, так как они состоят из элементов разноязычного (латинского и греческого) происхождения. На современном этапе развития языков гибридные слова заняли свое место в литературных языках и не вызывают возражений (8, с. 215--238).

Для латышского языка не характерно образование сложных слов при помощи соединительного гласного. (Этот способ используется, например, в русском языке: светофор, сенокос, красноармеец). В латышском языке соединительный гласный o на стыке компонентов сложных слов встречается только в заимствованных словах, например, bioelektronika (биоэлектроника), kosmografija (космография), leksikoloģija (лексикология), а также в таких латышских сложных

образованиях, первый компонент которых -- интернациональный элемент, оканчивающийся на o: elektrovilciens (электрпоезд), radiosakarī (радиосвязь), velobrauciens (велопробег). Но в новообразованиях luksofors, ludotēka, scientoloģija гласный o использован для соединения интернациональных элементов, и эти слова свидетельствуют об активизации соединительного гласного o в латышском словообразовании, хотя для соединения элементов латышского происхождения в литературном языке o не используется.

Наряду с новообразованиями типа bitumāls, grupāls, ta-
kelažists, ludotēka, scientoloģija в латышском языке по-
является проблема о номинации этих слов. А именно: можно
ли эти слова считать интернационализмами. Заимствованы
лишь элементы слов, но целиком слова не заимствованы, а
образованы в латышском языке. Значит: может ли слово
быть интернационализмом, если оно не заимствовано?

В книге латышского языковеда доц. А. Лауы читаем (ци-
таты даны в переводе): "... интернационализмом в латыш-
ском языке будем считать каждое э а и м с т в о в а н -
н о е (разрядка -- В.Ск.) слово, которое употребляется
хотя бы в трех языках больших народов Европы ..." и далее:
"Главными источниками интернационализмов в европейском
ареале являются классические языки -- греческий и латин-
ский, из романских языков -- французский и итальянский,
из германских языков -- английский и немецкий, из сла-
вянских языков -- русский язык" (9, с. 125--126). Далее
А. Лауа упоминает также другие языки, ставшие источника-
ми интернационализмов.

В обстоятельствах современных обширных языковых кон-
тактов интернационализмами становятся слова многих язы-
ков, в том числе -- и латышского. Так, в спорте между-
народным термином признан буллит, который соответствует
латышскому bullitis ('бычок') и по мнению некоторых спе-
циалистов заимствован из латышского языка (10). В гео-
графической терминологии за пределы нашей республики
распространилось слово кланы (латышское klāni -- 'боль-

шие луга или другие территории, которые при большом по-
ловодье заливаются водой от ближних водных объектов').
Слова латышского происхождения буллит, кланы и им подоб-
ные, которые входят в лексику различных мировых языков и
становятся (или уже стали) интернационализмами, в языке-
оригинале — латышском языке — не заимствования. Таким
образом, интернационализмом (в языке-оригинале) может
быть слово, которое не является заимствованием. Необходи-
мо только, чтобы это слово встречалось в лексике хотя
бы трех языков больших мировых народов.

Но как обстоит дело со словами bitumāls, grupāls, lu-
dotēka, scientioloģija и т.п.? Язык создания, т.е. язык-
оригинал этих слов (целиком) — латышский. Словотворче-
ство, используя корни или другие элементы слов классичес-
ких языков, во всемирном масштабе не представляет собой
чего-то небывалого или необычного. А. Лауа утверждает, что
часть интернационализмов с греческими и латинскими кор-
нями образована в языках искусственно в новейшем времени,
например, слова барометр, микроскоп, телефон, телеграф,
национализировать, коллективизировать, коллективизация,
социализм, активист и др. (9, с. 127). Значит, использо-
вание греческих и латинских элементов в образовании но-
вых интернационализмов уже стало обычным способом слово-
творчества во многих мировых языках. В последние годы
этот способ активизировался также в латышском языке. И
все-таки, если новообразования bitumāls, grupāls, ludo-
tēka, scientioloģija и т.п. в отличие от названных А. Лау-
ой интернационализмов барометр, микроскоп и др. имеются
только в латышском языке, правильно ли квалифицировать их
интернационализмами? Возможно, более подходящим было бы
обозначение и н т е р н а ц и о н а л и з м о и д ы или
т.п. (сравним: в лингвистической терминологии употребля-
ются подобные образования префиксоиды, суффиксоиды). Ин-
тернационализмоиды имеют много общего с интернационализ-
мами. Элементы интернационализмоидов взяты из классичес-
ких — греческого и латинского — языков. Также фонетически,

морфологически, семантически и графически они близки интернационализмам греческого и латинского происхождения. Различающий признак — сфера распространения. Но уже ранее (см. комментарий слов *antikoïncidence*, *superregenerācija*) указывалось на трудности в определении истинного положения создания и употребления подобных образований. Все это затрудняет проведение строгих границ между интернационализмами и интернационализмоидами.

Чтобы оценить место и значение национального словотворчества с использованием интернациональных элементов, необходимы специальные исследования по этому вопросу.

Лучших результатов можно достичь, если проделать исследование не только на базе словообразовательной системы одного языка, но и в сравнительном аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Svešvārdu vārdnīca* (Словарь иностранных слов).—Rīgā, 1969.
2. *Latviešu-krievu vārdnīca* (Латышско-русский словарь).—Rīgā, 1963.
3. *Hidrometeorologijas terminu vārdnīca* (Словарь терминов гидрометеорологии).—Rīgā, 1976.
4. *Ekonomikas terminu vārdnīca* (Словарь терминов экономики).—Rīgā, 1975.
5. *Juridisko terminu vārdnīca* (Словарь юридических терминов).—Rīgā, 1970.
6. *Radioelektronikas, elektrosakaru, automātikas, skaitļošanas tehnikas terminu vārdnīca* (Словарь терминов радиоэлектроники, электросвязи, автоматики, вычислительной техники).—Rīgā, 1968.
7. *Latviešu valodas kultūras jautājumi* (Вопросы культуры латышского языка).—Rīgā, 1973.
8. Скуиня В.П. Гибридотермины технических наук в латышском языке и их соответствия в русском языке. — В кн.: Контакт латышского языка. Рига, 1977.
9. Laua A. *Latviešu leksikologija* (Латышская лексикология).—Rīgā, 1969.
10. Dvorcovs V. *Kā soda metiens kļuva par "bulliti"* (Как штрафной бросок приобрел название "буллит").—Sports, 1970, 11.X, nr.160.

Е.П.Тюленева
Воронеж

СООТНОШЕНИЕ ПРЯМОЙ И КОСВЕННОЙ
НОМИНАЦИИ ПРИ ОБОЗНАЧЕНИИ
ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В последнее время вопросы номинации привлекают все более пристальное внимание исследователей, т.к. любое описание лексической семантики не может быть полным без обращения к номинативному аспекту лексического значения, к механизму и принципам связывания словесных знаков с внеязыковым рядом.

Особый интерес представляет явление вторичной номинации, т.е. использование уже готовых, имеющихся в языке номинативных средств с новым значением, в новой функции наименования. В.Н.Телия выделяет два принципиально различных способа вторичной номинации:

I. Номинация, при которой признаки "предшествующего" значения играют роль внутренней формы при переходе в новое смысловое содержание, т.е. имеет место не прямое отображение внеязыкового объекта. При этом новый смысл соотносится с внеязыковым рядом автономно.

II. Второй способ заключается в том, что, наряду с непрямым характером отображения действительности / преимственности некоторых элементов из предшествующего значения / формирование смысла нового наименования протекает под непосредственным воздействием смыслового содержания другого наименования, которое задает ракурс рассмотрения действительности и тем самым опосредует это отображение. Новое значение при этом соотносится с внеязыковым рядом косвенно. Поэтому слова, обладающие значением, сформированным

таким образом, обладают самостоятельной номинативной функцией, что проявляется в синтагматической обусловленности их выбора и комбинации в ходе построения предложения [I, с. 129-130].

В настоящей работе анализу подвергаются прямые и косвенные наименования пространственно-временных отношений. Интерес к косвенной номинации объясняется тем, что посредством анализа косвенных наименований можно понять сам процесс формирования имени, поскольку механизм наименования в этом случае более логичен и понятен, чем при прямой номинации, а признак, дающий название предмету, выражен эксплицитно и может быть понят без особых усилий.

Особенно интересно проследить различия в значениях однообъектных прямых и косвенных наименований, составляющих синонимический ряд. Объектом предлагаемого анализа стало изучение языковой реализации пространственно-временных отношений.

Необходимо отметить, что говорить о прямой и косвенной номинации можно только в синхронном плане, т.к. этимологически все анализируемые образования созданы способом вторичной номинации, и только забвение имеобразующего признака заставляет говорить о прямой номинации. Процесс демотивации, которому неизбежно подвергаются все мотивированные слова, приводит к тому, что в определенный момент наименования, называемые косвенными, начинают восприниматься как прямые.

Создание слов с переносным значением для обозначения предметов и явлений, уже имеющих названия в языке, является избыточным, следовательно, основной стимул создания таких имен есть не называние, а оценка, субъективное восприятие предмета или явления, выражение эмоционального отношения говорящего. Так, наряду с выражением "в молодости" возникает образование "в расцвете сил" или "во цвете лет"; наряду с выражением "в конце жизни" - "на закате жизни" или даже "на окраине жизни".

На возникновение косвенных наименований оказывает влияние коммуникативная задача, стремление воздействовать не

только на разум, но и на чувство слушающего, эстетические представления говорящего. Как писал М.Бреаль "Le langage ne s'adresse pas seulement à la raison, il veut émouvoir, il veut persuader, il veut plaire [2, p.194].

Существование в языке прямого и косвенного наименования одного и того же отношения объясняется тем, что прямое наименование предмета в своей семантической структуре имеет общие семы с прямым значением того слова, которое дает косвенное имя называемому предмету, что в свою очередь объясняется сходством отношения дающего и отношения, принимающего имя. Т.о. происходит процесс метафоризации слова или словосочетания, дающего имя, т.е. употребление слова в новом значении, возможное на основе сходства предметов, семантический феномен, состоящий в изменении семантической структуры значения, при котором часть сем, отражающих сходство предметов, одного значения становится ядром другого.

Так, возможность сказать "ils se sont arrêtés au seuil de leur amour" вместо "au commencement de leur amour" т.е. обозначение временных отношений через пространственные показывает, что по существу эти отношения являются однопорядковыми: их функция состоит в структурировании обозначений времени и пространства, а конкретно в данных структурах, подобная возможность объясняется сходством части сем в структуре одного и другого значений: "seuil" - порог, то, что перешагивают, входя в дом, в помещение, то, преодоление чего дает возможность попасть куда-то, перейти в другое пространство. "commencement" - начало, часть, находящаяся впереди чего-то, сходного с ней по структуре, составу, функции. Смешение двух значений рождает мысль о черте, которую надо пройти, чтобы вступить в новое качество. Т.о. значение, получаемое при метафоризации, и, следовательно, косвенный способ номинации, семантически более насыщено и сложно, чем прямое значение.

Вторичная номинация может иметь как языковой, так и речевой характер. При этом в самих процессах вторичной номинации существенной разницы нет, все вторичные наименования образуются на базе того значения слова, чье имя использо-

вано в новой для него функции названия [I, с. 129]. Очевидно, что первичными являются речевые образования. Если такое речевое новообразование является удачным, ярким, отражающим действительные особенности называемого предмета, такое образование может проникнуть в язык и социально в нем закрепиться. Более того, удачное косвенное наименование может не только сосуществовать с прямым, но и вытеснить последнее из употребления. Так, в языке существует ряд метафорических по происхождению имен пространственно-структурных отношений, не имеющих аналогичных прямых наименований: *pied du mur, cellule du parti, tête du missile*.

Указанные слова при частом повторении в речи подвергаются грамматикализации, которая устраняет из структуры значения все лексические семы, оставляя лишь самые общие компоненты: для анализируемых слов таковыми являются обозначения положения в пространстве или времени, простая ориентировка в пространстве или времени. Так, в такой, на-

пример, серии: *au pied de la maison*
au pied de la tour
au pied de la côte
au pied de l'escalier
au pied des terrasses
au pied d'oeuvres
au pied de grands arbres
au pied d'un chêne

слово *pied* приближается к значению "находящийся в самой нижней части". В то время, как аналогичное русское "у подножья" свое эмоциональное значение сохраняет.

Указанные французские обозначения на данном этапе развития языка не могут быть названы вторичными, т.к. указанные отношения не могут быть названы иначе, первичное прямое наименование утеряно, поэтому подобные наименования, не обладая никакой коннотацией, создают потенциальную возможность обозначения данного отношения другим словом, имеющим образное значение. Таким образом само забвение образности служит стимулом ее создания.

Так, появляются, например, такие синонимические пары:

le domaine de la science - la branche de la science
le commencement de la vie - l'aube de la vie
la rue principale de la ville - l'artère principale de
la ville
au centre de la ville - au coeur de la ville.

Слова, образованные по способу прямой номинации обладают нейтральным значением, которое является нерасчлененным, более общим, потерявшим конкретные семы вместе с образностью.

Так, *le domaine de la science* означает "раздел, часть, деление" науки и употребляется, в основном, в общетеоретических текстах без конкретизации значения. "*La branche de la science*" напротив, обладает значением конкретным и определенным. Т.о. различие внутри данной синонимической пары основано на разграничении общее-частное.

В другой паре "*commencement - aube de la vie*" первое обозначает "начало" в самом широком смысле, как точку отсчета. Второе же предполагает эмоциональное отношение говорящего, это "начало" предполагает наличие чего-то положительного, имеющего ценностное значение для говорящего. Т.о. различие в этой паре - это отсутствие или наличие коннотативного элемента в структуре значения. "*La rue principale de la ville*" содержит только указание на конкретный предмет действительности с указанием его места в иерархии значимостей. "*L'artère principale de la ville*" включает в свою структуру те же семы, что и первое значение, плюс сема, указывающая на функцию предмета, которая и определяет его место в иерархии значимостей. Т.о. различие состоит в отношении отсутствие-наличие выраженности функции предмета.

Четвертый пример характерен тем, что семантические структуры прямого и переносного значения абсолютно идентичны, и все словари дают их как абсолютные синонимы. Однако, они таковыми не являются, т.к. первое выражение свойственно нейтральному тексту, когда для говорящего сообщаемое не является субъективно значимым. Поэтому выражение "*au centre de*" является словом официального языка, лишенного всякого эмоционального оттенка, невозможного, например, в по-

ДОБНЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ:

- "ce bruit de feuilles qui tombent au premier pas vers le coeur sombre du jardin" [3, с.175].

- "l'intimité au coeur d'un lieu public" [3, с.67].

- "vous avez rencontré ces hommes sombres au coeur des ruelles" [3, с.67].

Т.о. различие основано на сфере употребления слова, принадлежности слов к разным функциональным стилям.

Подобные синонимические ряды существуют и в русском языке: например, "появление нового - рождение нового - ростки нового". Прямая номинация "появление нового" предполагает момент/период возникновения чего-то отличного от уже существующего без каких-либо уточнений. "Рождение нового" - это момент /реже период/ возникновения ярко выраженного нового, отличающегося от старого, а "ростки нового" - выражение, предполагающее наличие многочисленных неразвитых, не ярко выраженных, постепенных проявлений нового.

Существенно не отличаются от французских аналогичных выражений словосочетания "главная улица города - главная артерия города" или "начало жизни - заря жизни". Что же касается выражения "в центре города - в сердце города", то в них почти неуловимое во французском языке различие отсутствие/наличие личностного отношения проявляется очень ярко. Поэтому выражение "в центре России" - выражение нейтральное, возможное в любом тексте, а "в сердце России" - только в эмоционально окрашенном, с выраженной положительной оценкой тексте.

В русском языке эмоциональный элемент значения ощущается почти всегда, отводя лексему с таким знанием в разряд поэтических, возвышенных, торжественных или высокопарных.

Итак, тот факт, что прямое и косвенное обозначения существуют в языке параллельно и равноправно, предполагает наличие определенных семантических различий, поскольку равновесие абсолютных синонимов в языке не является безразличным и словесные знаки постепенно дифференцируют свои значения.

Таким образом отношения прямой и косвенной номинации можно представить таким образом:

1. Существование в языке только прямого наименования для обозначения определенных отношений.
2. Появление окказионального употребления косвенного наименования для обозначения того же отношения.
3. Параллельное существование прямого и косвенного наименований.
4. Преобладание в употреблении косвенной номинативной единицы.
5. Забвение прямого наименования и употребление только косвенного для обозначения данного отношения.

Такие отношения объясняются тем, что при естественном развитии языка существование слова с ярким образом, обозначающее обыденное, часто употребляемое понятие невозможно. Но на смену стершимся образам создаются новые употребления, и все повторяется сначала.

Изучение возможности переосмысления существующих значений и образование новых вторичных наименований является необходимым как в практическом, так и в теоретическом плане, т.к. "словесные знаки, являясь средством хранения "скрытой" в них внеязыковой информации, одновременно служат и средством языкового мышления. Поэтому значения слова постоянно вовлекаются в круговорот развития самих понятий, материализованных в словесной оболочке" [I, с.135].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды. - В кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.
2. Bréal M. Histoire des mots. - Paris, s.a.
3. Lagdon L. Le paysan de Paris. - Paris, 1953.

A. Treilons

Rīga

JAUNĀKĀS TENDENCES LIETVĀRDU-DARBĪBU NOSAUKUMU VEIDOŠANĀ ANĢĻU UN LATVIEŠU VALODĀS

Ikdienas leksika veido noteiktu sistēmu. Taču leksikas sistēma ir vaļēja, nenoslēgta, pretēji relatīvi slēgtai sistēmai gramatikā un it sevišķi fonētikā. Valodas leksika nepārtraukti attīstās, bagātinās ar jauniem vārdiem, kā pamatā ir kādu vārddarināšanas modeļu aktivitāte. Pa laikam kāds struktūras modelis kļūst derivatīvi aktīvs, pie kam, jo aktīvāks kāds struktūras modelis, jo vairāk jaundarinājumu ar to rodas. Pat vērojama zināma mijiedarbība starp valodas leksikas bagātināšanos un vārddarināšanas līdzekļu derivatīvo aktivitāti.

Iepriekšteiktais attiecināms arī uz lietvārdu grupu - darbību nosaukumiem, kas veido savstarpēji saistītu leksisku vienību kompleksu.

Rakstā aplūkotas pēdējo gadu desmitu tendences darbības nosaukumu veidošanā anġļu un latviešu valodās. Novērojumu ilustrācijai izmantoti galvenokārt piemēri no periodiskiem izdevumiem, kur, pēc autora domām, visupirms redzami jaundarinājumi valodā.

Jaunu darbības nosaukumu izveidošanās kā anġļu, tā latviešu valodās nav saistāma ar kādu pilnīgi jaunu struktūras modeļu rašanos. Ir vērojama jau kāda esošā modeļa derivatīvā aktivitāte. It sevišķi tas izpaužas sufiksācijā un salikteņu veidošanā.

Vispār zināms, ka vislielāko izplatību darbības nosaukumu veidošanā gan anġļu, gan latviešu valodā guvusi sufiksācija.

Visizplatītākais struktūras modelis abās valodās ir

V+SUF, pie kam angļu valodā darbību nosaukumos visbiežāk sastopamie sufiksi ir -ion/, -tion, -ation/ un -ing, bet latviešu valodā - izskaņa -šana. Ar sufiksu -in angļu valodā un izskaņu -šana latviešu valodā potenciāli iespējams atvasināt darbību nosaukumus no jebkura verba infinitīva celma.

Pēdējā laikā angļu valodā augstu derivatīvo aktivitāti uzrāda sufikss -ation [8, 103.lpp.]. Ir sastopami neskaitāmi jaundi atvasināti darbību nosaukumi ar sufiksu -ation.

"... changes in the Labor Act to make unionization of all workers easier." [Canadian Tribune, 1979, 1979,5 March]

"Communists condemn privrtization of food research and development." [Canadian Tribune, 1979,5 March]

Iespējams konstatēt, ka lielāko tiešu tieši no darbības vārdiem ar sufiksu -ize saistībā ar lietvārdu sufiksu -ation atvasināti jauni darbību nosaukumi.

Bet gan verbālais sufikss -ize, gan sufikss -ion /-tion, -ation/ abstraktu lietvārdu darināšanai uzrāda augstu produktivitāti mūsdienu angļu valodā /9,c.81; 12,c.25/.

Zināms, ka viens no spēcīgākajiem valodas pārmaiņu faktoriem ir pārvērtības reālajā īstenībā. Tieši sociālo (ārējo) apstākļu ietekme ir viens no iemesliem, lai rastos jauni darbību nosaukumi pēc struktūras modeļa V -ize + SUP -ation.

Piemēram, tā radies vārds "Canadianization":

"The forces ranging on both sides of Petrocan objectively reflect two contending lines - one is the line of Canadianization of energy resources..."

[Canadian Tribune, 1979, 2 October]

Domājams, ka vārds "Canadianization" radies pretrunu saasināšanās rezultātā starp Kanādu un ASV, lai izteiktu jēdzienu, ka Kanādai nepieciešams saglabāt neatkarību un izsargāties no ASV iejaukšanās tās iekšējās lietās. Līdzīgā veidā arī izveidojušies tādi vārdi, kā "Americanization" /19.gs. sākumā/, "Africanization" /19.gs. vidū/, kā arī

"Vietnamization" /20.gs.vidū/ u.c. "Americanization" jau iezēmis stabilu vietu angļu valodas vārdu krājumā, kļuvis pat polisemantisks ar pamatnozīmi "piešķirt specifiski amerikāniskas īpašības" un kalpo par paraugu līdzīga rakstura jaunvārdu darināšanā.

Vārds "Vietnamization" radās, kad Vjetnamā plosījās ASV izraisītais agresīvais karš, kā pretstats amerikanizācijas politikai Vjetnamas neatkarības un vienotības saglabāšanai un stiprināšanai.

Faktu materiāls ļauj izteikt domu, ka substantīvais sufikss -ation saistībā ar verbālo sufiksu -ize ir derivatīvi aktīva darbību nosaukumu darināšanā mūsdienu angļu valodā.

Latviešu valodā vērojama tendence lietot struktūras modeli ar derivatīvo galotni -e /rētāk ar -a, -g/ un līdzskaitļiem piedēkļiem deverbālo substantīvu ar izskaņu -šana vietā [7, 166.lpp.].

Piemēram,

- izpēte [Padomju Jaunatne, 1979, 13.III],
- iedarbe [Zvaigzne, 1979, Nr.19],
- apstrāde [Zvaigzne, 1979, Nr.19],
- izklaide [Liesma, 1979, Nr.11],
- atraise [Literatūra un māksla, 1979, 20.IV],
- augsme [Literatūra un māksla, 1979, 23.XI],
- vēlme [Padomju Jaunatne, 1978, 17.X].

Interesanti atzīmēt, ka ar derivatīvo galotni -e darinātie darbību nosaukumi lielāko tiesu atvasināti no piedēkļa verbu celmiem.

/Ir atsevišķi gadījumi, kur šī tendence vērojama arī saliktepos, piemēram, atkalredze/.

Visumā šeit varam novērot struktūras modeļa V + SUF -šana- aizstāšanu ar V + SUF -e.

- /izvērtēšana - izvērte,
- apbūvēšana - apbūve, u.c./.

Taču šie deverbālie substantīvi bieži vien kā sinonīmi aizstājami ar sufiksa -šana- darinājumiem [7, 111.lpp.]. Tas attiecināms arī uz minētajiem piemēriem.

Šajā struktūras modeļa aizstāšanā vērojama vārdādarināšanas līdzekļu ekonomiskuma izpausme, kas saskatāma vārdu zilbju skaita samazināšanā [4, 12.lpp.].

Bet jāpiebilst, ka ne mazāk svarīgs iemesls atsevišķos gadījumos ir komunikācijas precizitātes nodrošināšana, tieksme padarīt valodu daiļskanīgāku [4, 12.lpp.], kā arī cenšanās novērst stila smagnējību, izvairoties no šana vārdu sablīvējumiem.

Bieži vien, lai precizētu jēdziena nozīmi, viens verba celms kalpo par pamatu vairāku darbību nosaukumu atvasināšanai. Tā, piemēram, viena raksta ietvaros sastopami vārdi "ietiece" un "satiece", kas darināti no verba "tiekties" celma.

"...palīdzēt viņam (skatītājam) .. izprast... jaunrades meklējumu ietieces, attīstības virzību.. "

[Padomju Jaunatne, 1979, 29.III]

"Jautājums par nozares, veida, žanra norobežošanu kļūst aktuāls un reizē apvēršas savā pretmetā - ir jārunā par satieci" [Padomju Jaunatne, 1979, 28.III]

Redzam, ka no jaundarinājuma "ietiece" pēc analogijas atvasināts vārds "satiece".

Līdzīga aina vērojama ar verba "strādāt" celmu. No tā izveidojusies vesela grupa darbību nosaukumu - "izstrāde", "apstrāde", "iestrāde", lai attiecīgajā gadījumā panāktu lielāku precizitāti komunikācijas procesā.

Tieksme padarīt valodu daiļskanīgāku saistāma ar tādu poētiskas nokrāsas darbību nosaukumu ieviešanu un izplatību kā - augšme, steigsme, vēlme, vēle, apgūsme u.c.

Piemēram: "... sievietē kā pastāvīga augšmes sekmētāja vienmēr spēj būtiskāk ietekmēt jaunās paaudzes ētisko kodolu" [J.Liepiņš. Kāpēc, kāpēc? - Literatūra un Māksla, 1979, 23.XI].

"Jāizžina savas vēlmes un tad jāvērtē tikai jomā, kura patīk" [Literatūra un Māksla, 1979, 2.III].

Lai gan pēc savas izcelsmes šie vārdi kvalificējami kā poētiski, taigad tie ieņem aizvien stabilāku vietu visā valodā un lietojami ekspresīvi neitrāla satura izteikšanai.

Par poētismu statusa zaudēšanu liecina arī tas, ka šie jaundarinājumi bieži lietojami līdzās vārdu neitrāliem variantiem.

Piemērom: "Tas samazina pasīvo vārdu krājumu, atviegļina valodas apguvi." [Padomju Jaunatne, 1979, 14. III].

"Jautājums par esošo jēdzienu ietvaru paplašināšanos, par to jauna satura apguvsmi ir īpašs temats.." [Padomju Jaunatne, 1979, 28. III].

Kā viena no spilgtākajām tendencēm jaunu darbības nosaukumu atvasināšanā kā angļu, tā arī latviešu valodā mināma saliktoņu veidošana.

Saliktoņu veidošanu mūsdienu angļu valodā uzskata par vienu no visproduktīvākajiem vārddarināšanas veidiem [10, 18. lpp.; 12, 27. lpp.].

Tā pēdējā laikā angļu valodā aizvien lielāku izplatību gūst derivatīvais modelis V + Adv [6, 3. lpp.].

Piemēram: "This week's Tory cut .. signalled the rundown of all the youth employment programmes" [Morning Star, 1979, 16 June].

"It would lead to the break-up of the design and technical staff" [Morning Star, 1979, 16 June].

Šis struktūras modelis darbību nosaukumu veidošanā gūst sevišķu izplatību, sākot ar 20. gs. 60. gadu vidū [3, 145-146. lpp.].

Nereti vērojams, ka šī struktūras modeļa otrais komponents pat iegūst sufiksa (vai daļēja sufiksa) statusu, kā tas noticis ar elementu -in vārdos, kas atvasināti pēc analogijas - sit-in, teach-in, work-in u.c. [11, 78-80. lpp.].

Ne mazāk izplatīts struktūras modelis darbību nosaukumu darīnāšanā mūsdienu angļu valodā ir N + N -ing:

"The wall-raising job could be completed in a year" [Morning Star, 1979, 21 May].

"This adventure in map-drawing and blood-letting got the green light in Washington during Deng Xiaoping's visit to the USA" [Canadian Tribune, 1979, 5 March].

Kā redzams, šī struktūras modeļa otrais komponents ir -ing lietvārds, un, tieši pateicoties sufixa -ing ārkārtīgi augstai produktivitātei, šis struktūras modelis ir derivatīvi aktīvs.

Šeit var piebilst, ka darbību nosaukumi, atvasināti ar sufixu -ing, aizvien biežāk tiek lietoti paralēli ar citiem sufixāli veidotiem darbību nosaukumiem.

Piemēram: "... the British Columbia Peace Council which this year marks the 30th anniversary of its founding" [Canadian Tribune, 1979, 5 March].

(Vārds "foundation" aizstāts ar -ing lietvārdu "founding").

Arī latviešu valodā arvien biežāk jauni darbības nosaukumi rodas salikteņu formā. Šo jaundarinājumu rašanās pamatā ir izteiksmes ērtuma ievērošana, kas ir viens no faktoriem, kā atzīmē L.Ceplītis, jaunu nosaukumu veidošanā [2, 20.lpp.].

Nereti saliktenis šķiet ērtāks par vārdkopu un padara izteiksmi daiļskanīgāku. Piemēram, tā vietā, lai teiktu "teksta veidošana", lietots saliktenis "tekstveide" [Latviešu valodas kultūras jautājumi, -R., 1978, 14.laidiens].

Ir gadījumi, kad vērojama vienkārša vārdu celmu saplūšana salikteni ar nepārveidotu morfoloģisko formu, piemēram,

atkalatdzimšana [Padomju Jaunatne, 1979, 8.VII],
tālākattīstība [Cīņa, 1979, 14.VII],
darbotiesalkas [Padomju Jaunatne, 1979, 4.XII].

Arī mūsdienu angļu valodā pastiprinās šī tendence, kā rezultātā salikteni ar daļiņi aizstāj saliktenis koprakatījumā. Tas sevišķi raksturīgs modelim V + Adv, piemēram,

rundown [Morning Star, 1979, 16 June].
breakthrough [Canadian Tribune, 1979, 5 March].

takeover [Morning Star, 1979, 2 June].

Bet sastopama ir arī otra grupa salikteņu, kuriem pirmais komponents ir reducēts, piemēram,

koplietošana [Padomju Jaunatne, 1979, 13.III],

kopeksistence [Padomju Jaunatne, 1979, 12.VI],

koptvērums [Padomju Jaunatne, 1979, 28.II].

Šī tendence mazāk raksturīga angļu valodas salikteņiem. Tādējādi mūsdienās gan angļu, gan latviešu valodā vērojamas tendences jaunu darbību nosaukumu atvasināšanā kā ar sufiksu (vai sufiksālo galotņu) palīdzību, tā arī, veidojot salikteņus.

Taču raksts nepretendē uz vispusīgu jautājuma izklāstu, bet sniedz tikai vispārīgus novērojumus par jaunākajām tendencēm darbības nosaukumu veidošanā un var noderēt par pamatu dziļākai jautājuma izpētei.

LITERATŪRAS SARAKSTS

1. Baltiņa M. Deverbālo substantīvu ar -šana produktivitātes cēloņi. - Latv.PSR ZA Vēstis, R., 1975, Nr.10.
2. Cepītis L. Latviešu valodas stāvoklis un attīstība mūsdienās. - Grām.: Latviešu valodas kultūras jautājumi. R., 1978.
3. Foster B. The Changing English Language. - London, 1969.
4. Karulis K. Daži valodas attīstības plānošanas jautājumi. - Grām.: Latviešu valodas kultūras jautājumi. R., 1975.
5. Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. R., 1959. I d.
6. Raškevičs J. Verb-Adverb Nouns in Modern English. - В кн.: Вопросы английской филологии. Р., 1969.
7. Soida E. Galotnes derivatīvās funkcijas latviešu valodā. - Latv.PSR ZA Vēstis, R., 1977, Nr.2.
8. Treilons A. Lietvārdu sufiksu izplatība angļu valodā. - В кн.: Вопросы английской филологии. Р., 1973.

9. Карацук П.М. Словообразование английского языка. - М., 1977.
10. Мешков О.Д. Пополнение словарного состава английского языка путем словосложения в 60-70-е годы XX века. - Иностранные языки в школе, 1975, № 2.
11. Рашкевич Я.К. Роль аналогии при образовании существительных типа work-in в современном английском языке. - В кн.: Инновации на разных языковых уровнях. Р., 1978.
12. Царев П.В. О некоторых активных словообразовательных моделях современного английского языка. - Иностранные языки в школе, 1976, № 5.

Б.Э.Узля
Рига

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРИРОДЫ.

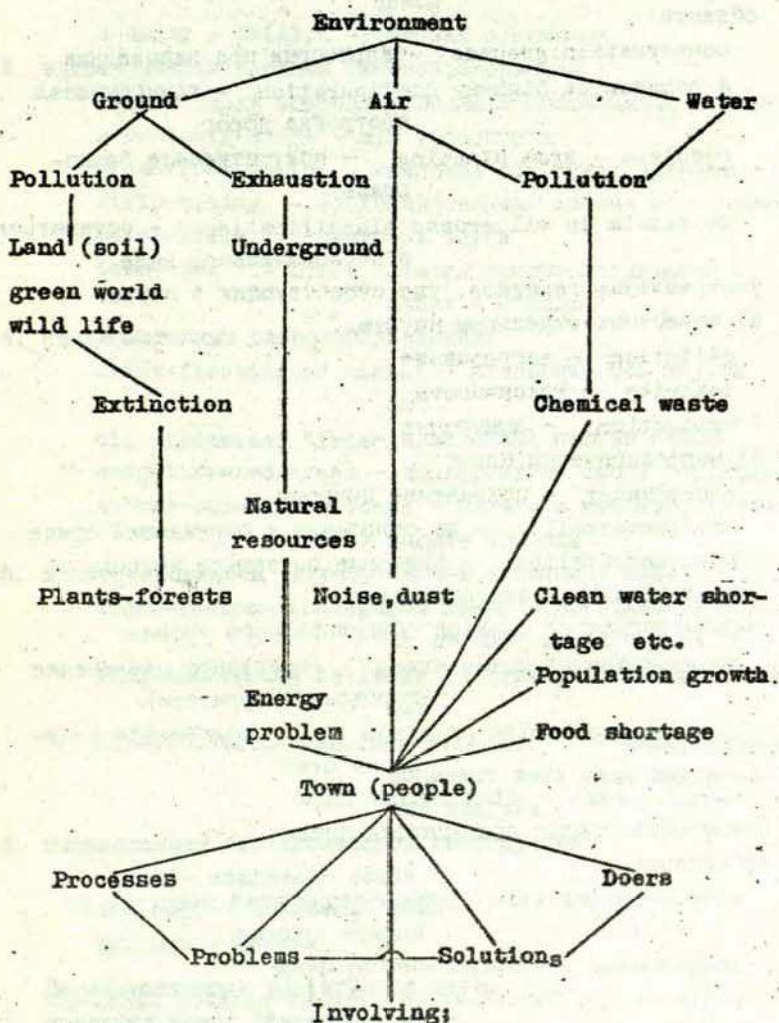
Мы полагаем, что понятие защиты природы не может быть сведено к перечню газетной терминологии или полностью отнесено к экологии, т.е. разделу биологии как науки, поскольку это понятие включает деятельность разных наук и сложную систему различных аспектов взаимоотношений человека и окружающей среды.

Чтобы дать более отчетливое представление о предмете наших исследований, мы попытаемся графически изобразить главные проблемы, факторы и категории, которые составляют понятие защиты природы (см. Таблицу).

Главным материалом для анализа послужили подборки газеты "Moscow news" за 1977 - 79 г., периодического издания США "Audubon" за те же годы и периодического издания Великобритании "Connections" за те же годы, посвященных проблемам окружающей среды.

Из этих источников было отобрано более 500 языковых единиц, непосредственно имеющих отношение к защите природы. Нас интересовала морфологическая структура, синтаксическая организация и контекстуальная актуализация лексических инноваций, составляющих понятие защиты природы.

Nature protection (conservation)

Involving;
ecology, botany, zoology, geology, chemistry, agricul-
tural sciences, economy, law, pedagogy, psychology,
art, public opinion

Были выявлены два процесса лексических инноваций:
терминологизация и деспециализация.

Было отмечено три вида терминологизации:

I. Употребление общенаучных терминов для нужд новой области:

- conservation grounds - территории под заповедник
- a compromise highway configuration - компромиссная постройка дорог
- roadless - area planning - искусственное бездорожье
- to remain in wilderness classification - оставаться в первоначальном виде

2. употребление терминов, уже существующих в науке:

а) известных отдельным наукам:

- pollution - загрязнение
- toxicity - токсичность
- extinction - вымирание

б) морфологически новых:

- conservancy - сохранение природы
- environmentally - по отношению к окружающей среде
- environmentalism - движение по защите природы
- ecologically - экологически

3. терминологизация словаря общесловарного уровня:

- re-greening of urban areas - повторное озеленение городских территорий
- remnant population of birds - оставшаяся популяция птиц
- nature park - ландшафтный парк

Новые образования достигаются путем

I. аффиксации:

- environmentalistic - характеризующий действия по защите природы
- conservancy - сохранение природы
- mediator - посредник, помогающий уладить экологические проблемы
- clubber - сторонник защиты природы
- birder - наблюдатель за птицами
- overhunting - слишком большой отлов зверей
- disrepair - плохое состояние очистительных систем

2. конверсии:

a site - to site an oil refinery - правильно расположить нефтеперерабатывающий завод

a daisy - daisied - усеянная ромашками

3. идиоматически сложным словообразованием:

oil - hungry economy - экономика нуждающаяся в нефти

race-track noise - шум транспорта

grass-root action - кампания по защите природы

strip-mining - бесхозяйственная добыча ископаемых

noise-killer - глушитель звука

town-user - птица, которая приспосабливается к жизни в городе

4. неидиоматичным словообразованием:

drift-floating of timber - плавающий без пользы лес

oil - blackened birds - измазанные нефтью птицы

smog-infested areas - подвергнутые смогу территории

nature-oriented writers - писатели, имеющие отношение к защите природы

5. конструированием атрибутивно-комплексных слов:

close-to-home recreation areas - находящиеся близко от дома места отдыха

fill-and-dredge attitude - бесхозяйственное отношение

air-pollution-conscious friends - люди, которые понимают весь ужас загрязнения воздуха

6. образованием синтаксической конструкции:

ripoff - обеднение земли

stripoff - обеднение земли

fallout - осадки

Деспециализация достигается путем

1. создания новых фразеологизмов:

to go bird watching - заниматься наблюдением птиц

2. создания устойчивых атрибутивных словосочетаний:

the lungs of the earth - лёгкие земли

3. сохранения свободного словосочетания:

conservation clubbers - сторонники защиты природы

4. использования терминов в переносном смысле:

eroding of town's youth - порча городской молодежи

Явления терминологизации и деспециализации характеризуются богатством синонимов, поиском новых обозначений для новых явлений:

preserve - заповедник

reserve - резерват

sanctuary - заповедник для птиц

nature park - ландшафтный парк

national park - национальный парк

Надо отметить, что с развитием общественной заинтересованности в процессе выявления проблем и поисков их решений процесс терминологизации ускоряется и усиливается. Так, например, уже реже употребляется термин "nature preservation". Вместо него мы имеем "conservation". Такой термин, как "environmentalist" не просто переводится, а описывается, что свойственно научной литературе.

Предлагаем ряд примеров, лингвистически отражающих процессы, происходящие в образовании новых языковых явлений в данной области:

N(V,A)+tion

fossilization (of the country side) - сохранение в первоначальном виде

mediation - посредничество между организациями, занимающимися защитой природы

spoliation (of the coast line) - калеченье природы

uglification (of land) - калеченье природы

Adv. +ing

overhunting - слишком большой отлов зверей

overgrazing - позволение скоту (овцам) объедать траву и портить почву

N+ing

monitoring - контроль за экологическими явлениями и деятельностью человека

N+or (er)

mediator - посредник, помогающий уладить экологические проблемы,

birder -наблюдатель за птицами
clubber -сторонник защиты природы
flooder -сторонник искусственного наводнения
 земель, создания водохранилищ
boater -водный турист
caravaner -моторизованный турист
improverisher -обеднитель почвы

non+(-)(A)N

non-smoggy (area) -не подверженная смогу
non-waste (tehnology) -производство без отходов
non-game (species) -не подвергающийся отлову

anti-N

anti-litter (groups) -люди, занимающиеся убор-
кой мусора на природе,
anti-environmentalist -лицо, выступающее против
мероприятий по защите природы,

sub+(u)topia

subtopia -плохо планированные и безликие городские
и сельские местности

N - A

a daisy - daisied (grass) -усеянная ромашками
an island - islanded (pedestrians) -окруженные
транспортом
a site - to site (an oil refinery) -правильно рас-
положить нефтеперерабатывающий завод
marshal - to marshal (public opinion) -повлиять на

N - V

oil - oiled (birds) -оперение птиц, покрытое нефтью,

N + N

woodland - лесные территории
mountainsides -горные склоны
scrubland - места, покрытые кустарником,
parkland - земли под парк
racetrack - дороги со сверхжизненным движением
outfalls - осадки (химические)
downland - земля - нижняя ее застройка по сравнению
с гигантскими индустриальными сооружениями

N+(-)N

life-line - век отдельной птицы
flue-gasses - дымовые газы

noise-killer - глушитель звука

town-user - птица, которая приспосабливается к жизни в городе

noise-map - шумовая карта города

oil-spill - расплыв нефти на воде

grass-root (action) - кампания по защите природы

N-Verbal N

drift-floating - плавающий без пользы лес

cancer-causing - вызывающий рак

strip-mining - бесхозяйственная добыча ископаемых

plume-hunting - охота за перьями

hedge-uprooting - корчевание живых изгородей

N-A

wind-carried (pollutants) - принесенные ветром

oil-blackened (birds) - измазанные нефтью

oil-hungry (economy) - экономика, нуждающаяся в нефти

oil-fowled (water) - загрязненная нефтью

bird-borne (seeds) - разносимые птицами

smog-infested (area) - подвергнутая смогу

A-N

high-rise (block) - небоскреб

N-prep.

muscling-in - овладение участком силой (у животных)

clean-up (of water) - очистка воды

head-on (conflict) - развивающийся конфликт

A-prep.

mucked-about land - земля загаженная

locked-up (resources) - труднодоступные ископаемые

V+prep.

runoff - утечка (нефти)

ripoff - обеднение земли

stripoff - обеднение земли

N-pron.-adv.-aux.

England-that-never-was before - такой, какой (в смысле окружающей среды) Англия никогда не была

N-N-A

air-pollution-conscious friends - люди, которые понимают весь ужас загрязнения воздуха

- A-to-N-N
close-to-home-recreation facilities - находящиеся
 близко от дома места отдыха
- V-art.-N
plant-a-tree scheme (expedition) - программа по
 посадке деревьев
- V-conj.-V
dredge-and-fill activities - мероприятия по не-
 координированной системе
- V-it-conj.-V-it
use-it-and-leave-it - бесхозяйственное отношение
 к природе
- adv.-conj.-adv.
up-and-down expanses of bushes - заросли запушен-
 ного кустарника
- conj.-adv.-A
as-yet-unnamed ecological approach - экологический
 подход, еще не имеющий точного названия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кияк Т.Р. Оценка степени мотивированности терминологи-
ческой лексики: Автореф. дис. на соиск. учен. степени
канд. филол. наук. - Львов, 1977.
2. Леонтьева Н.М. Особенности словообразования в газетно-
политическом тексте. - М., 1976.
3. Разинкина Н.М. Развитие языка английской научной лите-
ратуры. - М., 1978.
4. Текстология английской научной речи. - М., 1978.
5. Шувалова Ю.В. Политическая фразеология в американском
варианте английского языка: Автореф. дис. на соиск.
учен. степени канд. филол. наук. - М., 1978.
6. Audubon (USA magazine of National Audubon Society of
Nature protection). (1977-79).
7. Connections. Harmondsworth, (1977-79).
8. Conservation Directory. - Washington, 1972.

К ТИПОЛОГИИ СОКРАЩЕННЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

(НА МАТЕРИАЛЕ НОВЫХ СЛОВ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Самыми мощными источниками удовлетворения потребности в новых наименованиях, отражающих развитие различных сфер человеческой деятельности, выступают внутрисистемные средства, реализующие потенции, заложенные в самой лексической системе языка — средства продуктивного словообразования и словотворчества. Анализ лексических инноваций указывает на неуклонный рост сокращенных единиц разного рода как на одну из характерных черт словотворчества в современном английском языке.

Научно-техническая революция и бурный поток информации связаны с усложнением обслуживающей их лексики и терминологии, что находит свое отражение в количественном перевесе среди инноваций сложных слов, нередко громоздких описательных наименований и терминологических словосочетаний. В этой связи получает особое развитие тенденция к повышению коммуникативной ценности речевого сообщения, тенденция к концентрированию информации при номинировании новых объектов, явлений и отношений, к увеличению объема информации, передаваемого в единицу времени, а вместе с ней универсальная тенденция к преодолению семантической расчлененности полного наименования, к конденсации семантически полной расчлененной формы, создание цельнооформленного слова там, где раньше было лишь описание явлений (1). На сильную тенденцию к замене первоначально расчлененной формы обозначения единого понятия, предмета нерасчлененной в славянских языках указывает и А.В.Исаченко. Он утверждает, что "утрата формальной и семантической расчлененности наименований является одним из основных законов развития лексики вообще. История каждого слова — это история его перехода из разряда "мотивированных слов-описаний" в разряд "немотивированных слов-знаков" (2). Именно с этим "принципом наименьшего усилия

или законом экономии речевых средств" (3) связан значительный рост количества сокращений за последние десятилетия. Анализ и сопоставление сокращений, зафиксированных в приложениях к "Webster's Third New International Dictionary", 1965 года и "6000 New Words", 1976 года подтверждает факт роста сокращений разного рода. Если в адденде 1965 г. количество сокращений составляло 8,62% всех новых единиц, то в адденде 1976 г., т.е. за одно десятилетие, оно возросло до 10,77%.

Проблемам сокращений посвящено немало исследований, но несмотря на это до сих пор остается много неясного. Одной из основных проблем остается проблема степени словности сокращений. Эта проблема связана, с одной стороны, с вопросами вариативности слова, а с другой, — с разграничением целостных единиц словарного состава слов- и односторонних графических представлений разных единиц — слов, сочетаний слов, синтаксических комплексов и т.д. Необходимость решения вопроса о статусе словности сокращений особенно остро ощущается в тех случаях, когда сокращения являются результатом конденсации словосочетаний и разного рода многословных образований. Исследование тех лингвистических условий, при которых многочисленные графические сокращения могут приобретать статус слова, дали бы возможность вскрыть лингвистический механизм создания новых сокращенных лексических единиц (СЛЕ) на базе многословных образований.

В имеющихся работах до сих пор нет и последовательно проведенной на основе единых принципов классификации структурно-семантических типов СЛЕ. Крайне скудно разработан лексико-семантический аспект СЛЕ, их семантические отношения с другими лексическими единицами, закономерности их семантического развития и функционирования.

В данной статье мы остановимся только на некоторых типах СЛЕ, на тех, которые представляют собой самостоятельные лексические единицы, являющиеся результатом преобразования словосочетаний и многословных образований в отдельное слово. Материалом статьи послужили 695 СЛЕ, отобранные из 1036 сокращений, зафиксированных в словаре новых слов Барнхардта и

в двух приложениях к словарю Вебстера [4].

Разнообразный характер СЛЕ вызывает большие затруднения выделения их основных типов и разработки принципов их классификации. СЛЕ многоаспектны и, таким образом, могут быть выделены разные типы аббревиатур по отношению каждого из этих аспектов. Поэтому одной общей типологии для данного многоаспектного явления построить невозможно, она отразит лишь одну сторону объекта. Следовательно, как отмечает В.Г.Гак: "первой задачей типологического анализа является установление 'типологии типологией', т.е. определение тех разнообразных типологических описаний, которые можно создать в отношении данного объекта и которые непосредственным образом вытекают из его природы, отражая его различные стороны" (5).

В качестве таких параметров типологии СЛЕ могут быть выделены:

I. Форма СЛЕ. Данный принцип включает рассмотрение таких сторон-структуры этих слов как:

- а) фоно-силлабическую структуру единицы,
- б) графическую форму СЛЕ;
- в) морфологическую и деривационную структуру СЛЕ.

Рассмотрение деривационной структуры связано и с характером взаимодействия сокращений с различными способами словообразования и деривационными потенциалами СЛЕ.

II. Источник и способ сокращения. Строение аббревиатур зависит как от состава исходной единицы, так и от того, какие компоненты сохраняются в составе СЛЕ, и в каком виде. Совершенно очевидно, что характер сокращения связан и с первым принципом, в частности, с фоно-силлабической и графической формой новой единицы.

III. Семантика СЛЕ, включающая рассмотрение не только характера смысловой структуры новой единицы и степени ее мотивированности, т.е. семантических связей с исходными единицами, но также и те семантические отношения, которые эта новая единица устанавливает в лексико-семантической системе языка.

В данной статье мы остановимся только на двух аспектах: на фоно-силлабической форме аббревиатур и на источни-

ке и способе сокращения.

Анализ инноваций, показывающий основные тенденции развития этого класса лексических единиц и сферы наиболее активного их использования, позволяет сделать вывод, что аббревиации вопреки высказываемому мнению некоторых исследователей подвергаются не только именным и атрибутивно-именным словосочетаниям, хотя они и составляют основную массу единиц, подвергающихся сокращению, но также и сочетания иного характера — причастные обороты, части предложений, целые эллиптические предложения, как например, NIMBAR [ˈnɪm,bɑːr] <No Independence Before Majority African Rule, GRAS [grɑːs] <Generally recognized as safe; rejase [rɪˈdʒeɪs] <reuse junk as something else; МПА [ˈemɑɪeɪ] <missing in action.

Сокращение выступает не только как способ конденсации уже имеющихся наименований, но и как непосредственный способ словотворчества, как номинация новой единицы, образуемой из подвергаемых сокращению слов, обозначающих существенные характеристики новых объектов действительности, т.е. не имеющих в языке соотносительных и самостоятельно функционирующих словосочетаний, как например, heliport, образованный на основе helicopter + airport при сокращении и того и другого компонента, такого же рода СЛЕ являются fido [ˈfɑɪdo] <freaks, irregularities, defects, oddities, выступающее как термин нумизматики, обозначающий монету с изъянами чеканки; СЛЕ, обозначающие названия лекарств, химических веществ, например, DDVP [ˌdiːdiːˈviːˈpiː] < dimethyl + dichlor + vinyl + phosphate = an insecticide; phenelzine [ˈfenəˌzɪn] = phenyl + ethyl + hydrazine * an antidepressant drug; picloram [ˈpɪkləˌræm] <picoline + chlorine + amine = a systemic herbicide и т.п.

Рассмотрение фоносиллабической структуры аббревиаций позволяет выделить 3 основных класса:

I. Фонетический облик аббревиации ничем не отличается от обычных слов современного английского, т.е. это слова, образующие обычную акцентную и слоговую структуру. Как

правило, это одно-двуслоговые образования, графически образующиеся из соединения соответствующих буквенных сочетаний, которые мы назовем слоговыми аббревиатурами. Например, MOBS [mɒbz], Fortran [ˈfɔːr, træn], GEM [dʒem], ASP [æsp], ALGOL [ˈælgəʊl], satcom [ˈsæt, kəm], Syncom [ˈsɪn kəm]; carcom [ˈkær, kəm], sci-fi [ˈsaɪ ˈfaɪ]

Слова этого типа образуют значительное количество омонимов, однако при этом графическая форма СЛЕ и не пересекающиеся сферы функционирования способствуют их разграничению.

2. Многочисленный класс аббревиаций, которые характеризуются многослоговой структурой, в котором, однако, строение самого слога не соотносено с буквенными сочетаниями, и соответствуют алфавитному чтению каждой буквы СЛЕ, таким образом каждая буква составляет слог. Такие аббревиатуры, назовем их алфавитизмами, приобретают несколько необычную звуковую форму и неповторимые слоговые соединения, отличающая они и своей акцентной структурой, например ASP [ˈeɪtsˈpɪː], KJ [ˈkjuː ˈtɪː], LSD [ˈelˈes ˈdiː], UDI [ˈjuː ˈdiː ˈaɪ], DI [ˈdiː ˈdiː ˈiː] и др.

3. Третья - алфавитно-слоговая группа СЛЕ, звуковая структура которых образуется соединением алфавитного чтения одного или двух букв и слога, который соответствует остальной буквенной цепочке, как правило, алфавитное чтение сохраняется за буквой, которая мешает образованию слога, например: BMEWS [ˈbrːmjuːz], VIOL [ˈviː ˈtoʊl], MACV [ˈmæ kˈviː], COMMUSMACV [ˈkɒm ʌs ˈmæ kˈviː].

Рассмотрение СЛЕ по другому принципу с точки зрения сохранения в их структуре компонентов исходной единицы позволяет выделить несколько типов аббревиатур, которые обнаруживают связи с тремя типами их фоно-силлабической структуры. Типы сокращения и сохранения тех или иных компонентов связаны и со степенью мотивации СЛЕ и с типом семантических связей с исходными словосочетаниями.

По способу сокращения можно выделить 4 типа аббревиации: первые два типа (А и Б) связаны с полным ощущением одного из компонентов, типы В и Г, сохраняя все компоненты

исходной единицы, связаны с сокращением каждого из них.

Тип А составляют такие единицы, которые являются результатом опущения одного или нескольких полных компонентов исходного словосочетания без каких-либо формальных изменений оставшегося слова. Этот тип скорее представляет собой чистый случай эллипсиса. В результате такого сокращения мы получаем слово, не несущее никаких следов сокращения, но семантически оказывающееся равным словосочетанию, например, shuttle < space shuttle, window < launch window, rover <

Lunar rover и т.п. Получаемые в результате эллипсиса единицы в ряде случаев подвергаются лексико-грамматической перестройке, как например, в случае nuclear < nuclear weapon, creative < a creative person, psychedelic < a psychedelic drug, pop < popart, preteen < a preteen child. Эллипсис, по-видимому, является результатом информативной избыточности одного или нескольких членов словосочетания в результате роста частотности употребления словосочетания. Сохраняется, как правило, слово, несущее основную семантическую нагрузку и не обязательно структурное ядро словосочетания.

Тип Б также связан с тем, что некоторые члены словосочетания полностью опускаются, однако оставшееся слово само подвергается различного вида сокращению:

а) остающийся компонент словосочетания, чаще всего первый, сам подвергается сокращению, как правило, до одного слога и таким образом по фоносиллабическому характеру соотносится со слоговым типом аббревиатур (I). Например: Fed [fed] < the Federal government, amp[ɔmp] < amplified guitar, narc [nɑ:rk] < narcotic agent, mash [mæʃ] < mashed potatoes, resid [rɪ'zɪd] < residual oil, radial ['rædɪəl] < radial-ply tire, Jag [dʒæŋ] < Jaguar sports car.

Все СЛЕ этого подтипа, таким образом, по своей деривационной структуре, простые слова, образующие нередко новые корневые морфемы.

б) оставшиеся несколько компонентов образуют соединение полного слова с сокращением. Граница сокращения проходит чаще всего на морфемном шве и, таким образом, совпада-

ет и со слоговым делением. Интересно отметить, что в случае непростой морфемнодеривационной структуры сокращаемого слова префикс, радикалоид и первый компонент сложного слова, несущий семантически дифференциальную функцию, чаще всего сохраняется, как например, в *stereotape* < *stereophonic magnetic tape*, *autochanger* < *an automatic record changer*.

Интересны случаи повторных сокращений, как например, в *superjet*, где *jet* сам является результатом сокращения *jet aircraft*. СЛЕ этой подгруппы чаще всего представляют собой сложные слова.

в) малочисленная, но наиболее сложная группа аббревиатур этого типа образуется опущением тематического ядра словосочетания, оставшиеся определительные компоненты принимают на себя семантическую функцию опущенного слова. В отличие от вышеописанных случаев сокращение проходит независимо от морфемного и слогового строения слова. Например: *dala-* < *di-alpha-chlor propionic acid*, *levallorphan* < *lev-N-* < *lyl - 3 hydroxylmorphinan bitartrate*, *picloram* < *am-* < *trichloropicolinic acid*. Выбор букв, по-видимому, диктуется возможностью построения слога.

Тип В и Г отличаются от А и Б, как мы уже указывали, тем, что в их составе сохраняются все компоненты исходной единицы, однако форма их представленности в новой словарной единице различна.

Тип В интересен тем, что во всех подгруппах полностью сохраняется одно из слов исходного словосочетания, чем чаще всего, обеспечивается семантическая связь нового слова и исходного словосочетания: таким образом все СЛЕ этого типа представляют собой частичные сокращения, образующие своеобразную группу сложных слов.

а) СЛЕ, в которых сокращению до инициальной буквы, которая произносится по своему алфавитному чтению (т.е. образует слог), подвергается первый компонент, второй - структурно-семантическое ядро словосочетания остается без изменений, например L - *Dopa* [*e'l'dou pə*] < *levorotatory + dopa*, K - *mesic* [*'kei, mesik*] < *Kaomic mesic*, Q - *switch* [*'kju: 'switʃ*]

< quantum switch, T - lymphocyte ['tɪ: 'lɪmfə, sɪt] < thymus - derived lymphocyte.

б) СЛЕ в этой подгруппе полностью сохраняют чаще всего тематическое ядро словосочетания. Первый компонент подвергается сокращению до одного слога, как в lognormal < logarithm + normal, Eurobond < Europe + bond, repunit < repeating unit.

Сокращению может подвергнуться и ядро, особенно в случае многоморфемной структуры, например, masscult < mass culture, skylab < sky laboratory, lunarnaut < lunar + astronaut, datamation < data + automation, workfare < work welfare.

Графическая форма аббревиатур этого типа в отличие от первой подгруппы ничем их не выделяет и таким образом вся аббревиатура естественно воспринимается как обычное слово.

Тип Г характеризуется тем, что все компоненты исходной единицы представлены в СЛЕ и все подвергаются сокращению. В этом типе выделяются три группы:

а) Все компоненты исходной единицы сокращены до инициальной буквы. Это очень многочисленная группа СЛЕ, нередко называемая инициальными. По характеру звуковой структуры они представлены в основном двумя типами: 1) слоговым, т.е. когда буквенная цепочка образует слог, например FOBS [fɔbz] < Fractional Orbital Bombardment System, PERT [pɜ:t] < Program Evaluation and Review Technique, GEM [dʒem] < Ground Effect Machine, MORV [mɔ:rv] < Multiple Independently-targeted Reentry Vehicles и т.п.

2) алфавитизмами, напр. BAL [br'eɪ, e] < basic assembly language, RV [r'vɪ:] < reentry vehicle, IC [ɪ'sɪ:] < integrated circuit, RPG [r'pɪ: dʒɪ:] < report program generator, SST [es'es 'tɪ:] < supersonic transport, STP [es'tɪ: pɪ:] < psychodobe drug, BCD [bi:si:'di:] < binary coded decimal.

Аббревиатуры этой группы характеризуются особой графической формой, они чаще всего состоят из заглавных букв.

Эта неоднородная группа новых единиц, занимающих промежуточное положение - слоговые образуют обычные, как правило, простые слова, т.е. образуют новые корневые морфемы, и неустойчивая группа алфавитизмов, которая лишь в некоторой своей части приобретает статус слова. Звуковая структура их ведет к образованию новых корневых морфем и простых слов только в том случае, когда СЛЕ приобретает достаточную частоту употребления.

б) Все компоненты сокращаются, каждый до слога, образуя собственно слоговые аббревиатуры. Данная группа образует слова, внешне не отличающиеся от обычных слов. Слоговой способ чтения таких слов способствует закреплению их как самостоятельных единиц словаря. Графически они также, как правило, не отмечены. Это слова типа: Telex < tele-type exchange, sitcom < situation comedy, thyristor < thyatron + transistor, OpEd < Opposite Editorial, propionil < propionic + anilide, technetronic < technologic + electronic, thibendazole < thiazole + benzimidazole, penicilline < amino + penicillin, vibronic < vibration + electronic, ecdysone < ecdysis + hormone.

в) сокращению подвергаются все компоненты, однако одни из них могут сокращаться до слога, занимающего разное место, другие сохранять лишь одну из нескольких букв, например, TACAN [tæ, kən] < tactical air navigation, melatonin < melanocyte + serotonin, gok [gɔk] < gaseous oxygen, krad [kei'rad] < kilorad.

К этой группе примыкают так называемые бленды и телескопные слова. Они представляют собой в отличие от основной массы СЛЕ этой группы соединения разных частей слов, входящих в исходное сочетание, например, plench < pliers + wrench, immittance < impedance + admittance, dawk < dove + hawk, Spanglish < Spanish + English.

Непрестанный рост аббревиатур разного типа связан с особыми сферами их активности. Они свойственны разным слоям лексической системы, их появление и предпочтительное использование наряду с исходными сложными наименованиями, связано с целым рядом экстралингвистических, социальных факторов.

По сферам употребления разные типы аббревиатур распределяются очень неравномерно. Аббревиатуры, характерные для нейтральной и стилистически сниженной разговорной лексики составляют сравнительно небольшую группу. Основная масса аббревиатур представлена в литературно-книжной лексике, в основном в научно-технической и политической терминологии, где они составляют более половины (62,93%) всех СЛЕ, представленных в словарях новых слов. Анализ аббревиатур в исследуемом корпусе инноваций показывает, что они в разной степени свойственны разным наукам - на первый план выдвигаются такие области как медицина, химия, биология, космические исследования, физика, вычислительная техника, т.е. наиболее развивающиеся отрасли человеческой деятельности сегодняшнего дня. Сложные комплексные наименования оказываются крайне громоздкими и затрудняющими общение, что и вызывает необходимость более краткого, конденсированного и целостного термина.

В области медицины аббревиатуры используются в основном для названия лекарств (из 134 единиц - 122, что составляет 93%) например, oxazepam = tranquilizing drug, oxacillin = a semisynthetic penicillin, impramine = an antidepressant drug и т.п.

В химической терминологии аббревиатуры используются преимущественно для обозначения различных химических веществ, реактивов, используемых в различных отраслях науки, промышленности, сельского хозяйства, например: azinphosphomethyl = a pesticide used against insects and mites, mechlorethame = a nitrogen mustard used as a war gas.

СЛЕ, используемые в области вычислительной техники, обозначают преимущественно различные языки машин, например, COBOL < Common Business Oriented Language, a computer programming language for manipulating string of symbols; ALGOL < Algorithmic Language, a computer language using algebraic notation, Formular Translator, a computer language used for writing programs involving scientific and algebraic computations.

СЛЕ - термины, используемые в политической лексике,

обозначают названия политических организаций, государственных учреждений, документов и т.д. Например, DOD < Department of Defence (of USA). SALT < Strategic Arms Limitation on Talk, client < client state, a dependent state or government, stagflation < stagnation and inflation, a stagnant economic condition marked by rising unemployment and spiraling inflation.

Аббревиатуры, относящиеся к разговорной лексике, отражают разнообразные стороны жизни и деятельности общества, например: parky g.l. = a park keeper, crazy = a crazy person, L-driver = a learner driver, laundromat = laundry + automat, cashomat = cash + automat, moped = motor + pedal, a lightweight motorbike that can be pedalled, narc g.l. = a federal narcotics agent, aquatel = aquatic hotel, autocide = suicide committed by crashing one's car.

Для аббревиатур этого класса характерны типы А и Б с ровной звуковой структурой, а также бленды (тип Г, б), разрешающие внесение некоторого экспрессивного, комического эффекта, эффекта неожиданного соединения начала одного слова с концом другого слова, как например: radiclib < radical + liberal, stagflation < stagnation + inflation, Japlish < Japanese + English и т.п.

Для всех отраслей науки и техники, т.е. для терминосистем наиболее типичны В и Г, т.е. представленность всего сложного образования инициальными буквами, слогами каждого слова, либо набором букв, представляющих каждый компонент, разрешающих получить удобную для произношения слоговую структуру.

Для медицины типичен и тип Б, т.е. частичное сокращение с сохранением полного состава опорного слова исходного словосочетания.

Причины особо бурного развития аббревиатур в этих науках, которые отмечены потоком новых, сложных, состоящих из длинных описаний лекарств, различных химических веществ, реактивов, новых машин, приборов с множеством функций, но-

вых свойств и возможностей носят как лингвистический, так и социальный характер. Лингвистические и психологические причины, по-видимому, лежат и в том, что аббревиация дает возможность превращения расчлененного сложного описания в целостную, немотивированную лексическую единицу, удобную в общении и хранении в памяти человека. Более того, структура аббревиатур не требует формального обозначения взаимоотношений разных существенных характеристик объекта, не требует обязательного существования соответствующего оформленного словосочетания. Немаловажным лингвистическим фактором является и то, что большая часть слоговых аббревиатур составляет в каждой данной терминосистеме однозначные единицы, чему способствует (в типе Г - инициализмы) и графическая их форма - написание заглавными буквами.

К этому следует прибавить и социальные причины (6). Большая часть названий, например, названия лекарств, химических препаратов не остается в узком профессиональном кругу, а становится достоянием промышленности, сельского хозяйства, строительства и становится необходимой для повседневного общения широких масс носителей языка. Предпочтительность аббревиатур, как целостных знаков длинным и громоздким названиям в этих случаях самоочевидна.

Подводя итоги вышесказанному, следует подчеркнуть, что:

1) аббревиация - представляет собой продуктивный, развивающийся способ образования новых слов, присущий как разным терминосистемам науки и техники, так и нейтральной и разговорной, стилистически сниженной речи.

2) Аббревиация выступает и как способ преобразования самостоятельно функционирующего словосочетания, в результате чего устанавливаются своеобразные синонимические отношения СЛЕ и словосочетания, и как способ формирования новой лексической единицы, не имеющей коррелята в лексической системе.

3) Аббревиация ведет к появлению новых корневых морфем, образованию деривационно простых новых слов и своеобразной группы сложений.

Л и т е р а т у р а

1. См., например: Алексеев Д.И. Стилистические особенности аббревиатур и сложносокращенных слов. - В кн.: Вопросы стилистики: Тезисы докладов на межд. научн. конф. Саратов, 1962, и др.

2. Исаченко А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. - Slavica, 1958, № 3, с. 340.

3. Мартине А. Основы общей лингвистики. - В кн.: Новое в лингвистике, 1963, вып. 3.

4. Barnhart Cl., Stenmetz Sal., Barnhart R.K. A Dictionary of New English 1963-1972. Longman, 1973. 6,000 Words A Supplement to Webster's Third New International Dictionary, USA, 1976.

5. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций. - В кн.: Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977, с. 231.

6. Медникова Э.М., Каравкина Т.Ю. Социо-лингвистический аспект продуктивного словообразования (на материале польского языка). - Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, 1964, № 5.

СОДЕРЖАНИЕ

А.Я.Банкав. Глагольные галлицизмы латышского языка..	5
О.В.Буш. Денотативные и коннотативные элементы в семантике сленгизмов латышского языка.....	12
Н.Н.Данченко. Новаторство Дж.Г.Байрона в использовании фразеологических средств в поэме "Дон Жуан".....	17
Ю.Ю.Карклиньш. Осложнение структурных схем простого предложения с секундарно-предикативными компонентами.....	28
Л.М.Ковалева. Об одном случае синтаксико-семантической инновации в современном английском языке.....	37
Т.В.Король. Распределение некодифицированных /оказиональных/ сложных номинативных единиц по "полям признака"	47
L.Leikuma. Aizgūto verbu iekļaušanās Izvaltas izloksnes sistēmā.....	54
А.С.Начисчионе. Воспроизводимость приемов окказионального преобразования фразеологических единиц в речи.....	61
О.Л.Озолинь. Функционально-семантические и структурные особенности однокоренных образований в старофранцузском и в современном французском языке /на материале вещественных прилагательных/.....	69
L.Orlovska. Frazeologiskie okazionālisti E.Salienieka romānā "Tā vini strādāja".....	79

В.Л.Рапа.	Тенденция герундиального существительного к терминологизации.....	91
Я.К.Рашкевич.	Некоторые проблемы лексических инноваций и их отражение в лексикографических источниках.....	102
В.Соиде.	Par dažiem jauninājumiem un par sufiksu -ain- adjektīvū darināšanas sistēmā.....	110
В.П.Скуиня.	Использование интернациональных элементов в латышском словотворчестве.....	121
Е.П.Тюленева.	Соотношение прямой и косвенной номинации при обозначении пространственных отношений.....	127
A.Treilons.	Jaunākās tendences lietvārdu-darbību nosaukumu veidošanā angļu un latviešu valodās.....	136
Б.Э.Узня.	Лексические инновации в публицистической литературе в сфере защиты природы.....	144
С.С.Хидекель, Н.Н.Алексеева.	К типологии сокращенных лексических единиц /на материале новых слов современного английского языка/.....	152

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П.Стучки

Рига 1982

На латышском и русском языках

LEKSISKAS UN GRAMATISKAS INOVĀCIJAS

Zinātnisko rakstu krājums

Redaktori: L.Orlovska, R.Dovgoplova, D.Markusa
Tehniskā redaktore I.Balode
Korektore I.Balode

Parakstīts iespiešanai 25.02.1982. JT 09023 Papīra formāts
60x84/16. Papīrs Nr.1. 10,8 fiz.iespiedl. 9,8 uzsk.iespiedl.
8,0 uzsk.izdevn.l. Metiens 400 eks. Pasūt.Nr.537. Maksā 80 k.

P.Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Rīga 226098, Raiņa bulv.19
Iespiests P.Stučkas LVU tipogrāfijā
Rīga 226050, Veidenbauma ielā 5